

А.В.Чудинов

**Размышления
англичан
о французской
революции**

•Памятники исторической мысли•

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

А.В. ЧУДИНОВ

РАЗМЫШЛЕНИЯ
АНГЛИЧАН
О
ФРАНЦУЗСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ

Э. БЁРК
ДЖ. МАКИНТОШ
У. ГОДВИН

МОСКВА
• ПАМЯТНИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ •
1996

ББК 63.3(0)

Ч84

Рецензенты

доктор исторических наук Т. А. Павлова
кандидат исторических наук Д. А. Ростиславлев

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
Код проекта 96-01-16196

Чудинов А. В.

Ч84 Размышления англичан о Французской революции:
Э. Бёрк, Дж. Макинтош, У. Годвин. М.: Памятники исторической мысли, 1996. – 304 с.

ISBN 5-88451-039-X

ББК 63.3(0)

Тема книги – дискуссия в Англии конца XVIII века о Французской революции. Автор показывает, как события во Франции интерпретировались тремя выдающимися английскими мыслителями, активно участвовавшими в дебатах, и как восприятие революции отразилось на их социально-политических доктринах.

Ч 0503010000 – 14
01Д(03) – 96

ISBN 5-88451-039-X

© А.В.Чудинов, 1996

© Анна Черных, оформление, 1996

От автора

Предлагаемая вниманию читателей книга — итог 15-ти лет исследовательской работы, начало которой положил доклад о памфлете Дж.Макинтоша "Иск галлов", выполненный в спецсеминаре профессора Геннадия Семеновича Кучеренко. Все годы учебы в Московском государственном педагогическом институте, а затем — работы в Институте всеобщей истории РАН я имел и имею счастливую возможность получать добрые советы и дружескую поддержку своего первого научного руководителя, а потому с удовольствием пользуюсь случаем засвидетельствовать ему свою глубочайшую признательность и уважение.

Хочу также отдать долг светлой памяти безвременно ушедших из жизни Анатолия Васильевича Адо и Владимира Федоровича Мордвинцева, с кем мы не раз обсуждали содержание моей будущей монографии, увидеть которую им, увы, так и не довелось.

Не могу не вспомнить с благодарностью имена коллег старшего поколения, чей опыт и доброжелательное отношение немало помогли мне на разных этапах исследования, — Т.Баркера, Н.Н.Болховитинова, А.В.Гордона, Р.Дарнтон, Х.Накагавы, И.Н.Осиновского, Т.А.Павловой, А.Форреста, Л.С.Чиколини, А.Э.Штекли.

Спасибо друзьям и собратям по ремеслу С.Н.Карпу, С.В.Кондратьеву, Е.В. и Ю.В.Кудряшовым, И.Н.Кузнецову, В.М.Ловчеву, О.Ю.Малиновой, А.И.Петиновой, Н.Ю.Плавинской, Д.А.Ростиславлеву, О.Ю.Саламатовой и всем тем, с кем мы за эти годы делили радости и огорчения нашей общей профессии.

И, разумеется, едва ли я сумел бы довести до конца задуманное, если бы не терпеливое участие моей жены Татьяны Николаевны Захаровой, сделавшей все от нее зависевшее для того, чтобы эта книга была написана.

май 1996 г.

ВВЕДЕНИЕ

Хотя в истории Европы XVIII столетие принято считать "французским", Англия, быть может, ничуть не меньше Франции задавала тон практически во всех сферах жизни Старого и Нового Света. Военное и политическое противоборство двух государств определяло состояние международных отношений не только на континенте, но и далеко за его пределами — от Индии до Америки. Английские и французские философы, писатели, художники выступали признанными корифеями, а их произведения соперничали между собой в популярности среди читающей публики и ценителей искусств. В обеих странах действовали крупнейшие научные центры того времени, и большинство выдающихся открытий в естественных и точных дисциплинах — открытий, на которые был столь богат XVIII в., связано с именами английских и французских ученых.

Однако существовала и такая область общественного бытия, где две конкурировавшие державы не могли состязаться на равных, а именно — область гражданских и политических свобод. Англия, пожинавшая плоды радикальных преобразований предыдущего столетия, с полным основанием могла гордиться уникальными для той поры конституционными актами, обеспечившими гарантии основных гражданских прав, в том числе — неприкосновенность личности и свободу слова. Франция же все еще находилась под властью абсолютного монарха. Вот почему, если на Британских островах кипела бурная политическая жизнь — партии боролись за места в парламенте, избиратели выступали в поддержку своих депутатов, парламент принимал законы и менял министров, а каждый общественно важный вопрос широко обсуждался в печати; то по другую сторону Ла-Манша государственные дела решались лишь узким слоем правящей элиты. Иначе говоря, англичане *жили* бурной общественной жизнью, французам же приходилось лишь с завистью *наблюдать* и *обсуждать* ее. Вот почему крупнейшие француз-

ские мыслители Века Просвещения так часто брались за описание государственного строя Великобритании и немало страниц посвятили выяснению его положительных и отрицательных черт¹

Подобное распределение ролей продержалось почти целое столетие и только на исходе века Французская революция заставила стороны поменяться местами. Теперь "гласно" действовали уже французы, которые, словно спеша наверстать упущенное, принялись с энтузиазмом разрушать Старый порядок и возводить по заветам просветителей новое, разумное общество. Англичане же, кто с восторгом, кто с ужасом, кто со злорадством — и все с изумлением, наблюдали за происходившим у соседей. Наблюдали и обсуждали. Французская революция вызвала в британской печати беспрецедентную по размаху и составу участников дискуссию, в которую внесли вклад практически все крупнейшие государственные деятели, философы, историки и литераторы Англии того времени. В ходе дебатов увидели свет десятки больших и малых произведений. Некоторые из них стали классикой мирской общественной мысли, во многом определив пути ее дальнейшего развития, так как в последующие два столетия практически каждому автору сколько-нибудь значительной социально-политической системы, претендовавшей на всеобъемлющее объяснение закономерностей жизни общества, приходилось так или иначе определять свое отношение к Французской революции — крупнейшему событию в истории нового времени. "История разных пониманий французской революции представляет собою часть истории тех влияний, какие она продолжала оказывать

¹ Достаточно хотя бы упомянуть такие труды "грандов" Просвещения, как *Вольтер. Философские письма (1733)*// *Вольтер. Философские сочинения. М., 1988*; *Мабли Г. Б. Об изучении истории (1755). Ч. 2. Гл. 5. Об английском правлении*// *Мабли Г. Б. Об изучении истории. - О том, как писать историю. М., 1993*; *Монтескье Ш. Л. О духе законов (1748). Кн. XI. Гл. 6. О государственном устройстве Англии*// *Монтескье Ш. Л. Избранные сочинения. М., 1955. Подробнее же об этом см.: Bonno G. La constitution britannique devant l'opinion française de Montesquieu à Bonaparte. P., 1931.*

на последующие поколения, то оказывавшиеся неспособными ее надлежащим образом понять, то наоборот, открывавшие в ней все новые и новые стороны, каких до того момента совсем не видели," — отмечал выдающийся русский исследователь Н. И. Кареев¹.

Не менее важную роль эти дебаты сыграли в развитии такой сферы общественного сознания, как историческая мысль, положив начало одной из ее важнейших отраслей — историографии Французской революции². Именно в ходе первых споров о революции были поставлены многие вопросы, которые позднее разрабатывались профессиональными историками³. Не удивительно, что столь авторитетный исследователь революции, как Ж.Жорес, особо подчеркивал огромную значимость для истории общественной и, в частности исторической, мысли анализа дискуссии англичан 90-х годов XVIII в. о французских событиях⁴.

Цель настоящей работы — исследовать, как Французская революция воспринималась и интерпретировалась тремя выдающимися английскими мыслителями, активно участвовавшими в дебатах 90-х годов XVIII в. — Эдмундом Бёрком, Джеймсом Макинтошем и Уильямом Годвином, — и проанализировать, как восприятие революции отразилось на их социально-политических взглядах. Выбор этих авторов обусловлен тем, что каждый из них сыграл в дискуссии одну из ключевых ролей: Бёрк выступил инициатором спора, определив его высокий теоретический уровень и полемический накал, Макинтош создал практически первое в мировой историографии исследование о Французской революции, Годвин был автором крупнейше-

¹ Кареев Н. И. Французская революция в философии истории / Изд. подг. Д. А. Ростиславлевым и А. В. Чудиновым // Российское историко-архивное собрание. Т. 1. М., 1995. С. 490.

² Подробнее см.: *Ben-Israel H. English Historians of the French Revolution.* L., 1968.

³ См.: Кареев Н. И. Французские историки первой половины XIX века. Л., 1924. С. 26-88.

⁴ Жорес Ж. Социалистическая история французской революции. М., 1981. Т. 4. С. 366.

го и наиболее известного социально-политического трактата, появившегося в результате дебатов.

Кроме того, выбор названных фигур определен стремлением охватить максимально широкий спектр мнений, высказанных в ходе полемики. Ведь их имена историки, как правило, прочно связывают с разными идеологическими традициями: консервативной (Бёрк), либеральной (Макинтош) и социалистической (Годвин).

Кроме того, на примере творчества трех названных мыслителей мы попробуем проследить некоторые пути влияния указанной дискуссии на последующее развитие европейской общественной и, в частности, исторической мысли XIX — XX столетий.

Специфика предлагаемого в данной работе анализа социально-политических и исторических воззрений Э.Бёрка, Дж.Макинтоша и У.Годвина обусловлена особенностями творчества каждого из них; местом, которое в системе их взглядов занимала интерпретация Французской революции, и характером влияния их идей на последующее развитие общественной мысли. Так, Э.Бёрк встретил Французскую революцию, будучи уже опытным политиком и зрелым мыслителем с прочно устоявшейся системой взглядов, что позволило построить анализ его воззрений следующим образом: от характеристики общефилософских представлений к рассмотрению целостной и существенно не менявшейся исторической интерпретации французских событий. Не имея возможности в рамках настоящего исследования дать развернутую картину многогранного и разнопланового влияния идей Бёрка на дальнейшую эволюцию мировой общественной мысли, я остановился на менее других изученном аспекте данной темы, а именно — на роли Бёрка в определении путей последующего развития консервативной традиции историографии Французской революции.

Принципиально иной подход был избран для изучения идейного наследия Дж.Макинтоша. Поскольку практически каждый период его творчества ознаменован существенным изменением оценки им революционных событий во Франции конца XVIII в., а наибольшее влияние на становление либеральной традиции Макинтош оказал лич-

ным участием в идейно-политической борьбе первой трети XIX в., для исследования его взглядов применен хронологический подход, предполагающий параллельное исследование основных этапов жизни и идейной эволюции мыслителя.

Для изучения идей У.Годвина, вошедшего в историю общественной мысли прежде всего в качестве автора фундаментального трактата "Исследование о политической справедливости", наиболее оптимальным я счел проблемный подход. Вопросы об интерпретации Годвином французских событий и о влиянии его идей на социально-политические доктрины XIX — XX вв. рассмотрены в непосредственной связи с анализом ключевых проблем его основного произведения, а именно — проблем революции, государства и собственности.

Основу источниковой базы исследования составили сочинения Э.Бёрка, Дж.Макинтоша и У.Годвина. К сожалению, до сих пор не существует полного собрания работ ни одного из них. Правда, подобное издание трудов Бёрка было начато в Оксфорде еще в 1981 г.¹, однако поскольку до его завершения пока далеко, мне пришлось пользоваться прежде всего лондонским собранием его сочинений 1808 г., как наиболее полным из ныне имеющихся², а при необходимости — обращаться также к американскому бостонскому собранию 1839 г.³, либо к отдельным изданиям некоторых из его работ⁴. Уточнить взгляды Бёрка по ряду проблем позволяет также его корреспонденция, фундаментальное издание которой было осуществлено в 1958 — 1978 гг. в Кембридже⁵.

Труды Дж.Макинтоша наиболее полно представлены в

¹ The Writings and Speeches of Edmund Burke. Oxford, 1981-1991. Vol. 2 (1981); 5 (1981); 6 (1991); 8 (1988); 9 (1991).

² The Works of the Right Honourable Edmund Burke. 8 vols. L., 1808. (Далее — Works).

³ The Works of Edmund Burke. 9 vols. Boston, 1839. (Далее — Works. Boston.).

⁴ The Philosophy of Edmund Burke. Ann Arbor, 1960.

⁵ The Correspondence of Edmund Burke. 10 vols. Cambridge, 1958-1978.

собрании его произведений, опубликованном сыном историка Робертом Джеймсом Макинтошем после смерти отца. В своей работе я использовал американское издание этого собрания¹, однако при анализе “Иска галлов” обращался также ко второму английскому² и к французскому³ изданиям данного сочинения, поскольку в более поздних вариантах есть некоторые отличия от первоначального текста.

Письма и дневники Дж.Макинтоша широко представлены в его двухтомной биографии, также опубликованной его сыном⁴. Одно из не попавших туда писем мне удалось обнаружить в Российском государственном архиве древних актов⁵.

Хотя главный труд Уильяма Годвина “Исследование о политической справедливости” (или, как его еще часто называют, “Политическая справедливость”) неоднократно переиздавался в XIX и XX столетиях, я в основном пользовался текстом 1793 г.⁶. Дело в том, что последующие перепечатки либо выполнялись со значительными сокращениями⁷, либо повторяли третье издание этой книги⁸,

¹*Mackintosh J. The Miscellaneous Works. Philadelphia, 1843.*

²*Mackintosh J. Vindiciae Gallicae. A Defence of the French Revolution and Its English Admirers Against the Accusations of the Right Honourable Edmund Burke, Including Some Strictures of the Late Production of Mons. de Calonne. L., 1791.*

³*Mackintosh J. Apologie de la Révolution française et ses amateurs anglais, en réponse aux attaques d'Edmund Burke, avec quelques remarques sur le dernier ouvrage de M. Calonne. P., 1792.*

⁴*Memoirs of the Life of the Right Honourable Sir J. Mackintosh / Ed. by his son R. J. Mackintosh. 2 vols. L., 1835. (Далее — The Life of J. Mackintosh).*

⁵РГАДА. Ф. 30 Новые дела. Д. 312 О привлечении английского юриста Макинтоша к рассмотрению проекта составления Свода законов Российской империи. 1802. Лл. 9-12.

⁶*Godwin W. An Enquiry Concerning Political Justice and Its Influence on General Virtue and Happiness. L., 1793. (Далее — Political Justice).*

⁷*Godwin W. An Enquiry Concerning Political Justice and Its Influence on General Virtue and Happiness. N.Y., 1926; Idem. An Enquiry Concerning Political Justice. Oxford, 1971.*

⁸*Godwin W. An Enquiry Concerning Political Justice and Its Influence on Morals and Happiness. 2 vols. L., 1798; Ibid. L., 1842; Ibid. 3 vols.*

вышедшее в 1798 г. после существенной переработки ее автором, в результате которой, однако, было утрачено многое из того, что собственно и составляло оригинальность системы Годвина, обусловило ее место в истории социально-политических идей и влияние на последующее развитие общественной мысли. "Именно первое издание, которое было написано в недели, отмеченные лихорадочным возбуждением перед началом войны 1793 г., создало Годвину репутацию и определило его будущее... Многие поклонники книги по-прежнему отдают предпочтение ее первоначальному варианту, несмотря на его недостатки, которые в дальнейшем были исправлены, и видят в нем сливки годвинизма, позднее разбавленные водой", — утверждает автор новейшей биографии философа У.Сен-Клер¹.

Кроме "Политической справедливости", я обращался и к другим, менее известным произведениям Годвина, опубликованным в конце XVIII- начале XIX вв.²

Особую ценность для изучающих идейные истоки системы этого мыслителя представляет его "Дневник", в котором он на протяжении многих лет делал отметки о том, что читал и с кем общался. В настоящее время этот документ вместе с другими бумагами частного архива Годвинов-Шелли хранится в Бодлеанской библиотеке Оксфорда³. Пользуясь случаем, выражаю искреннюю признательность владельцу коллекции лорду Абинджеру за предоставленную мне возможность ознакомления с материалами фонда и разрешение использовать их в данной работе.

Toronto, 1946.

¹St. Clair W. The Godwins and the Shelleys. The Biography of a Family. L., 1989. P. 70.

²Godwin W. The Enquirer. Reflections on Education, Manners and Literature. L., 1797; *Idem*. Thoughts Occasioned by the Perusal of Dr. Parr's Spital Sermon, Being a Reply to the Attacks of Dr. Parr. Mackintosh, Malthus and Others. L., 1801; *Idem*. Of Population. An Enquiry Concerning the Power of Increase in the Numbers of Mankind, being an Answer to Mr. Malthus' Essay on that Subject. L., 1820; *Idem*. Uncollected Writings (1785-1822). Gainesville (Florida), 1968.

³Bodleian Library (Oxford). Lord Abinger Mss. Godwin's Diary. (Далее — Godwin's Diary).

Помимо произведений трех названных мыслителей, источниками исследования послужили также сочинения их современников, участвовавших в спорах о Французской революции, — К.Маколей, Т.Пейна, Р.Прайса, Дж.Пристли, Ч.Стэнхоупа, М.Уолстонкрафт, Ч.Дж.Фокса, Р.Б.Шеридана; публикации парламентских дебатов¹; европейская пресса конца XVIII- начала XIX вв.; произведения историков и философов последующих двух столетий, в той или иной степени испытывавших влияние идей, выдвинутых в ходе указанной дискуссии.

* * *

За прошедшие два столетия исследователи не раз обращались к чрезвычайно важной и сложной теме первых споров англичан о Французской революции. Научная литература, посвященная данному сюжету весьма обширна. Однако при ближайшем рассмотрении нетрудно заметить, что различные аспекты темы освещены далеко не равномерно.

Чаще всего дебаты о Французской революции рассматривались как одно из наиболее ярких проявлений социально-политической борьбы в Англии конца XVIII в. С начала этого столетия и до наших дней в англо-американской историографии довольно активно разрабатывалась проблема влияния данной дискуссии на политическую культуру различных слоев британского общества. Уже не раз высказывалось мнение, что споры о Французской революции положили начало принципиально новому этапу в истории Британии, поскольку в них впервые после революции середины XVII в. был поднят вопрос о праве на участие в управлении государством прежде далеких от

¹ Archives parlementaires de 1787 à 1860. Recueil complet des débats législatifs et politiques des chambres françaises. Ser. 1 (1787 à 1799). Vol. 48-49. P., 1896; The Parliamentary Debates. Ser. 1. Vol. 27-41. L., 1814-1820; Ser. 2. Vol. 1-25. L., 1820-1830; Ser. 3. Vol. 1-10. L., 1831-1832; The Parliamentary History of England from the Earliest Period to the Year 1803. Vol. 28-36. L., 1816-1820.

* Этот раздел содержит обзор научных трудов, освещающих указанную дискуссию в целом. Характеристика исследований по конкретным проблемам, рассматриваемым в настоящей работе, дана ниже, в соответствующих главах.

политики социальных "низов". Американский историк У.Ф.Холл, написавший одну из первых специальных работ об английских якобинцах, подчеркивал, что "революционный радикализм" в Англии берет свое начало именно с выхода в свет "Размышлений о революции во Франции" Э.Бёрка, которые, вызвав раскол среди вигов и переход на сторону тори части умеренных реформаторов, побудили радикалов приступить к разработке нового идеологического обоснования реформ¹. Правда, автор монографии рассматривал лишь конкретные политические требования, выдвигавшиеся участниками дискуссии, оговорив, что не ставит себе целью изучение ее теоретического содержания².

Современный историк английского рабочего движения А.Бриггс также подчеркивает важное значение дебатов о Французской революции для развития политического сознания "низов" английского общества. "Когда сторонники радикализма, — пишет А.Бриггс, — не брали пример непосредственно с Парижа, они обращали восхищенный взор на Тома Пейна. То, что Пейн делал упор не только на права человека, но и на противоречие между социальными потребностями и тиранической политикой правительства, шокировало многих из числа прежних английских реформаторов, но зато привело к появлению в городах новых групп приверженцев реформ"³.

Это же мнение разделяет и автор одного из разделов новейшей коллективной монографии о влиянии Французской революции на Англию К.Эмсли, видевший главный результат дискуссии 90-х годов XVIII в. в том, что радикалы, сделав предметом обсуждения политические и социальные права "низов", вызвали приток в свое движение "плебейских активистов"⁴.

Однако у данной точки зрения было и остается немало

¹ Hall W.Ph. British Radicalism 1791-1797. N.Y., 1912. P. 46.

² Ibid. P. 249.

³ Briggs A. The Age of Improvement 1783-1867. L., 1979. P. 132.

⁴ Emsley C. The Impact of the French Revolution on British Politics and Society // The French Revolution and British Culture. Oxford, 1989. P. 60.

оппонентов. Например, британский историк Р.Бирли, исследовавший, в отличие от У.Ф.Холла, прежде всего идеологический аспект дебатов о Французской революции, отмечал, что доктриной радикальных реформаторов были естественноправовая теория и отчасти идеи утилитаризма в трактовке Годвина, не имевшие прямой связи с повседневными реалиями социальной жизни, а потому чуждые подавляющему большинству населения. Сколько бы реформаторы не пропагандировали "Политическую справедливость" Годвина, она не находила широкого отклика именно из-за полного пренебрежения ее автора экономическими проблемами. Напротив, консерваторы (и виги, и тори), чьим идеологом был Бёрк, выступали как прагматики — противники "смешения метафизики и политики"¹. И все же Р. Бирли признавал заслугу английских якобинцев в постановке целого ряда актуальных политических и социальных вопросов, которые в дальнейшем пришлось решать представленным в парламенте "партиям"².

Знаменитый британский политик и историк У. Черчилль также считал, что идеи, высказанные Бёрком в ходе дебатов о Французской революции, разделялись подавляющим большинством нации, тогда как принципы его оппонентов оставались достоянием сравнительно узкой группы ученых и политических мыслителей. И хотя последние имели прогрессивные взгляды, "это было лишь слабое брожение в монолитно консервативной среде основной массы англичан"³.

Один из наиболее авторитетных сегодня специалистов по данному периоду И.Р.Кристи, соглашаясь с тем, что радикалы сумели поставить в ходе дискуссии о французских событиях ряд действительно актуальных для того времени политических и социальных вопросов, предостерегает, однако, от преувеличений в оценке уровня демократичности их взглядов: "Если даже взять всего лишь трех наиболее известных радикалов 1790-х годов, то и Макинтош,

¹ *Birley R.* The English Jacobins from 1789 to 1802. L., 1924. P. 4-8.

² *Ibid.* P. 38-39.

³ *Churchill W. S.* A History of the English-Speaking Peoples. L., 1962. Vol. 3. P. 204, 225, 230.

и Годвин, и Тельвол делали серьезные оговорки относительно степени участия невежественных масс в государственных делах"¹.

Другой важный аспект внутривластного значения для Англии конца XVIII в. дебатов о Французской революции, неизменно привлекающий внимание историков, это — влияние данной дискуссии на развитие британского парламентского строя и, в частности, на становление двухпартийной системы нового времени.

Дж.С.Вейч, автор вышедшего в 1913 г. исследования об английском движении за парламентскую реформу, говоря о разработке ее конституционно-правового обоснования, высоко оценил теоретический уровень указанных дебатов: "Было выпущено, по меньшей мере, 38 ответов [Бёрку]. Большинство из них теперь уже не читают и быть может лишь немногие сегодня стоит читать. Но мир многое потеряет, забыв хотя бы об одном из них"². Отметив, что дискуссия имела два ключевых аспекта: теоретический спор об основных принципах государственного устройства Англии и столкновение различных исторических трактовок Французской революции³, автор книги сосредоточил все внимание на первом из них, оставив в стороне второй, и подробно осветил отношение наиболее известных участников спора (Бёрка, Уолстонкрафт, Макинтоша и Пейна) к конституционному принципу, выдвинутому Р.Прайсом: "король — слуга народа, который его назначает, содержит и перед которым он несет ответственность".

Также накануне Первой мировой войны было завершено фундаментальное исследование Ф.Брауна "Французская революция в английской истории", увидевшее свет, правда, лишь в 1919 г., уже после гибели автора на фронте. В этой работе, до сих пор не утратившей своей научной ценности, дискуссия о французских событиях рассмотрена в общем контексте борьбы между сторонниками парламентской реформы и властями. По мнению Ф. Брау-

¹ Christie I. R. Wars and Revolutions, 1760-1815. L., 1982. P. 210.

² Veitch G. S. The Genesis of Parliamentary Reform. 2nd ed. N.Y., 1965. P. 166.

³ Ibid. P. 175.

на, именно выступления Бёрка в печати и парламенте побудили правящие круги к активным действиям против приверженцев радикальных преобразований, а его идеи нашли отражение в петициях лоялистских ассоциаций, в антиякобинских памфлетах, в приговорах, выносившихся шотландскими судьями лидерам демократических обществ¹.

С другой стороны, хотя такие идеологи радикалов и оппоненты Бёрка, как М.Уолстонкрафт, Т.Пейн и особенно автор "Исследования о политической справедливости" У.Годвин² считали себя выразителями интересов "низов" общества, никакие доводы, утверждал историк, не позволили им добиться поддержки широкими слоями населения их требований провести преобразования по французскому образцу: "Патриотизм оказался гораздо сильнее, чем недовольство [властями] или нужда"³.

Дж.Кэннон, также занимавшийся историей парламентской реформы в Великобритании, возражая Дж.С.Вейчу, заявил, что споры о Французской революции не только не приблизили, но, напротив, существенно отсрочили либеральные преобразования политической системы, так как вызвали чрезмерную поляризацию общественного мнения. Взгляды авторов наиболее популярных в то время произведений о революции — Т.Пейна и Э. Бёрка, выражавших в дебатах крайние точки зрения, были в равной степени чужды умеренным сторонникам парламентской реформы⁴.

Несколько иной взгляд на проблему предложил Ф.О'Горман, автор ряда исследований о парламентской системе Англии рубежа XVIII-XIX вв. Соглашаясь с тем,

¹ *Brown Ph. The French Revolution in English History. 3rd ed. L., 1965. P. 77.*

² «Это — попытка отправить людей к первичным принципам социальных противоречий. Книга содержит исчерпывающую критику существующего общества и смелое предсказание будущего. Годвин — казуист и фанатик, иезуит якобинцев сочетающий тонкую диалектику с проповедью аскетизма». — *Ibid. P. 43-44.*

³ *Ibid. P. 161.*

⁴ *Cannon J. Parliamentary Reform 1640-1832. Cambridge, 1973. P. 119-120.*

что именно спор о Французской революции привел к расколу партии вигов, безусловно ослабившему лагерь сторонников либеральных реформ¹, историк, однако, считает, что эти события ускорили переход политических партий на новые принципы формирования своего состава (вместо личных и клановых связей — общность идеологии), а значит, в конечном счете, — и установление современной двухпартийной системы.

Неоднократно также историками поднимался вопрос о влиянии данной дискуссии на внешнюю политику Англии в новой международной ситуации, сложившейся в результате происшедших во Франции изменений. Например, бельгийский историк Ж.Дешан отмечал, что именно выступления Бёрка в значительной степени способствовали изменению отношения английского правительства к революции с нейтрального на враждебное². Дж.Е.Куксон, чья работа посвящена анализу высказывавшихся в спорах 1790-х годов антивоенных идей³, также признавал, что, хотя временами правительство вынуждено было прислушиваться к доводам противников войны с Францией, аргументация Бёрка имела во многом определяющее значение для внешнеполитического курса страны.

Помимо влияния дебатов о Французской революции на различные аспекты политической жизни Англии XVIII в., достаточно широко также обсуждался вопрос о месте данной дискуссии в истории философских учений. Известный британский историк Э.Хобсбаум находил в теоретических спорах конца XVIII — начала XIX вв. истоки ведущих идеологических традиций современности. Мировоззренческую основу тех дискуссий, по его мнению, составлял конфликт между сторонниками и противниками философского рационализма Просвещения. Наиболее ярким

¹*O'Gorman F. The Whig Party and the French Revolution. L., 1967. P. 67-68; Idem. The Emergence of the British Two-Party System, 1760-1832. L., 1982. P. 23-24, 46.*

²*Dechamps J. Les Iles Britanniques et la Révolution française (1789-1803). Bruxelles, 1949.*

³*Cookson J. E. The Friends of Peace: Anti-War Liberalism in England, 1783-1815. Cambridge: Cambr. Univ. press, 1982.*

представителем последних Э.Хобсбаум признавал Бёрка, взглядам которого была присуща "откровенно иррациональная вера в достоинства традиции, преемственности и постепенного органического развития, что с тех пор составляет теоретическую основу консерватизма"¹. Соответственно, естественного преемника рационалистических принципов Просвещения, защищавшихся оппонентами Бёрка, этот историк видел в социализме XIX-XX вв. и прежде всего — в марксизме².

У.Харрисон также считал дискуссию англичан о Французской революции кульминацией шедшего на протяжении всего XVIII в. спора между сторонниками и противниками рационализма в политической философии: «Бёрк, хотя он прямо на это и не указывал, фактически напал в своих "Размышлениях о революции во Франции" на все направления континентального рационализма и на довольно ограниченные проявления рационализма в Англии»³. К числу наиболее ярких представителей такого рационализма У.Харрисон относил прежде всего У.Годвина⁴.

Р.У.Харрис полагал, что рационализм Просвещения довольно слабо затронул английскую общественную мысль XVIII в. Наиболее характерные ее черты, по мнению историка, выразил в 90-е годы Э. Бёрк, а отнюдь не его оппоненты, чья рационалистическая аргументация не находила отклика у британской публики: «Здравый смысл нации был с Бёрком, а не с Фоксом. Возможно, наилучшим ответом Бёрку стал "Иск галлов" вига Джеймса Макинтоша, но и он мало повлиял на общественное мнение»⁵.

Полемизуя с Л.Б.Нэмиром и его многочисленными последователями, видевшими ключ к пониманию едва ли

¹*Hobsbawm E. J. The Age of Revolution. Europe 1789-1848. N.Y., 1962. P. 240.*

²*Ibid. P. 241, 252.*

³*Harrison W. Conflict and Compromise: History of British Political Thought. 1593-1900. L., 1965. P. 86.*

⁴*Ibid. P. 134-140.*

⁵*Harris R. W. Political Ideas 1760-1792. L., 1963. P. 185.*

не всех событий политической истории Англии в изучении особенностей функционирования политических структур, Х.Т.Дикинсон, автор фундаментального исследования по истории британской общественной мысли XVIII в., убедительно доказал, что идеология в тот период имела для политики отнюдь не меньшее значение. Именно дискуссия о Французской революции, полагал он, стимулировала новый подъем движения за парламентскую реформу, придав требованиям его сторонников гораздо более радикальный характер. Этот период отмечен наиболее широким распространением естественноправовой аргументации в работах радикальных идеологов, которым были также свойственны, как правило, отрицательное отношение к исторической традиции и безграничная вера в прогресс¹. Главную же роль в идеологической защите традиционных социально-политических ценностей реально существующего общества от критики радикалов сыграл Э.Бёрк, определивший в тот период основные особенности английского консерватизма². И все же, по мнению Х.Т.Дикинсона, в позициях большинства участников спора совпадений было едва ли не больше, чем расхождений. Консерваторы на подвергали сомнению либеральные ценности, провозглашенные Славной революцией 1688 г., радикалы, за малым исключением, и не думали нападать на принцип частной собственности, а потому идейная борьба между ними способствовала стабильному и в основе своей мирному развитию английского общества того времени³.

Т.Ф.Шофилд, проанализировав участие в дискуссии о Французской революции английских консервативных мыслителей, отметил, что хотя в своей критике политического радикализма они опирались на разные философские традиции (теологический утилитаризм, теория договора, теория естественного закона), всем им было свойственно полное неприятие просветительского рационализма:

¹ *Dickinson H.I. Liberty and Property. Political Ideology in Eighteenth-Century Britain. N.Y., 1977. P. 240-244.*

² *Ibid. P. 291.*

³ *Ibid. P. 317-318.*

"Консерваторы отвергали предлагавшуюся радикалами апелляцию к разуму, поскольку видели в человеке нечто большее, нежели просто рациональную счетную машину, а именно — чрезвычайно сложное эмоциональное и религиозное существо"¹.

Таким образом, изучение философского подтекста споров английских мыслителей о Французской революции велось в последние десятилетия не менее активно, чем разработка вопроса о месте данной дискуссии во внутриполитической борьбе в Англии конца XVIII в. Однако и философские концепции, и социально-политические доктрины участников дебатов рассматривались в названных трудах практически вне связи с предлагавшимися в ходе дебатов историческими интерпретациями французских событий. Некоторые из авторов, писавших о философском и политическом содержании дискуссии, даже специально оговаривали, что не будут входить в подробное рассмотрение их исходного момента, а именно — расхождений в оценках существа Французской революции².

Весьма неравномерно освещены эти дебаты и в биографиях их участников. Так, некоторые биографы Дж. Пристли вообще обходят молчанием вопрос о его вкладе в полемику о революции³. Зато многие исследователи творчества Т. Пейна, стремясь подчеркнуть роль своего героя в дискуссии, явно принижают ценность трудов других ее участников и особенно главного оппонента Пейна — Бёрка. Так, например, А. О. Олдридж заявил, что в споре о революции Пейн одержал победу над Бёрком, поскольку, якобы, именно точка зрения Пейна на Французскую революцию стала преобладающей в западном ми-

¹ *Schofield Th. Ph.* Conservative political thought in Britain in response to the French Revolution // *The Historical Journal*. 1986. Vol. 29. N. 3. P. 604-605.

² *Stanlis P.J.* Edmund Burke and the Natural Law. Ann Arbor, 1958. P. 140; *Canavan F. P.* The Political Reason of Edmund Burke. Durham, 1960. P. X.; *Fennessy R.* Burke, Paine and the Rights of Man. La Haye, 1963. P. VI, 109.

³ *Gibbs F. W.* Joseph Priestley - Adventurer in Science and Champion of Truth. L., 1965; *Taylor B.* Joseph Priestley. The Man of Science. L., 1954.

ре¹. Впрочем, сколько-нибудь убедительной аргументации, подтверждающей это утверждение, историк не привел.

Не говоря о том, что такие суждения, как правило, выносятся в результате ознакомления лишь с одной из высказанных в споре точек зрения, а отнюдь не сравнительного их анализа, в целом попытка освещать дискуссию с позиции одной из представленных в ней сторон (неважно — Бёрка, Пейна или кого-либо еще), невольно превращающая историка из исследователя полемики в ее участника, едва ли способна обеспечить достаточно объективное и всестороннее изучение проблемы. Однако именно такой подход, к сожалению, довольно долгое время преобладал в отечественной историографии данной темы.

Изучение идей Э.Бёрка, виднейшего идеолога консерватизма, сыгравшего одну из ключевых ролей в дебатах о Французской революции, для советских историков было существенно осложнено идеологическими обстоятельствами. Буквально воспринимая требование К. Маркса о необходимости "снова и снова клеймить Бёрков, отличающихся от своих последователей только одним — талантом!"², авторы научных работ нередко характеризовали творчество английского мыслителя в чисто публицистической манере. Так, в "Историографии средних веков" Е.А.Косминский, достаточно точно очертив основные особенности мировоззрения Бёрка, при рассмотрении его взглядов на Французскую революцию переходит от академичной манеры изложения на язык памфлета: «Особенно яростно нападает он [Бёрк] на революцию в своих "Мыслях о перспективах мира". Они как бы покрыты пеной бешенства, проникнуты иступленной ненавистью»³.

¹ Aldridge A. O. Man of Reason. The Life of Thomas Paine. N.Y., 1959. P. 142. и: Уайт: Conway M. D. The Life of Thomas Paine. L., 1909. P. 115; Connell J. M. Thomas Paine. L., 1939. P. 29; Fast H. Citizen Thomas Paine. N.Y., 1943. P. 94; Williamson A. Thomas Paine. His Life, Work and Times. L., 1973. P. 122.

² Маркс К. Капитал. Критика политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1960. С. 770.

³ Косминский Е.А. Историография средних веков. М., 1963.

Г.С.Волкова, автор первого в отечественной историографии специального исследования о социально-политических воззрениях Бёрка, подробно осветив идейную эволюцию мыслителя до 1790 г. и приступив к рассмотрению его работ о Французской революции, также сбивается на обличительный тон: «Под влиянием революции во Франции Бёрк утратил способность трезво и спокойно рассуждать, его "Размышления" представляли собой не серьезный анализ обстановки во Франции, а бранный пасквиль на мероприятия и деятелей революции»¹. Разумеется, при таком подходе не могло быть и речи об объективном анализе вклада в дискуссию конца XVIII в. самого ее инициатора.

До 80-х годов нашего столетия дебаты англичан о Французской революции освещались в советской исторической литературе в основном с точки зрения лишь одной из участвовавших в них сторон, а именно — мыслителей радикального направления². Вне поля зрения исследователей оставались не только консервативные, но (за малым исключением³) даже вигские трактовки революции.

Только в начале 80-х годов представитель ленинградской школы историков Французской революции, исследователь из Чебоксар Ю.Б.Лебедев предпринял важную попытку существенно расширить область научного поиска и дать более взвешенный анализ исторической концепции

С. 279.

¹ Волкова Г.С. Социально-политические взгляды Эдмунда Бёрка. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1973. С. 20-21.

² Тарле Е. В. Французская революция и Англия // Тарле Е. В. Сочинения. Т. 7. М., 1959. С. 751-754; Гончаров Л. Н. Общественно-политические идеи Т. Пейна. Фрунзе, 1959; Громаков Б. С. Политические и правовые взгляды Томаса Пейна. М., 1960; Воронов В. В. Мироззрение Томаса Пейна. Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. Л., 1961; Гольдберг Н. М. Томас Пейн 1737-809. М., 1969; Рукшина К. С. Мэри Уолстонкрафт о Великой французской революции // Французский ежегодник 1968. М., 1970.

³ См.: Кравченко Г. Н. Ч. Д. Фокс и Великая французская буржуазная революция. М., 1978. Деп. в ИНИОН РАН 32.02.78. № 3102.

Бёрка¹. В целом весьма интересные и достаточно убедительные выводы данного автора, содержат, однако, и ряд спорных, по моему мнению, положений, обусловленных полемической заостренностью его работ против псевдной, "обличительной" традиции освещения творчества английского мыслителя. Подчеркивая значение трудов Бёрка для историографии Французской революции, автор порой несколько преувеличивает различия между его концепцией и концепциями его оппонентов. Так, едва ли правомерно жесткое противопоставление историзма Бёрка "юридическому мировоззрению" его идейных противников², поскольку в действительности обе стороны объясняли революцию, пользуясь (хотя и в разных пропорциях) как конкретной — исторической, так и абстрактной — философской и юридической аргументацией.

Излишней модернизацией идей Бёрка чреват, на мой взгляд, и утверждение: «Если кратко сформулировать его концепцию, то она заключается в следующем: революция явилась политическим выражением комплекса конкретно-исторических причин экономического, социального и идейного порядка» и далее: «именно "в состоянии этой реальной, хотя и не всегда осознанной войны между старыми земельными и новыми денежными интересами" видит он основную причину, толкавшую к революции»³. Здесь исследователь смешал два разных понятия — причины и предпосылки. На самом же деле Бёрк, как и его оппоненты (о чем подробно будет сказано ниже), считал непосредственными причинами революции чисто субъективные факторы идеологического и политического характера, которые, однако, могли, по его убеждению, сыграть такую роль лишь при определенных, объективно сложившихся социально-экономических предпосылках.

¹ См.: *Лебедев Ю. Б. Э. Бёрк и Великая французская революция. (У истоков историографии революции)*. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Л., 1983; *Он же. Эдмунд Бёрк и его концепция Великой французской революции // Вестник ЛГУ. 1982. № 4. История, язык, литература. Вып.3.*

² См.: *Лебедев Ю. Б. Э. Бёрк и его концепция...* С. 38-39.

³ Там же. С. 39.

В последние годы интерес отечественных историков к данной теме явно повысился, о чем свидетельствует выход в свет ряда работ о некоторых других участниках полемики из числа радикалов, чьи социально-политические и исторические концепции были изучены ранее недостаточно¹.

Однако всестороннее исследование дискуссии английских мыслителей 90-х годов XVIII в. о Французской революции и, в частности, исторического аспекта дебатов до сих пор отсутствует как в отечественной, так и в зарубежной историографии.

¹Петина А.И. Джозеф Пристли и революционная Франция // Европейское Просвещение и французская революция XVIII в. М., 1988; Барг М.А. Образ Великой французской революции в современной ей английской радикальной публицистике. (Защита революции историком Кэтрин Маколей) // От Просвещения к революции: из истории общественной мысли нового времени. М., 1990. В целом феномен английского радикализма XVIII столетия получил подробное освещение в новейшем исследовании: Семёнов С.Б. Политические взгляды английских радикалов XVIII в. Самара, 1995.

Глава I. Эдмунд Бёрк (1729-1797)

Среди десятков работ о Французской революции, увидевших свет в Англии на исходе XVIII столетия¹, произведения Э. Бёрка занимают особое место. Много ли мы знаем современников революционных событий, чьи труды до сих пор представляли бы интерес не только как свидетельства очевидцев, но и как попытка исторического осмысления происшедшего? Большинство произведений тех дней ныне давно уже забыто читающей публикой. Оставаясь долгие годы невостребованными, они пылятся на библиотечных полках, откуда лишь изредка их извлекает рука специалиста. На этом фоне не может не поражать та популярность, которой сегодня пользуются сочинения Бёрка о Французской революции. Они выходят все новыми изданиями², а выдержки из них включаются в хрестоматии наравне с отрывками из новейших исследований³.

Хотя, как уже отмечалось во Введении, исторический аспект споров англичан о Французской революции освещен явно недостаточно, тем не менее в научной литературе, особенно англо-американской, нередко говорится о значительном превосходстве Бёрка над другими участниками дебатов в понимании сути революционных событий. Так, известный британский историк Альфред Коббен писал: "Общий уровень дискуссии был высок, и он казался бы еще выше, если бы фигура Бёрка не заслонила всех,

¹ Только в ответ на знаменитые "Размышления о революции во Франции" Бёрка было выпущено не менее 48 сочинений. См: *Stanlis P.J.* Op. cit. P. 71

² См., например: *Burke E.* Reflections on the Revolution in France. Cambridge, Indianapolis, 1989; *Idem.* Réflexions sur la Révolution de France. P., 1989.

³ См. неоднократно переиздававшийся сборник: *The French Revolution: Conflicting Interpretations / Sel. and ed. by F. A. Kafker, J. M. Laux.* Malabar (Fla), 1983. P.67-72.

кто выражал противоположные взгляды¹. По убеждению французского исследователя М.Ганзена: "Бёрк, опередив свое время, хорошо разглядел значимость, принципы и последствия революции, которая была для него центральным событием XVIII в."² Такой же точки зрения придерживается английский ученый Дж.М.Робертс: "Бёрк раньше, чем кто бы то ни было, увидел все значение революции как события в истории цивилизации"³. А вот мнение о Бёрке британского профессора И.Р.Кристи: "В основном вопросе, касающемся теоретического объяснения революционной деятельности во Франции, он был прав и дал верную оценку намного раньше, чем кто бы то ни было"⁴.

Обоснованы ли эти, как правило, аксиоматические суждения? И если да, то чем же именно определялось подобное превосходство Э.Бёрка над оппонентами? Быть может тем, что он лучше их знал конкретные факты революционной истории? Едва ли. Многие из его соперников по дискуссии отличались гораздо большей осведомленностью относительно деталей. Например, Томас Пейн, неоднократно посещавший Францию в 1787-1788 гг. и хорошо знакомый с состоянием ее дел, в период работы над книгой "Права человека" вел интенсивную переписку с Т.Джефферсоном, американским послом в Париже, а в ноябре 1789 г. и сам побывал во французской столице⁵. Граф Чарльз Стэнхоуп также имел собственных французских корреспондентов, причем, не только в Париже, но и в провинции⁶. По несколько месяцев, а то и лет, жили в революционной Франции такие оппоненты Бёрка, как Т.Кристи, М.Уолстонкрафт, Дж.Барлоу, Д.Уильямс. В то

¹ Cobban A. Introduction // The Debate on the French Revolution. L., 1950. P. 31.

² Ganzin M. La pensée politique d'Edmund Burke. P., 1972. P. 140.

³ Roberts J. M. The French Revolution. Oxford., 1978. P. 139.

⁴ Christie I. R. Stress and Stability in the Late Eighteenth Century Britain. Reflections on British Avoidance of Revolution. Oxford, 1984. P. 171.

⁵ Aldridge A. O. Op. cit. P.125.

⁶ Stanhope J. The Life of Charles Third Earl Stanhope. L., 1914. P. 86-99.

же время, даже те историки, которые дают самую высокую оценку трактовке революции Бёрком, отмечают, что он, находясь безвыездно в Англии, пользовался недостаточно надежными источниками информации, из-за чего неоднократно допускал в своих сочинениях фактические ошибки и неточности¹.

Поскольку знание Бёрком подробностей революционных событий явно оставляло желать лучшего, можно предположить, что главное достоинство его работ состояло в теоретическом осмыслении происшедшего. Однако, прежде чем проверить это, обратившись к текстам, необходимо получить хотя бы общее представление о философских взглядах их автора и, в частности, о его социально-политических воззрениях.

Правда, сам Бёрк, думаю, был бы немало удивлен, узнав, что когда-нибудь его станут рассматривать как мыслителя. Он никогда не скрывал острой неприязни к абстрактному теоретизированию в сфере социальных наук и считал себя прежде всего государственным человеком, специалистом в области практической политики. Но история распорядилась по-своему: как парламентский деятель Бёрк, несмотря на самоотверженные усилия, проиграл все политические баталии, в которых участвовал, зато как мыслитель — надолго пережил современников.

1. Жизнь и мировоззрение Э.Бёрка

Он появился на свет в 1729 г.² Родись он лет на пятьдесят раньше, разве удалось бы сыну дублинского адвоката, да к тому же еще ирландцу, подняться на политический Олимп Англии? Едва ли. Такую возможность ему дал XVIII в., когда талант и трудолюбие начали цениться по-

¹ *Cobban A.* Introduction. P. 12; *Chapman G.W.* Edmund Burke. The Practical Imagination. Cambridge (Mass.), 1967. P. 203; *Christie I.R.* Stress and Stability. P. 171.

² Английские и американские историки неоднократно обращались к изучению биографии Бёрка. Новейшее из его жизнеописаний: *O'Brien C. C.* The Great Melody. A Thematic Biography and Commented Anthology of Edmund Burke. Chicago, 1992.

рой не меньше знатности и богатства. Окончив Тринити-колледж в Дублине, Эдмунд в 1750 г. отправился в Лондон изучать право. Впрочем, довольно скоро юриспруденция показалась эмоциональному и впечатлительному юноше слишком скучной, и, расставшись с ней, он избрал литературную стезю. Узнав об этом, отец лишил его материальной поддержки. Выпущенные в 1756-1757 гг. и не раз потом переиздававшиеся на многих языках первые и последние чисто философские сочинения Бёрка¹ принесли ему некоторую известность, но не дали достатка. Пришлось зарабатывать на жизнь нелегким ремеслом журналиста. С 1758 г. и в течение последующих семи лет Бёрк был главным автором и редактором ежегодника "Annual Register", в котором давался обзор важнейших событий политической и культурной жизни за год. Семь лет такой работы позволили ему обзавестись обширными связями в литературных и политических кругах.

В 1759 г., не оставляя журналистики, Бёрк стал личным секретарем члена парламента У. Гамильтона, человека знатного и богатого, но, увы, ленивого, недалекого и самоуверенного. 1761-1763 гг. они вместе провели в Дублине, где Гамильтон занимал важный пост руководителя штаб-квартиры лорда-лейтенанта Ирландии. Находясь в тени, Бёрк имел возможность знакомиться с тайными пружинами политики и механизмом государственной власти. По возвращении, он, обладая гордым и независимым характером, после очередной ссоры с патроном покинул того, хотя остался из-за этого без средств к существованию. Однако его способности уже были известны, и в 1765 г. он получил приглашение на место личного секретаря главы

¹ [Burke E.] A Vindication of Natural Society or a View of the Miseries and Evils Arising to Mankind from Every Species of Artificial Society. L., 1756. (См.: Бёрк Э. Защита естественного общества или Рассмотрение несчастий и бед, навлекаемых на человека всеми видами искусственного общества // Эгалитаристские памфлеты в Англии середины XVIII в. М., 1991); Burke E. A Philosophical Enquiry into the Origins of Our Ideas of the Sublime and Beautiful. L., 1757. (См.: Бёрк Э. Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного. М., 1979.)

правительства, маркиза Рокингема, одного из влиятельнейших лидеров партии вигов. Это открыло Бёрку путь в парламент. В том же году его избрали в Палату общин от местечка Вендовер, что близ Оксфорда.

В 60-е годы XVIII в. некогда могущественная партия вигов являла собой довольно жалкое зрелище. Она распалась на несколько враждующих фракций, возглавлявшихся крупными аристократическими кланами. Их протриворечия умело использовал в своих целях властный и решительный король Георг III, правивший с 1763 г. и мечтавший, подчинив себе парламент, возродить былое значение монархии. Он открыто покупал голоса многих депутатов, раздавая пенсии и синекуры. Опираясь на сформированную таким образом в палате общин "партию двора", король мог сместить фактически любого неугодного ему премьера. Вот и кабинет Рокингема продержался всего полгода. Вместе с патроном в оппозицию перешел и Бёрк.

Вскоре он выдвинулся на роль главного идеолога и организатора (по парламентской терминологии — "кнута") фракции Рокингема. В своих произведениях того периода он попытался наметить пути выхода партии из кризиса и теоретически обосновать ее претензии на власть¹. Именно виги, считал он, — наиболее надежные защитники и хранители британской свободы. Да и сам Бёрк, не жалея сил, боролся за сохранение и расширение традиционных вольностей англичан. Он защищал свободу слова, когда "партия двора" пыталась преследовать редакторов газет за публикацию отчетов о парламентских заседаниях, требовал смягчить предусмотренные законом наказания для несостоятельных должников и для гомосексуалистов, призывал к отмене работорговли и протестовал против притеснения евреев. Но это — лишь отдельные эпизоды его почти тридцатилетней парламентской деятельности. Главными ее событиями стали растянувшиеся на годы

¹ *Burke E. Observations on a Late Publication Intituled The Present State of the Nation (1769) // Works. Vol. 2 (Данее — Observations on The Present State of the Nation); Idem. Thoughts on the Cause of the Present Discontents (1770) // Works. Vol. 2.*

пять великих политических баталий, в каждой из которых Бёрк сыграл одну из ведущих ролей.

Первой из таких битв оказалась американская Война за независимость. С самого начала кризиса Бёрк принадлежал к числу находившихся в меньшинстве сторонников компромисса с колониями. В своих речах и памфлетах¹ он признавал за британскими властями формальное право требовать повиновения от американских подданных, но предупреждал, что сохранение единства империи требует осторожных и взвешенных решений. Истинная государственная мудрость, объяснял он коллегам по парламенту, состоит в способности прийти к взаимовыгодному согласию: "Вопрос, на мой взгляд, состоит не в том, имеете ли вы право сделать свой народ несчастным, а в том, что в ваших же интересах сделать его счастливым. Это не тот случай, когда, по словам юриста, я могу поступить таким образом, а тот, когда я в соответствии с требованиями гуманности, разума и справедливости, так поступить обязан."²

Миротворческие усилия принесли Бёрку широкую популярность, и в 1774 г. жители крупного торгового порта Бристоль, прежде являвшегося вотчиной тори, избрали его своим депутатом на очередных парламентских выборах. Это был несомненный успех, но Бёрк отнесся к нему весьма сдержанно. Когда ликующая толпа пригласила его возглавить триумфальную процессию, он отказался поддержать "столь глупое выражение раболепия".³ Жизнь показала, что восторги и в самом деле были преждевременны. Большинство в парламенте получили приверженцы жесткой линии. Бёрк и его единомышленники не смогли предотвратить войну, стоившую Англии ее североамериканских колоний.

Второй великой битвой Бёрка стала попытка ограничить влияние "партии двора" в самой Англии. Еще продолжалась война, когда он в 1780 г. выдвинул законопроект

¹ *Burke E. Speech on American Taxation (1774) // Works. Vol. 2; Idem. Speech on Conciliation with the Colonies (1775) // Works. Vol. 3.*

² *Burke E. Speech on Conciliation with the Colonies (1775). P. 75.*

³ См: *Magnus Ph. Edmund Burke. A Life. L., 1939. P. 86.*

с предложением ликвидировать многочисленные синекеры, использовавшиеся королем для подкупа депутатов¹. Однако лишь в 1782 г., после того, как неразбериха вызванная военным поражением, позволила Рокингему вновь возглавить правительство, этот закон прошел, правда, в сильно урезанном виде. Бёрк жаждал развить успех, но смерть Рокингема от гриппа перечеркнула все надежды. Король призвал нового премьера, который поспешил свернуть реформы.

Снова оказавшись в оппозиции, Бёрк начал третью баталию. При поддержке своего друга и нового лидера вигов Чарльза Джеймса Фокса он выступил с разоблачением злоупотреблений Ост-Индской компании и потребовал привлечь к суду генерал-губернатора Индии Уоррена Гастингса. Тори, получившие к тому времени большинство в палате общин, пытались устроить Бёрку обструкцию, но он, перекрывая шум, гремел, подобно библейскому пророку: "Гнев Небес рано или поздно падет на страну, позволяющую таким правителям безнаказанно угнетать слабых и невинных"². Раз за разом взывал он к совести депутатов, приводя все новые факты жестокого обращения Гастингса с местными жителями. Настойчивость Бёрка увенчалась успехом. В 1787 г. парламент принял решение об импичменте генерал-губернатора. Однако слушание дела затянулось на долгие восемь лет. Только 28 мая 1794 г. Бёрк начал свою заключительную речь. Целых восемь дней звучали под сводами Вестминстер-холла слова горечи и гнева. "Нет, это не обвиняемый стоит перед судьями, — восклицал Бёрк, — это вся британская нация предстала перед судом других народов, перед судом нынешнего поколения и многих, многих поколений потомков"³. Казалось, его красноречие способно расстрогать да-

¹ *Burke E. Speech on Presenting to the House of Commons a Plan for the Better Security of the Independence of Parliament and the Economical Reformation of the Civil and Other Establishments (1780) // Works. Vol. 3 (Далее - Speech on Economical Reformation).*

² *The Parliamentary History of England. L., 1815. Vol. 24. Col. 1272.*

³ *Burke E. Speech in the Impeachment of Warren Hastings, 28th*

же камни. Но прошло еще 11 месяцев, прежде чем Гастингс последний раз появился в зале, чтобы, наконец, услышать приговор. Вердикт палаты лордов, исполнявших роль присяжных, прозвучал громом среди ясного неба: "По всем статьям обвинения невиновен!" Бёрк опять проиграл. Полем четвертого сражения была Ирландия. С болью в сердце Бёрк видел, как его родина страдает под гнетом Англии. Однажды он признался, что, если бы его когда-либо сочли достойным награды за государственную деятельность на благо Великобритании, он просил бы парламент только об одном: "Сделайте что-нибудь для Ирландии! Сделайте же что-нибудь для моего народа и я буду более чем вознагражден!"¹ Хотя сам Бёрк принадлежал англиканскому вероисповеданию, он на протяжении всей парламентской карьеры боролся за отмену ограничений в правах ирландских католиков. А ведь это учитывая характерную в то время для простого люда Англии острую нетерпимость к иноверцам, было далеко не безопасно. Когда правительство стало склоняться к уступкам по данному вопросу, в Лондоне начались массовые антикатолические демонстрации, вылившиеся 5 июня 1780 г. в кровавый "Гордоновский мятеж"². Пьяные толпы громили и жгли дома, лавки, церкви. Особенно жаждали они расправиться с "главным защитником католиков" Бёрком, которому пришлось скрываться у друзей.

Большие надежды на облегчение участи соотечественников Бёрк связывал с назначением в 1794 г. вице-королем Ирландии лорда Фицуильяма, племянника покойного Рокингема. Вдохновляемый Бёрком новый вице-король попытался ограничить власть правивших в Дублине ставленников английского двора, но уже через полгода поплатился за это своим постом. Мечта Бёрка о мирном освобождении родины так и не сбылась.

Пожалуй наиболее знаменитым из великих сражений

May 1794 // Works. Boston. Vol. 8. P. 10.

¹ The Parliamentary History of England. L., 1814. Vol. 23. Col. 33.

² Подробнее об этом событии см.: *Rudé G. The Gordon Riots: A Study of the Rioters and Their Victims // Transactions of the Royal Historical Society. Ser.5. 1956. N 6. P. 93-114.*

Бёрка стал его "поход" против Французской революции. Многие англичане ликованием встретили весть о падении "деспотизма" в соседней стране. Однако Бёрк не разделял их восторга. Да, он прекрасно знал о пороках Старого порядка. Еще в 70-е годы посещал он "столицу мира" Париж, беспечно предававшийся увеселениям и разврату. Скромно одетый приходил Бёрк в блистающие роскошью салоны французской знати и с убежденностью миссионера горячо объяснял их легкомысленным завсегдатаям, что подрыв христианской нравственности ведет Францию к пропасти. Его с любопытством слушали, восхищаясь красноречием и дивясь, как на заморскую диковину. Известный английский литератор Хорас Уолпол, так же находившийся тогда в Париже, остроумно заметил, что благодаря Бёрку христианство чуть было не вошло там в моду¹. Но французы предостережениям не вняли, и вот теперь революция, казалось, полностью подтверждала правоту Бёрка.

Впрочем, его это вовсе не радовало. Начиная с 1790 г. речи и памфлеты Бёрка, включая его лучшее произведение — "Размышления о революции во Франции"², зазвучали резким диссонансом хору восторженных голосов, восхвалявших сей "триумф свободы". В следующей главе мы специально остановимся на работах Бёрка о Французской революции, пока же лишь отметим, что осуждение им происходившего по другую сторону Ла-Манша, вызвало недоумение у английской публики. События вроде бы не давали никаких оснований для подобной критики революции, и вожди вигов поспешили от него отмежеваться.

Но Бёрк стоял на своем. В мае 1791 г. он объявил в парламенте о разрыве со своим старым другом и соратником Ч. Дж. Фоксом из-за расхождений во взглядах на Французскую революцию. "Конечно, в любое время, а особенно в моем возрасте,- говорил Бёрк,- неосторожно давать друзьям повод тебя покинуть, но все же долг пе-

¹ *Walpole H. Letters. Oxford, 1904. Vol. 8. P. 252.*

² *Burke E. Reflections on the Revolution in France and on the Proceedings in Certain Societies in London, Relative to That Event (1790)/Works. Vol. 5. (Далее - Reflections).*

ред обществом и благоразумие заставляют меня сказать последнее слово: бегите прочь от Французской революции!" На глазах у Фокса выступили слезы. Прерывающимся от волнения голосом он произнес: "Но ведь это не конец дружбы?!" Бёрк ответил твердо, словно отрезал: "Мне жаль, но это так! Я выполняю долг ценой потери друга"¹. Случившееся означало не только конец многолетней дружбы двух выдающихся людей, но и раскол прежней партии вигов. На одной стороне остался Бёрк, на другой — все остальные. Причины разрыва он объяснил в знаменитом "Обращении новых вигов к старым"².

Почти год Бёрк находился в полном одиночестве. Бывшие соратники избегали встреч с ним. Не считая себя вправе получать, как раньше, денежную помощь от вигов-аристократов, хотя они и настаивали на ее сохранении, Бёрк оказался в тяжелейшем материальном положении, что, впрочем, не мешало ему делиться последними средствами с бедствовавшими эмигрантами из Франции.

И лишь когда предсказания Бёрка стали сбываться с пугающей точностью и вожди Французской революции провозгласили поход против "деспотов" всего мира, когда Людовик XVI окончил свои дни на эшафоте, а Французская республика объявила войну Англии, большинство вигов признало его правоту, благодаря чему им и тори удалось, отбросив прежние разногласия, сформировать коалиционное правительство национальной обороны.

Могло показаться, что пришла, наконец, пора старому бойцу почить на лаврах заслуженной славы. Но нет, уже неизлечимо больной, зная, что у него рак желудка, Бёрк снова бросается в бой и выпускает за короткий срок ряд памфлетов, доказывая, что война с Французской республикой не похожа на все предыдущие: борьба должна идти не за территориальные приобретения, а ради уничтожения власти революционной утопии, несущей смертельную

¹ The Parliamentary History of England. L., 1817. Vol.29. Col. 387-388.

² *Burke E.* An Appeal from the New to the Old Whigs, In Consequence of Some Late Discussions in Parliament, Relative to the Reflections on the French Revolution (1791) // Works. Vol. 6.

угрозу цивилизации¹. Однако потребовалось еще немало времени, прежде чем его призыв был по достоинству оценен и воплощен в практическую политику. Сам он до этого так и не дожил. 9 июля 1797 г. Бёрк ушел из жизни с грустной уверенностью в том, что и эта битва им проиграна.

Узнав о кончине Бёрка, один из друзей покойного, лорд Чарльмонт написал: "Его способности были сверхъестественны, и лишь недостаток осторожности и благоразумия в политике уравнивал его с прочими смертными"². Но именно "непрактичность" Бёрка-политика, не желавшего жертвовать принципами ради сиюминутных выгод, обернулась триумфом Бёрка-мыслителя, обеспечив его трудом долгую жизнь.

Тщетно искать среди многочисленных речей и памфлетов Бёрка то самое главное произведение, где бы он дал полное и систематическое изложение своих философских взглядов. Еще его младший современник, известный литературный критик У. Хэзлит заметил: "Нет какой-либо одной-единственной речи м-ра Бёрка, по которой можно было бы составить удовлетворительное представление о силе его ума. Чтобы воздать ему должное, нужно процитировать все его работы. Единственный образец творчества Бёрка — это все им написанное". Хэзлит считал, что судить о взглядах данного мыслителя по какому-либо одному его сочинению так же невозможно, как невозможно дать представление о доме, показывая всего лишь один из кирпичей³.

Изложить социально-политическую философию Бёрка как нечто цельное более чем трудно, поскольку в подобном виде она существовала лишь в уме самого автора. До нас дошли только ее фрагменты, обильно рассеянные по

¹ *Burke E. Three Letters Addressed to a Member of the Present Parliament on the Proposals for Peace with the Regicide Directory of France (1796-1797) // Works. Vol. 8. (Далее - Letters on the Regicide Peace).*

² Цит. по: *Magnus Ph. Op.cit. P. 296-297.*

³ *Hazlitt W. On the Character of Burke // Burke E. Selections. Oxford, 1924. P. 1-2.*

многочисленным произведениям, которые Бёрк посвятил злободневным вопросам современной ему политики. Вот по этим-то фрагментам нам и приходится с определенной долей условности восстанавливать общую картину философских воззрений мыслителя. О сложности такой задачи, свидетельствуют уже более ста лет не прекращающиеся среди историков споры не только об отдельных особенностях социальных взглядов Бёрка, но даже о самой их мировоззренческой основе. Ситуацию, к сожалению, усугубляет и то, что эти разногласия нередко бывают вызваны не столько научными, сколько идеологическими соображениями.

Вигская историография второй половины XIX — первой половины XX вв. настойчиво доказывала принадлежность Бёрка к числу приверженцев утилитаристской философии, ставшей, как известно, в XIX в. основой британского либерализма. Утверждалось, что враждебно относясь к абстрактной теории, он в принятии тех или иных политических решений исходил исключительно из их практической эффективности¹. Г. Ласки, например, писал: "Политическая философия представлялась ему лишь точным обобщением опыта. Ничто не было так чуждо темпераменту Бёрка, как дедуктивное мышление в политике. Он мог обрести опору в одном лишь эмпирицизме"².

Данная трактовка получила широкое распространение и оказала влияние даже на тех ученых, что подчеркнуто демонстрировали независимость от политической конъюнктуры. Так, А. Коббен, один из наиболее известных исследователей творчества Бёрка, считал, что "бунт" этого мыслителя против философии Просвещения как раз и состоял в разделении и противопоставлении принципов разумности и полезности, которые просветителями обычно смешивались: "Он выявил скрытое противоречие между

¹ *Stephen L. History of English Thought in the Eighteenth Century.* L., 1927 (1st ed. 1876). P. 226-227; *Morley J. Burke.* L., 1888. P. 314-315; *Vaughan C. E. Studies in the History of Political Philosophy Before and After Rousseau.* Manchester, 1939. Vol. 2. P. 1-2.

² *Laski H. J. Political Thought in England from Locke to Bentham.* L., 1932. P. 182-183.

теоретическим рационализмом и практическим утилитаризмом и высказался в пользу последнего"¹.

Тогда же идейное наследие Бёрка активно осваивалось консервативной общественной мыслью. Например, по мнению У. Черчилля, сочинения Бёрка о Французской революции "во все времена смогут обеспечить консерваторам самую надежную защиту от оружия критики"². Однако попытки историков данного направления включить в эту идеологическую традицию всю теорию Бёрка имели, как правило, не слишком убедительное научное обоснование. Так, Ф. Хирншоу доказывал, что консерватизм Бёрка, помимо провозглашения жизненно необходимой для общества роли религии, выражался в идее органической природы государства: "Он обычно рассматривал государство как нечто живое, способное расти, приходить в упадок и умирать. Подобный взгляд полностью соответствовал принципам политической философии Болингброка..."³ Утверждая это, автор, очевидно, не знал или не учел, как минимум, два чрезвычайно важных момента. Во-первых, Бёрк всегда очень критически относился к взглядам Болингброка и даже первую свою работу посвятил их опровержению⁴. Во-вторых, Бёрк вполне определенно высказывался против сравнения государств с живыми организмами: "Эти предметы, между которыми насильно пытаются провести аналогию, относятся к разным сферам бытия. Индивиды — физические существа. Государства же имеют не физическую, а моральную суть"⁵. Иными словами, имевшая ярко выраженную идеологическую направленность концепция Хирншоу явно не подтверждалась фактическим материалом.

Лишь в 50-е годы нашего столетия консервативная ис-

¹ Cobban A. Edmund Burke and the Revolt Against the Eighteenth Century. L., 1960 (1st ed. - 1929). P. 84.

² Churchill W. Thoughts and Adventures. L., 1932. P. 40.

³ Hearnshaw F. J. C. Conservatism in England. An analytical, historical and political survey. L., 1933. P. 168.

⁴ Подробнее см.: Чудинов А.В. "Предшественники социализма" поневоле // Эгалитаристские памфлеты в Англии.

⁵ Burke E. Letters on the Regicide Peace (1796). P. 78-79.

ториография совершила настоящий прорыв в изучении творчества Бёрка, выйдя в данной области на ведущие позиции. Усиление интереса американских неоконсерваторов к идеям английского мыслителя во время "холодной войны" вызвало появление целого ряда исследований, наиболее известным из которых стала монография П.Стэнлиса. Этот историк на основе скрупулезного анализа источников сделал вывод о принадлежности социально-политической теории Бёрка к той философской традиции, в основе которой лежит признание данного свыше "естественного закона" (the Natural Law), управляющего Вселенной и имеющего прежде всего нравственное содержание. Бёрк, по мнению П.Стэнлиса, «был самым первым в новое время христианским гуманистом в политике, поскольку рассматривал мир и природу человека через откровения христианства и высшую истину естественного закона. Его мир высшей истины и Природы — это стоический мир Аристотеля и Цицерона, христианский мир Св.Фомы Аквинского и Хукера, а не тот рационалистический мир "естественного", что был выстроен в XVIII в. на основе математической науки и эмпирической философии и истолкован с позиций либо оптимистического деизма, либо пантеизма»¹.

Концепция П.Стэнлиса подверглась критике со стороны либеральных исследователей, справедливо указавших на ряд неточностей и натяжек, допущенных историком². Однако выход в свет новых работ, авторы которых, учтя сделанные в ходе дискуссии замечания, дополнили и развили аргументацию П.Стэнлиса, продемонстрировал плодотворность предложенного им подхода³.

В наши дни трактовка Бёрка как консервативного и христианского мыслителя, избавленная, однако, от прису-

¹ Stanlis P. J. Op.cit. P. 84.

² Подробнее см.: Волкова Г.С. Эдмунд Бёрк в оценке англо-американской буржуазной историографии // Вопросы истории. 1975. № 2.

³ См.: Canavan F. P. Op.cit.; Cameron D. The Social Thought of Rousseau and Burke. A Comparative Study. L., 1973; Ganzin M. Op.cit.

щей ей в недавнем прошлом чрезмерной идеологизации¹, распространена, пожалуй, наиболее широко. В то же время периодически делаются попытки, правда, пока не достаточно убедительные, дать какое-либо иное истолкование его политической философии. Так, явно симпатизирующий марксизму канадский историк К.Макферсон, равно отвергнув как "утилитаристское" объяснение, так и интерпретацию в рамках традиции "естественного закона", заявил, что понять философию Бёрка можно, только рассматривая его как буржуазного экономиста². Таким образом Макферсон привлек внимание коллег к экономическим взглядам Бёрка, значение которых ими порсы недооценивалось³, однако его предположение все же выглядело недостаточно аргументированным. И. Широн заметил по данному поводу: "С одной стороны, конечно, вполне правомерно отнести Бёрка к числу сторонников экономики *laisser-faire*. Правда, его либерализм в сфере экономики всегда сочетался с консерватизмом и традиционализмом, которые в политической и социальной областях столь же неизменно определяли оттенок его прагматизма. С другой стороны, в отличие от приверженцев экономического либерализма в XIX и XX вв., Бёрк никогда не ставил экономику выше политики"⁴.

Ф. О'Горман подверг сомнению не только оба основных подхода к интерпретации творчества Бёрка, но и весь комплекс устоявшихся представлений об идейном наследии этого мыслителя. Он, например, счел необоснованным мнение о цельности и постоянстве взглядов Бёрка, разделявшееся многими современниками последнего и подавляющим большинством историков⁵. Более того, он полагал невозможным говорить о "теории Бёрка" вообще:

¹ См. например: *O'Brien C. C. Op.cit. P. LXVI-LVII.*

² *Macpherson C. B. Burke. Oxford, 1980. P. 4-5.*

³ См., например: *Ganzin M. Op.cit. P. 32.*

⁴ *Chiron Y. Edmund Burke et la Révolution française. P., 1987. P. 149.*

⁵ См., например: *О'Брайен К. К. "Манифест контрреволюции" // Бёрк Э. Размышления о революции во Франции. М., 1993. С. 12; Cameron D. Op.cit. P. 79-81.*

“Мы должны подчеркнуть отсутствие системы в политической мысли Бёрка и указать на характерные для него проявления непоследовательности. Только осознав степень гибкости его мысли, мы оценим ее богатство, разнообразие и гуманизм”¹. По словам этого историка, главным вкладом Бёрка в сокровищницу политических идей стала отнюдь не система, а чисто практический метод применения разных теоретических принципов в различных политических ситуациях². Впрочем, подобная трактовка не имела последователей среди других специалистов и не оказала существенного влияния на историографию данной темы.

В отдельных исследованиях еще встречается и “утилитаристская” интерпретация, приверженцам которой теперь, правда, всякий раз приходится отстаивать ее право на существование, опровергая концепцию принадлежности Бёрка к традиции “естественного закона”. О том, насколько трудна их задача, можно судить, в частности, по работе американского историка Дж. Уолдрона, попытавшегося доказать наличие в политических воззрениях Бёрка утилитаристских тенденций, сближающих того с Бентамом³. Заявляя о невозможности признать Бёрка сторонником идеи “естественного закона”, автор ссылается на неоднократно встречающуюся в произведениях мыслителя критику естественных прав⁴. Однако в наши дни подобный аргумент выглядит анахронизмом, способным вызвать лишь недоумение, поскольку принципиальные различия и глубокие противоречия между традиционным пониманием “естественного закона” и естественноправовыми учениями XVII-XVIII вв. уже достаточно давно были убедительно показаны целым рядом исследователей⁵.

¹ O’Gorman F. Edmund Burke. His Political Philosophy. L., 1973. P. 14.

² Ibid. P. 142-144.

³ Waldron J. Introduction // Nonsense upon Stilts: Bentham, Burke and Marx on the Rights of Man. N.Y., 1987. P. 84, 95.

⁴ Ibid. P. 83-84.

⁵ Strauss L. The Political Philosophy of Hobbes. Oxford, 1936. P. XI-XII; Stanlis P.J. Op.cit. P. 14-28; Cameron D. Op.cit. P. 42-51;

Других же доводов против признания доминирующей роли в философии Бёрка христианских ценностей, что собственно подразумевает его трактовка в качестве приверженца "естественного закона", этот автор не привел.

Действительно, имеется достаточно оснований полагать, что социально-политические взгляды Бёрка определялись прежде всего его христианским мировоззрением. На протяжении всего жизненного пути Бёрка отличала глубокая религиозность, которую он сам неоднократно подчеркивал и которую не отрицает ни один из его биографов. По-видимому, он неплохо знал теологию, госкольку в колледже довольно много изучал произведения схоластов томистского толка¹. Правда, его собственные религиозные воззрения не сводились к богословской доктрине ни одной из конфессий, а, напротив, отличались гораздо большей многогранностью, нежели любая из них. Во-многом это было обусловлено особенностями его образования и воспитания.

С юных лет Бёрка окружали люди разных версисповеданий. Его отец и братья, как и он сам, принадлежали к англиканской церкви, мать и сестра — к католической. Учился Эдмунд сначала в католической школе, затем — в квакерской². Его жена в девичестве была католичкой и, лишь выходя замуж, перешла в англиканство, хотя, по некоторым свидетельствам, втайне оставаясь верной римской церкви³. Не удивительно, что религиозные представления Бёрка, сформировавшиеся в обстановке подобной многоконфессиональности, характеризовались такой гибкостью и широтой, которые не раз ставили в затруднение историков, пытавшихся точно идентифицировать его теологическое кредо.

А.Коббен, например, утверждал, что выдвинутый Бёрком идеал взаимоотношений церкви и государства не может быть признан ни чисто протестантским, ни чисто ка-

Hampsher-Monk I. The Political Philosophy of Edmund Burke. L.; N.Y., 1987. P. 37-38.

¹ Подробно об этом см.: *Canavan F.P. Op.cit. P. 197-211.*

² См.: *Magnus Ph. Op.cit. P. 5-6; O'Brien C.C. Op.cit. P. 20-24.*

³ *O'Brien C. C. Op.cit. P. 38-39.*

толическим, а отчасти даже напоминает православный¹. По мнению К.О'Брайена, Бёрк был приверженцем "христианства в целом" (*Christianity at large*), под которым понимал «католическую церковь, охватывающую как римскую, так и англиканскую общины, не включая в себя диссэнтеров и все частные "протестантские" течения внутри Церквей Англии и Ирландии... Его отношение к диссентерству, разумеется, характеризовалось терпимостью, но эта терпимость граничила с недовольством и раздражением»². Впрочем, последнее отнюдь не бесспорно. В работах периода войны Американских колоний за независимость Бёрк достаточно высоко отзывался о радикальных направлениях протестантизма: "Это вероисповедание не только благоприятствует свободе, но и само основано на ней"³. Категорически не принимая только атеизм, Бёрк считал необходимым уберечь от него все ветви христианства. Уже на склоне лет он, подводя итог жизни, писал: "Я защищал в свое время и в своей стране нерушимость национальной церкви, а также нерушимость национальных церквей во всех странах от идей и примеров, ведущих к духовному опустошению..."⁴ При такой широте взглядов не удивительно, что философские представления Бёрка по какому-либо из аспектов нередко оказываются близки идеям различных христианских мыслителей, не повторяя, впрочем, построения ни одного из них.

По мнению М. Ганзена, особенно большое влияние на Бёрка имело учение Св. Фомы Аквинского и, в частности, томистская трактовка "естественного закона". Согласно ей, вся жизнь Вселенной, охваченной, казалось бы, хаотичным движением, в действительности подчинена единому, вечному и универсальному закону, установленному Божественным Провидением и действующему как в природе, так и в обществе. В отношениях между людьми он проявляется прежде всего в объективно существующих нормах морали. Принятое томизмом определение Высше-

¹ *Cobban A. Edmund Burke and the Revolt...* P. 93.

² *O'Brien C. C. Op.cit.* P. 30.

³ *Burke E. Speech on Conciliation with the Colonies (1775).* P. 52.

⁴ *Burke E. A Letter to a Noble Lord (1796) // Works. Vol. 8. P. 40.*

го закона было сформулировано, однако, еще в дохристианские времена Цицероном: "Истинный закон — разумное положение, соответствующее природе, распространяющееся на всех людей, постоянное, вечное, которое призывает к исполнению долга, приказывая... На все народы, в любое время будет распространяться один извечный и неизменный закон, причем будет один общий как бы наставник и повелитель всех людей — Бог, создатель, судья, автор закона"¹. Так вот, как считает Ганзен, представления Бёрка об "естественном законе" были именно "цицеронианско-томистскими"².

Мысль о том, что социальная жизнь, как и жизнь природы подчиняется установленным свыше законам, не зависящим от воли людей, и в самом деле пронизывает все рассуждения Бёрка о государстве и обществе. Неоднократно, начиная с первых своих работ, он подчеркивал, что действия индивидов могут увенчаться успехом, только если не противоречат заданному Провидением объективному "ходу вещей"³. Говоря, например, о долге парламентариев, он советовал им руководствоваться вслей народа кроме случаев, когда она вступает в конфликт с "неизменными и вечными нормами справедливости и разума, которые выше нас и выше нее"⁴.

Наиболее подробно тема универсального Божественного закона раскрывается в сочинениях последних лет жизни Бёрка. Свое определение данного понятия, действительно весьма схожее с цицеронианским, он сформули-

¹ Цицерон. О государстве. III, XXII, 33 // Цицерон. Диалоги. О государстве. - О законах. М., 1966. С. 64. Ср: *St. Thomas Aquinas. Summa theologiae. I-II. Q. 91, art. 2.* // *Basic Writings of Saint Thomas Aquinas. Vol.2. N.Y., 1945. P. 750.*

² *Ganzin M. Op. cit. P. 301.*

³ См., например: *Burke E. Observations on The Present State of the Nation (1769).* P. 205; *Idem. Speech on Conciliation with the Colonies (1775).* P. 126; *Idem. Two Letters to Gentlemen in the City of Bristol on the Bills Depending in Parliament Relative to the Trade of Ireland (1778)* // *Works. Vol. 3. P. 214.* (Данее - Two Letters); *Idem. Speech upon His Parliamentary conduct (1780)* // *Works. Vol. 3. P. 373; Idem. Speech on Economical Reformation (1780).* P. 343.

⁴ *Burke E. Speech on Economical Reformation (1780).* P. 236.

ровал в знаменитой речи при закрытии суда над лордом Гастингсом: "Есть лишь один закон для всех, а именно — тот, что управляет всеми остальными, — закон нашего Создателя, закон гуманности, правды и справедливости, являющийся законом природы и наций. Остальные же законы оказываются под его покровительством и приобщаются к его святости, только если они подкрепляют этот изначальный закон, если их положения придают ему большую ясность, энергию, эффективность"¹.

Действие установленных свыше объективных закономерностей распространяется, по мнению Бёрка, не только на большие общности людей, но и на каждого отдельного индивидуума. "Могу предположить, писал он, что могущественный творец нашего естества определил и наше место в общей системе бытия и что, расположив нас подобным образом, согласно Божественному замыслу, по своей, а не по нашей воле, он тем самым заставил нас играть роль, соответствующую отведенному нам месту. Перед человечеством в целом мы несем обязательства, не являющиеся следствием какого-либо сознательно заключенного соглашения. Они проистекают из отношений между людьми, из отношений между человеком и Богом, — отношений, которые не могут быть предметом нашего выбора. Напротив, прочность всех остальных соглашений, заключаемых с отдельным лицом или группой лиц, зависит от этих первичных обязательств"².

Утверждая, что единый Божественный закон действует и в природе, и в обществе, Бёрк, однако, считал, что в этих столь отличных друг от друга сферах бытия он проявляется по-разному. Если в естественной среде причина и следствие, как правило, непосредственно связаны между собой и результат того или иного действия может быть просчитан с довольно высокой степенью точности, то в области социальных отношений, где нет столь жесткой детерминированности, причинно-следственные связи явлений скрыты гораздо глубже и обнаружить их несравнимо

¹ *Burke E. Speech in the Impeachment... 28th May 1794. P. 65.*

² *Burke E. An Appeal from the New to the Old Whigs (1791). P. 205-206.*

труднее¹. Хотя история государств развивается согласно установленным свыше закономерностям, она, полагал Бёрк, одновременно представляет собой и результат деятельности людей. Эффективность же последней зависит, в свою очередь, от степени соответствия ее общему порядку мироздания и, следовательно, от того, насколько осуществляющим ее индивидам оказалась доступна Божественная мудрость вселенской гармонии.

Бёрк в полной мере разделял убеждение живших ранее его христианских мыслителей в неспособности человеческого разума до конца постичь объективный закон, управляющий жизнью общества. По словам Св. Августина², например: "Хотя... и есть нечто, что благоволил Он <Бог> открыть нам, однако для нас было бы много, и слишком превзошло бы силы наши, если бы вздумали исследовать тайны человеческие и подвергать решительному обсуждению заслуги и проступки царств"³. О том же на склоне лет писал и Бёрк: "Я сомневаюсь, что история человечества уже достаточно хорошо изучена (если она в такой степени вообще может быть изучена), чтобы дать твердое обоснование теории, объясняющей те внутренние причины, которые с неизбежностью определяют судьбу государства"⁴. И все же, наблюдая за повседневным "ходом вещей", в котором воплотилось Божественное Провидение, люди, считал он, могут получить общее представление об основных требованиях высшего закона⁵. Еще в одной из своих ранних работ Бёрк выразил данную мысль следующей метафорой: "Никто не в силах установить четкие критерии гражданской или политической мудрости. Это — предмет, не поддающийся точному опреде-

¹ *Burke E. Letters on the Regicide Peace. Letter 1. (1796). P. 78-80.*

² Бёрк нигде прямо не ссылается на Св. Августина, но некоторые положения его работ явно свидетельствуют о влиянии на него августинианства, утверждает М. Ганзен. См.: *Ganzin M. Op. cit. P. 300.*

³ *Августин. О Граде Божьем // Августин. Творения. Т. 3. Киев, 1907. С. 286-287.*

⁴ *Burke E. Letters on the Regicide Peace. Letter 1. (1796). P. 79.*

⁵ См.: *Ibid. Letter 2. (1796). P. 222.*

лению. Но, хотя ни один человек не может указать границу, разделяющую день и ночь, все более или менее сносно отличают свет от тьмы”¹.

В разных сферах социальной деятельности по-разному проявляется и универсальный закон. В экономике он, по мнению Бёрка, убежденного сторонника теории Адама Смита, нашел выражение в объективных закономерностях функционирования рынка. На протяжении всей своей политической карьеры Бёрк боролся против государственного вмешательства в “законы торговли, которые суть законы природы, а значит — и законы Бога”².

Во время Американской войны за независимость он не раз подчеркивал, что одна из главных причин конфликта с колониями — протекционистские меры английского правительства. Система торгового баланса, принятая Англией в качестве государственной политики после революции середины XVII в., предоставляла значительно большую свободу для экономической деятельности, нежели существовавшая при абсолютной монархии система монетаризма³. Однако во второй половине XVIII столетия налагаемые ею ограничения уже мешали экономическому развитию страны, причем, особенно сильно от них страдало население колоний. Бёрк резко осуждал подобную практику “искусственной торговли”, регулируемую не свободной динамикой спроса и предложения, а средствами государственного принуждения⁴.

Позднее он столь же негативно высказывался о дис-

¹ *Burke E. Thoughts on the Cause of the Present Discontents* (1770). P. 269.

² *Burke E. Thoughts and Details on Scarcity, Originally Presented to the Right Hon. William Pitt in the month of November, 1795 // Works. Vol. 7. P. 404. (Далее — On Scarcity).*

³ См.: *Чудинов А. В. Абсолютизм и меркантилизм — практика и теория (Англия 20-30-е гг. XVII в.) // Буржуазная общественная мысль Англии XVII-XIX вв. М., 1989; Он же. Теоретики позднего меркантилизма об экономической политике английской абсолютной монархии // Экономическая история. М., 1992.*

⁴ *Burke E. Observations on The Present State of the Nation* (1769). P. 162-166; *Idem. Speech on American Taxation* (1774). P. 380-385.

криминационной политике Англии в торговле с Ирландией: "Творец нашей природы ясно предначертал нам, что, в соответствии с ней, а также — с провозглашенным в Писании законом, человек будет добывать себе хлеб в поте лица своего. И я твердо уверен, что ни один из людей, и никакое их объединение не могут, не оскорбляя Создателя, заявить, исходя из соображений собственной частной выгоды, что человек *не должен* так поступать. Я уверен, что у них нет никакого права мешать человеку трудиться или лишать его хлеба. Ирландия, не имея никакой прямой или косвенной *компенсации* за налагаемые на ее торговлю ограничения, не должна, по справедливости или в силу общей порядочности, подвергаться подобным ограничениям"¹.

Выступая против злоупотреблений Гастингса, Бёрк заявлял, что опирающаяся на поддержку государства монополия Ост-Индской компании не соответствует "природе вещей"². Наиболее же подробно он обосновал необходимость освобождения экономики от государственного вмешательства в работе "Мысли и рассуждения о скудости". В рыночных отношениях, по мнению Бёрка, в полной мере проявляется та же гармония противоречий, что характеризует и весь мировой порядок, установленный "добрым и мудрым Творцом всех вещей, который устроил так, что люди, преследуя собственные, эгоистические интересы, связывают, хотя бы они того или нет, свое преуспевание с общим благом"³.

В политике действие универсальных закономерностей не столь очевидно, хотя и столь же несомненно, считал Бёрк. Он, как уже отмечалось, признавал возможность постижения человеческим разумом основных положений Божественного закона, однако при этом имел в виду разум не отдельного индивида, а коллективный разум нации в целом, способный поколение за поколением накапливать по крупицам бесценное знание Божественной мудро-

¹ Burke E. Two Letters (1778). P. 224.

² Burke E. Speech in the Impeachment of Warren Hastings, 15th February 1788 // Works. Boston. Vol. 7. P. 32.

³ Burke E. On Scarcity (1795). P. 384-385.

сти: "Право давности в деле управления возникло не в результате какого-либо слепого и бессмысленного пред-
рассудка, ибо человек может быть как самым глупым, так
и самым мудрым существом на свете. Индивид глуп. Толпа
бывает глупа, когда действует не размышляя; но род че-
ловеческий всегда мудр, и когда у него достаточно вре-
мени, он всегда поступает правильно"¹.

Опыт многих поколений, утверждал Бёрк, воплотился
в нравах, обычаях и традициях народов. Соответственно,
лейтмотивом многих его произведений является мысль о
необходимости бережного отношения к этому наследию
предков: "Вместо того, чтобы избавиться от всех наших
старых предрассудков, мы старательно их лелеем, ...мы
лелеем их именно потому, что это — предрассудки; чем
древнее они и чем больше распространены, тем больше
мы их лелеем. Мы опасаемся допускать людям жить и
действовать с опорой каждого лишь на собственный за-
пас разума, поскольку полагаем, что такой запас у от-
дельно взятого человека невелик и что индивидам лучше
обращаться во всеобщий банк за капиталом, накоплен-
ным в течении веков многими народами"².

С таким же уважением Бёрк относился к исторически
сложившимся государственным институтам разных стран.
Он отвергал широко распространенную в век Просвеще-
ния теорию общественного договора, согласно которой
общество и государство появились в результате осознан-
ного решения отдельных индивидов. По его убеждению,
истоки и того, и другого (он, как правило, не разделял эти
понятия) скрыты во тьме времен, и уж если объяснять их
происхождение договором, то надо говорить о "договоре"
между Богом и человечеством в целом. Такой контракт
невозможно расторгнуть, ибо, лишь выполняя налагаемые
им обязательства, люди пользуются благами социального
бытия, которое только и делает человека собственно че-
ловеком, т.е. существом, стоящим несравнимо выше ос-

¹ *Burke E. Speech on the State of Representation of the Commons in Parliament (1782) // The Philosophy of Edmund Burke. Ann Arbor, 1960. P.211*

² *Burke E. Reflections (1790). P. 168.*

тального животного мира¹. Способность людей к совершенствованию реализуется именно в обществе и, следовательно, единственное состояние, которое естественно для них, это — гражданское, а вовсе не состояние дикости, как утверждали многие философы Просвещения². Соответственно, “договор” с Богом об образовании общества регулирует жизнь рода человеческого на всем ее протяжении. “Поскольку цели такого соглашения не могут быть полностью достигнуты даже многими поколениями, оно становится соглашением не только между живущими, но и теми, кто уже умер, и кто еще только должен родиться”, — писал Бёрк³. Таким образом, в его трактовке “общественный договор” оказывался проявлением все того же, данного свыше, вечного и универсального закона.

Рассматривая каждое государство как результат созидательных усилий и наследственное достояние всех поколений его граждан, Бёрк особенно большое значение придавал принципу преемственности в политике и праве: “Не станет заботиться о потомстве тот народ, что не оглядывается на предков... Благодаря конституционной политике, отвечающей установленному в природе порядку вещей, мы получаем, сохраняем и передаем по наследству наш государственный строй и привилегии точно так же, как имеем и передаем свою собственность и жизнь. Политические институты, имущественные блага и дары Провидения приходят к нам и уходят далее одним и тем же путем”⁴. По мнению Бёрка, чем древнее действующий институт, тем большего уважения заслуживает, поскольку прошел самое сложное испытание — проверку временем и выбрал в себя мудрость предков⁵.

Бёрк отвергал критерий разумности, предлагавшийся многими философами Просвещения для оценки социальных явлений. Еще в первой своей работе он отмечал:

¹ Ibid. P. 183-188.

² См.: *Burke E. An Appeal from the New to the Old Whigs* (1791). P. 218.

³ *Burke E. Reflections* (1790). P. 184.

⁴ Ibid. P. 78-79.

⁵ Ibid. P. 80-81.

“...Разум, не сдерживаемый пониманием собственной слабости, своего подчиненного положения в мироздании, опасности давать свободу воображению в отношении определенных предметов, вполне может обрушиться на все самое прекрасное и святое. ...Что стало бы с миром, когда выполнение всех моральных обязанностей, все общественные устои зависели бы от того, насколько их смысл понятен и доступен каждому индивиду?”¹. Первое сочинение Бёрка собственно и было написано с целью показать неприемлемость рационального подхода к изучению общества. Последовательно развивая точку зрения сторонников подобного метода, считавших, что наличие внутренних противоречий в объекте исследования доказывает неправомочность его существования, так же, как в логике противоречивость рассуждений свидетельствует об ошибочности вывода, автор подвел читателей к явно абсурдному заключению, что вся история человечества есть лишь длинный перечень заблуждений и преступлений.

В действительности же, утверждал Бёрк, согласно вечному закону мироздания, противоречия в обществе так же неизбежны, как и в природе. В основе всей социальной жизни, утверждал он, лежит “то противостояние интересов, ...то действие и противодействие, кои в естественном и политическом мире порождают гармонию, благодаря взаимной борьбе противоположных сил”².

Столь ярко выраженная диалектичность философских воззрений Бёрка прямо связана с их религиозной основой. Ведь согласно христианскому вероучению, земную жизнь характеризуют, с одной стороны, единство и целостность, поскольку все сущее имеет общего Творца, с другой, — многообразие и противоречивость. Добро и зло, порок и добродетель тесно соседствуют и нередко взаимообуславливают друг друга. Здесь Бог “повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных” (Матф. 5, 45)³. Мно-

¹ Бёрк Э. Защита естественного общества. С. 45-46.

² Burke E. Reflections (1790). P. 81.

³ Любопытно, что в одной из работ Бёрк иллюстрирует мно-

гие интерпретаторы христианства видели в этом неисчерпаемом богатстве форм и оттенков, в этом сочетании, казалось бы, мало совместимого проявление царящей во вселенной гармонии. "Как взаимное сопоставление противоположностей придает красоту речи, так из сопоставления противоположностей, из своего рода красноречия не слов, а вещей, образуется красота мира", — писал Св. Августин¹. По мнению же старшего современника Бёрка, англиканского теолога Р. Уоллеса: "Высшая красота и совершенство отнюдь не в постоянном повторении или продолжении одних и тех же частей, пусть даже превосходных. Требуется разнообразие, и, чем большим оно будет. ...тем более великими будут признаны искусство и красота"².

При таком подходе пороки признавались необходимым условием мировой гармонии и неотъемлемой частью земного бытия. "Поскольку Бог создает все что ни есть сущего, Его провидение дозволяет, чтобы имели место определенные недостатки в частных вещах, дабы не потерпело ущерба общее совершенство Вселенной; ведь если бы все зло было устранено, то в мироздании недоставало бы многих благ", — утверждал Св. Фома Аквинский³. По словам Р. Уоллеса, "идея зла, видимо, принадлежит к числу вечных понятий Всеведающего Творца, а система, включающая в себя разные виды пороков, по справедливости может быть признана одним из бесчисленных творений Бога... Благодаря беспорядку, вызванному злом, в конце концов может быть установлен самый совершенный порядок"⁴.

Признавая противоречия неотъемлемой частью общественной жизни, Бёрк, однако, считал, что они имеют да-

гранность социальной жизни именно этой мыслью Писания. См.: *Burke E. A Letter from the Right Honourable Edmund Burke to a Noble Lord (1796) // Works. Vol. 8. P. 47. (Далее - A Letter to a Noble Lord).*

¹ Августин. Указ. соч. С. 203.

² Уоллес Р. Некоторые размышления о человечестве, природе и Провидении // Эгалитаристские памфлеты в Англии. С. 292-293.

³ *St. Thomas Aquinas. Op. cit. Vol. 1. P. 233.*

⁴ Уоллес Р. Указ. соч. С. 299-300.

леко не одинаковое происхождение. Отчасти они обусловлены, полагал он, сложностью и противоречивостью самой человеческой природы: "Мы проявили бы наивность, не свойственную даже грудным младенцам, думая, что все люди добродетельны. Мы были бы отравлены поистине дьявольской злобой, если бы считали всех одинаково грешными и порочными. Люди и в общественной жизни, и в частной — в чем-то хорошие, а в чем-то плохие"¹ Как-то процитировав схоластический афоризм, гласящий, что человек, живущий в полном отчуждении от других, — либо ангел, либо дьявол, Бёрк заметил: "Мы же рождены, чтобы быть только людьми. И нам еще надо очень многое сделать, чтобы стать хорошими людьми"². В характере человека соединяются многие трудносовместимые друг с другом качества, такие, например, как благоразумие и злопамятность³; к тому же неотъемлемое свойство людей — ошибаться⁴; однако сетовать на все это бесполезно, потому что так уж устроен мир: "Порицает Бога тот, кто бранит несовершенство человека"⁵. Напротив, свидетельством мудрости Бёрк признавал способность определить ту степень зла, с которой надлежит смириться, ибо, подходя к существующей реальности с чрезмерно высокими требованиями и пытаясь устранить все имеющиеся место пороки, можно породить новые, еще бóльшие⁶.

Сложность и многогранность социальных отношений Бёрк также считал источником противоречий в обществе. "В том, что касается политики, — писал он, — мысли и дела людей способны к бесконечному количеству видоизменений и к абсолютно новым, неожиданным сочетани-

¹ *Burke E. Thoughts on the Cause of the Present Discontents.*(1770) P.261-262.

² *Burke E. Speech to the Electors of Bristol (1774) // Works. Vol. 3. P. 340.*

³ *Burke E. Speech in the Impeachment ... 28 May 1794. P. 26-27*

⁴ См., например: *Burke E. Remarks on the Policy of the Allies with Respect to France (October, 1793) // Works. Vol. 7. P. 193.*

⁵ *Burke E. Speech upon His Parliamentary Conduct (1780). P. 358.*

⁶ *Burke E. Thoughts on the Cause of the Present Discontents (1770). P.322.*

ям”¹. В этом он видел одно из проявлений установленного свыше порядка Вселенной. “Пусть тот, кто думает”, будто он он мудрее Провидения и сильнее хода вещей в природе, высказывает недовольство всем этим многообразием... Но обстоятельства таковы и не могут быть другими”². Уже одна только необходимость выполнения членами общества разных функций предполагает существование отдельных друг от друга социальных категорий, имеющих свои особые интересы. “Мы — народ, разделенный на части (we are a divided people)”, — отмечал Бёрк³. По его мнению, обеспечить защиту и гармоничное сосуществование всех слоев общества, а также — дифференцированный подход к их специфическим требованиям, — основная задача государства⁴.

Отмечая в обществе различные виды противоречий, Бёрк, однако, как практический политик особенно большое внимание уделял межпартийной борьбе. Его взгляды по данному вопросу кардинальным образом отличались от представлений, преобладавших в политической мысли того времени. Многие философы в принципе рассматривали соперничество политических групп из-за власти как зло, которого необходимо избегать. Само понятие “партия” обычно имело негативный оттенок (faction — в английском и французском языках означает также “клика”, “раздор”). Весьма характерна в данном отношении оценка политической жизни Англии одним из весьма влиятельных мыслителей Просвещения — Мабли, который воспринимал борьбу партий в парламенте как свидетельство кризиса, чреватого гибелью британской свободы⁵.

¹ *Burke E. Remarks on the Policy of the Allies with Respect to France (1793) // Works. Vol. 7. P. 198.*

² *Burke E. A Letter to Sheriffs of the City of Bristol on the Affairs of America (1777) // Works. Vol. 3. P. 189. (Далее — A Letter to Sheriffs of Bristol).*

³ *Burke E. Letters on the Regicide Peace. Letter 1. (1796). P. 140.*

⁴ См., например: *Burke E. Observations on The Present State of the Nation (1769). P. 134; Idem. A Letter to a Noble Lord (1796). P. 48.*

⁵ *Мабли Г. Б. Об изучении истории. С. 96. См. также: Герье*

Бёрк же, наоборот, видел в противоборстве парламентских фракций отражение царящей в мире гармонии противоречий и необходимую гарантию сохранения государственного строя Британии. Одна из ранних его работ так и начиналась: "Партийные объединения, независимо от того, преследуют они в своей деятельности добрые или злые цели, являются неотъемлемой частью свободного государства. Эта истина, которая, я уверен, не вызовет много возражений, однозначно подтверждается опытом всех веков"¹. В последующих произведениях Бёрк не раз обращался к данному тезису, доказывая, что парламентская борьба необходима как способ выявления и согласованного решения возникающих в обществе проблем². Ему же принадлежит и ставшее классикой политической мысли определение: "Партия — это группа людей, объединившихся на основе какого-либо частного (*particular*), всеми ими разделяемого принципа для обеспечения совместными усилиями общенациональных интересов"³.

Помимо межпартийных противоречий, Бёрк большое значение придавал тесно связанным с ними противоречиям между государственными институтами. По его убеждению, соперничество различных ветвей власти, каждая из которых желала бы расширить свое влияние, но вынуждена считаться с аналогичными поползновениями остальных, обеспечивает государству динамическое равновесие, а гражданам — незыблемость прав и привилегий. Именно такой баланс противоположных устремлений, утверждал Бёрк, и лежит в основе английского политического строя, где гражданские свободы гарантированы наилучшим образом⁴. Хотя три высших государственных орга-

В.И. Политические теории аббата Мабли // Вестник Европы. 1887. № 1. С. 149-151.

¹ *Burke E. Observations on The Present State of the Nation* (1769). P. 9.

² *Burke E. Speech on Conciliation with the Colonies* (1775). P. 121-122; *Idem. Letters on the Regicide Peace. Letter 5.* (1797). P. 317.

³ *Burke E. Thoughts on the Cause of the Present Discontents* (1770). P. 335.

⁴ См., например: *Ibid.* P. 244, 262, 297, 302, 323; *Idem Speech*

на Британии имеют разную природу: монархическую (королевская власть), аристократическую (Палата лордов) и демократическую (Палата общин), — вместе, несмотря на все различия, они гармонично составляют единое целое, подчеркивал мыслитель¹.

Отмечал он и расхождения между интересами разных социальных слоев, в частности, между интересами бедных и богатых. Впрочем, и здесь, считал он, противоречия должны служить основой гармонии. Имущественное неравенство является самым эффективным стимулом к труду, без которого существование цивилизации вообще невозможно². В то же время уравнилельный передел собственности не удовлетворил бы потребностей малоимущих: "Если бы всем богатым перерезали глотки и всё, что они потребляют за год, распределили бы поровну, тем, кто работает, ...не досталось бы и по кусочку хлеба с сыром на ужин. ...Когда бедные восстают, чтобы уничтожить богатых, они в отношении самих себя поступают столь же разумно, как, когда жгут мельницы и бросают зерно в реку, стараясь снизить цену на хлеб"³. Проблема бедности может решаться только постепенно, с развитием производства. Так, например, за вторую половину XVIII в. материальный уровень жизни трудящихся заметно возрос: указывал Бёрк, ссылаясь на статистику потребления разных видов продуктов⁴. Тому же, кто в силу объективных причин прокормить себя не может, должна придти на помощь благотворительность, являющаяся прямой обязанностью каждого христианина⁵.

Бёрк полагал, что поскольку различного рода противоречия — неотъемлемый элемент социального бытия, ис-

to the Electors of Bristol (1774) // Works. Vol. 3. P. 21; *Idem*. A Letter to a Member of the National Assembly (1791) // Works. Vol. 6. P. 62-63.

¹ *Burke E.* An Appeal from the New to the Old Whigs (1791). P. 113-114.

² См.: *Burke E.* Letters on the Regicide Peace. Letter 3. (1797). P. 368-369.

³ *Burke E.* On Scarcity (1795). P. 376-377.

⁴ *Ibid.* P. 378-379.

⁵ *Ibid.* P. 390-391.

кусство политики как раз и состоит в достижении такого оптимального сочетания преимуществ и недостатков, при котором даже последние служили бы на благо общества. "Права граждан в государстве, — писал он, — заключаются в получении ими определенных выгод. Очень часто это достигается установлением баланса между противоположными благами, иногда — компромиссом между благом и злом, а иногда — между злом и злом"¹. Равновесию и компромиссу различных, часто прямо противоположных начал он придавал чрезвычайно большое значение: "Всякое управление и, конечно же, всякая выгода людей и всякое благо, всякая добродетель и всякое мудрое деяние основаны на компромиссе и взаимности. Мы взвешиваем недостатки, мы берем и даем, мы воздерживаемся от применения некоторых прав, чтобы иметь возможность использовать другие"². Мудрый политик всегда избегает крайностей и, проявляя умеренность, стремится к средней точке между ними, наставлял Бёрк³.

Считая искусство государственного управления делом сугубо практическим, он постоянно подчеркивал свое крайне отрицательное отношение к любым умозрительным проектам и абстрактным принципам в политике⁴. Как бы ни была логична и стройна та или иная метафизическая схема, она не может охватить и учесть все богатство социальных реалий, а потому ее осуществление чревато самыми непредсказуемыми последствиями, предупреждал он⁵. Любое политическое решение, по мнению Бёрка, необходимо выносить только после тщательного изуче-

¹ *Burke E. Reflections* (1790). P. 126.

² *Burke E. Speech on Conciliation with the Colonies* (1775). P. 110-111.

³ См.: *Burke E. An Appeal from the New to the Old Whigs* (1791). P. 257; *Idem. Letters on the Regicide Peace. Letter 3.* (1797) P. 376.

⁴ См.: *Burke E. Speech on American Taxation* (1774). P. 432; *Idem. Speech on Conciliation with the Colonies* (1775). P. 35, 71; *Idem. A Letter to Sheriffs of Bristol* (1777). P. 177, 183-185; *Idem. Speech on East-India Bill* (1783) // *Works. Vol. 4.* P. 14; *Idem. An Appeal from the New to the Old Whigs* (1791). P. 174.

⁵ *Burke E. Observations on The Present State of the Nation* (1769). P. 108.

ния конкретных обстоятельств, а не на основе абстрактных представлений о желаемом: "Планы должны создаваться в расчете на людей. Мы не можем надеяться на то, что переделаем человека соответственно своим замыслам и заставим природу следовать им"¹.

Не удивительно, что он весьма негативно относился к широко распространенным в Век Просвещения попыткам чисто умозрительным путем разработать универсальный проект идеального общественного строя². Подобные планы, считал Бёрк, заведомо порочны, ибо их авторам, как и прочим смертным, неведомы все факторы, определяющие жизнедеятельность социального организма. Соответственно, применение таких, претендующих на всеохватность схем к реальному обществу чрезвычайно опасно, предостерегал мыслитель: "Человеческая природа — вещь труднодостижимая, сложнее общественных дел и вовсе ничего нет, а потому никакая простая форма или способ применения власти не могут быть совместимы ни с природой людей, ни с состоянием их дел. Когда я слышу о простоте устройства, которая является целью новых конституций и предметом похвалы, то мне остается только думать, что их создатели либо полностью несведущи в своем ремесле, либо совершенно пренебрегают своим долгом"³.

Бёрк вообще отрицал возможность существования строя, равно пригодного для всех времен и народов⁴. Институты каждого государства, по его убеждению, пред-

¹ *Burke E. A Letter to a Member of the National Assembly (1791). P. 54. См. также: Idem. Speech on Conciliation with the Colonies (1775). P. 110-112; Idem. Two Letters (1778). P. 212; Idem. An Appeal from the New to the Old Whigs (1791). P. 95-96.*

² Подробнее см.: *Tchoudinov A. Fantoms of Enlightenment // Eighteenth Century Life. 1991. N 3; Idem. Utopias in History // 18th International Congress of Historical Sciences. Actes. Montreal, 1995; Чудинов А. В. У истоков революционного утопизма. М., 1991.*

³ *Burke E. Reflections (1790). P. 125.*

⁴ Подробнее см.: *Чудинов А.В. "Первый анархист" или "основоположник консерватизма"? (К вопросу о политическом идеале Эдмунда Бёрка) // Монархия и народовластие в культуре Просвещения. М., 1995.*

ставляют собой результат длительного исторического развития и приспособления к национальным особенностям, традициям и нравам данной страны. "Каждый век имеет свои обычаи и политика определяется ими", — писал Бёрк еще в одной из ранних работ¹. В период конфликта Британии с ее Американскими колониями он призывал осуществлять в каждой из частей империи управление согласно характеру и условиям жизни местных народов: "Я убежден, что государственная власть — вещь чисто практическая, созданная для счастья человечества, а не для обеспечения единообразия в соответствии со схемами оторванных от реальности политиков"². К числу тяжчайших преступлений лорда Гастингса и всей администрации Ост-Индской компании Бёрк относил посягательство на многовековой уклад жизни местного населения: "Уж если мы взялись управлять обитателями той страны, то обязаны делать это согласно их нормам и принципам, а не нашим. Нам и в голову не должно приходиться заставлять их приспособляться к узкому кругу наших представлений; это нам надо расширить свои до понимания системы их взглядов и обычаев и связанных с ней потребностей"³.

Считая, что политический строй Англии лучше любого другого обеспечивает гражданам самые широкие права и свободы, Бёрк, однако, и ему отказывал в универсальности⁴, подчеркивая: "Форму правления каждой страны определяют ее условия жизни и обычаи, насиловать которые всегда опасно и чревато величайшими бедствиями"⁵.

Впрочем, при всем своем почтительном отношении к

¹ *Burke E. Thoughts on the Cause of the Present Discontents* (1770). P. 228.

² *Burke E. A Letter to Sheriffs of Bristol* (1777). P. 182. См. также: *Idem. Two Letters* (1778). P. 212.

³ *Burke E. Speech in the Impeachment ... 15th February 1788*. P. 52.

⁴ *Burke E. A Letter to a Member of the National Assembly* (1791). P. 57-58.

⁵ *Burke E. An Appeal from the New to the Old Whigs* (1791). P. 133.

исторически сложившимся институтам Бёрк отнюдь не отвергал возможности их реформирования. Жизнь не стоит на месте и в новых обстоятельствах старые учреждения могут утратить свое первоначальную значимость и превратиться в помеху для нормального функционирования государственного организма. В этом случае даже самый почтенный возраст не оправдывает их сохранения в прежнем виде¹.

Однако любое преобразование, по мнению Бёрка, должно носить частичный и чисто прагматический характер, выступая исключительно в качестве средства устранения недостатков исторически сложившейся конституции: "Реформа никогда не является изменением сущности или общего устройства предмета. Она — лекарство, направленное непосредственно против беспокоящего недуга. Когда тот устранен, целое оказывается в безопасности"². Иначе говоря, и здесь доминирующим для мыслителя оставался принцип преемственности и уважения к существующим реалиям.

Подведем краткий итог. Светская по форме, по кругу решаемых проблем и применяемых понятий социальная философия Бёрка имела, однако, в своей основе развитую систему религиозных представлений, которая и определила такие ее черты, как вера в существование универсального, данного свыше закона, управляющего жизнью природы и общества, — закона, не подвластного воле людей и в полной мере ими не познаваемого; восприятие бытия, в том числе социального, как многогранной гармонии противоречий бесконечного количества факторов; и, наконец, убеждение в крайне ограниченных возможностях людей проводить общественные преобразования. Особенности подобной философской системы, представлявшей собой удивительный для той эпохи синтез религиозных и светских воззрений, можно с известной долей условности охарактеризовать парадоксальной, на

¹ *Burke E. Speech on Economical Reformation (1780). P. 246.*

² *Burke E. A Letter to a Noble Lord (1796). P. 20. См. также: Idem. Observations on The Present State of the Nation (1769). P. 131-132.*

первый взгляд, формулой, изобретенной в том же XVIII в. Дж.Вико для своей теории: "Рационалистическая гражданская теология Божественного провидения".¹

Вот она-то и послужила фундаментом для предложенной Бёрком трактовки Французской революции.

2. Споры о революции: Бёрк и его оппоненты

Первые отклики англичан на Французскую революцию были восторженными и на редкость единодушными². Представители практически всех политических партий и течений приветствовали, хотя и по разным причинам, поражение абсолютной монархии в соседней стране. Находившиеся у власти тори надеялись, что революция положит конец завоевательным устремлениям Бурбонов, избавив тем самым Британию от необходимости постоянного политического и военного противоборства с опасным соперником. Вигская оппозиция и еще более левые, радикальные круги видели во французских событиях результат влияния принципов английской Славной революции 1688 г. и доказывали, что пример французов в свою очередь обязывает их "учителей", британцев, к новым демократическим преобразованиям.

4 ноября 1789 г. на праздновании годовщины Славной революции известный деятель радикального движения, диссентерский проповедник Р. Прайс так выразил общее настроение английских сторонников реформ: «Сколь насыщено событиями наше время! Я благодарен, что мне довелось пожить в нем; и я уже почти мог бы сказать: "Господи, позволь теперь рабу твоему уйти с миром, ибо

¹ Вико Дж. Основания новой науки об общей природе вещей. М., 1940. С. 4.

² Подробнее см.: Тарле Е. В. Указ. соч.; Загидуллина Г. Н. Англия и революционная Франция (1789-1794) // Новая и новейшая история. 1984. № 3. С. 54-69.

очи мои узрели свидетельство твоего спасения". Я жил, видя, как распространяются знания, подрывающие суеверие и заблуждение. Я жил, видя, что права человека теперь осознаются лучше, чем когда-либо, и что свободы теперь жаждут нации, казалось бы, утратившие о ней всякое представление. Я жил, видя, как **ТРИДЦАТЬ МИЛЛИОНОВ** человек, возмущенные и преисполненные решимости, отвергают рабство и требуют свободы голосом, которому невозможно противиться; — как они ведут своего короля в триумфальной процессии и как самовластный монарх уступает подданным. Изведав благ одной Революции, я дожил до того, чтобы стать свидетелем еще двух (Американской и Французской — А.Ч.), каждая из которых славная»¹.

В конце 1789 г., когда поток событий во Франции замедлил движение и как будто начал входить в спокойное русло, среди английских публицистов, историков, политиков (часто это были одни и те же лица) довольно широко распространилось мнение, что революция заканчивается и пора подводить ее итоги, к чему некоторые авторы и приступили. Известно, например, что Т.Пейн уже в январе 1790 г. работал над книгой о Французской революции².

Резким диссонансом оптимистическому отношению английской публики к происходившему во Франции прозвучало 9 февраля 1790 г. выступление Э. Бёрка в парламенте, несколько дней спустя вышедшее отдельным изданием³. Идеолог вигов подверг критике распространенное тогда в Англии мнение о благотворном влиянии революционных потрясений на французское общество и предсказал, что дальнейшие их последствия, в т.ч. для других народов, будут более чем пагубными. Подобная трактовка французских событий встретила крайне негативную реак-

¹ Price R. A Discourse on the Love of Our Country. L., 1789. P. 49.

² Aldridge A. O. Op. cit. P. 126-127.

³ Burke E. Substance of the Speech of the Rt. Hon. Edmund Burke in the Debate on the Army Estimates in the House of Commons, 9 February, 1790 // Works. Vol. 5. (Далее — Speech On the Army Estimates).

цию вигов и радикалов. Уже в ходе парламентских дебатов несогласие с Бёрком высказали другие лидеры вигов — Ч.Дж.Фокс и Р.Б.Шеридан, а в конце февраля 1790 г. открытое письмо к нему опубликовал граф Ч.Стэнхоуп¹.

Выход из печати 1 ноября того же года “Размышлений о революции во Франции”, сначала задуманных Бёрком как публицистический ответ на упомянутую выше проповедь Прайса, а затем по ходу работы превратившихся в объемистое историко-философское сочинение, еще больше подлил масла в огонь дискуссии. Уже меньше чем через месяц М. Уолстонкрафт ответила памфлетом “Защита прав человека”²; затем увидели свет “Замечания о «Размышлениях» Бёрка”, написанные К. Маколей³. В начале 1791 г. были изданы “Письма достойному Эдмунду Бёрку” Дж.Пристли⁴, первая часть “Прав человека” Т.Пейна⁵, “Иск галлов” Дж.Макинтоша, а за ними последовали и

¹ *Stanhope Ch.* A Letter from Earl Stanhope to the Rt. Hon. Edmund Burke, Containing a Short Answer to His Late Speech on the French Revolution. L., 1790. Чарльз Стэнхоуп (1753-1716) — видный политик и ученый-естествоиспытатель, один из лидеров движения за реформы в Англии.

² *Wollstonecraft M.* Vindication of the Rights of Men, in a Letter to the Rt. Hon. Edmund Burke, occasioned by his *Reflections on the Revolution in France* L., 1790. Мэри Уолстонкрафт (1759-1797) известная английская писательница, автор трудов по истории, социологии, этике, один из первых идеологов феминизма.

³ *Macaulay C.* Observations on the Reflections of the Rt. Hon. Edmund Burke on the Revolution in France, in a Letter to the Rt. Hon. the Earl of Stanhope. L., 1790. Кэтрин Маколей (1731-1791) - либеральный английский историк. Подробнее о ней см.: Дмитриева И. В. Радикальное направление в английской историографии века Просвещения. “История Англии” Кэтрин Маколей // Проблемы британской истории. М., 1987.

⁴ *Priestley J.* Letters to the Rt. Hon. Edmund Burke, Occasioned by His *Reflections on the Revolution in France*. Birmingham, 1791. Джозеф Пристли (1733-1804) - выдающийся философ и ученый-естествоиспытатель, участник движения за реформы в Англии. Подробнее о нем см.: Просветительское движение в Англии. М., 1991. С. 367-390.

⁵ *Paine Th.* The Rights of Man, Being an Answer to Mr. Burke's attack on the French Revolution. L., 1791. Томас Пейн (1737-1809) -

десятки других работ. Получившие наибольший резонанс сочинения английских авторов были переведены на международный язык XVIII в. — французский¹, став достоянием всей просвещенной Европы и оказав влияние на восприятие французских событий в других странах².

Одним из центральных вопросов дискуссии был вопрос о необходимости революции и ее причинах. Многочисленные оппоненты Бёрка, доказывая, что революция стала закономерным результатом развития французского общества, искали ее истоки прежде всего в сфере идеологии и политики. Подходя к оценке социальной действительности с рационалистическими критериями, они признавали государственные институты Франции нежизнеспособными, поскольку те стихийно сложились еще в средние века — эпоху господства предрассудков и суеверий. Так, по словам М. Уолстонкрафт, политические учреждения европейских стран весьма несовершенны потому, что порождены стечением обстоятельств, а не усилиями разума³. Пейн обращал внимание на то, что при “деспотическом” правлении повсюду, “по милости духовенства и чиновни-

известный публицист, участник Американской и Французской революций и движения за реформы в Англии.

¹ См., например: *Burke E.* Discours de M. Burke, sur la situation actuelle de la France, prononcé par ce célèbre orateur et un des chefs de l'opposition dans la Chambre des Communes d'Angleterre, le 9 février 1790, lors des fameux débats sur les estimations de l'armée. P., 1790; *Idem.* Réflexions sur la Révolution de la France et sur les procédés de certaines sociétés à Londres, relatifs à cet événement. P., 1790; *Idem.* Appel des whigs modernes aux whigs anciens. L., 1791; *Stanhope Ch.* Lettre du Comte de Stanhope à M. Edmont Burke, contenant une courte réponse à son dernier Discours sur la Révolution de la France. P., 1790; *Priestley J.* Lettres au très honorable Edmund Burke au sujet de ses Réflexions sur la Révolution de la France. P., 1791; *Paine Th.* Droits de l'homme, en réponse à l'attaque de M. Burke sur la Révolution française. P., 1791.

² См., например: *Карп С. Я.* “Размышления о революции во Франции” Эдмунда Бёрка (русские отклики 90-х гг. XVIII в.) // Книга в России в эпоху Просвещения. Л., 1988.

³ *Wollstonecraft M.* Op. cit. P. 18-19.

чества”, царило суеверие¹. Пристли также связывал состояние “унизительного рабства”, существовавшее до революции, с тьмой и суеверием, из-за которых “человечество на многие века было погружено в рабство, худшее, чем египетское — в рабство духа”². Незнание гражданами своих прав обеспечивало пассивное повиновение народа правителям, попиравшим его свободу, утверждала Маколей³.

Рационалистическая критика средневековья или, как его еще называли, “века рыцарства” присутствовала в той или иной степени едва ли не во всех выступлениях противников Бёрка. Однако в оценке исторической роли “духа рыцарства”, под которым тогда понимали совокупность политических, юридических и моральных ценностей господствовавшего в средние века социального слоя, а в конечном счете и в оценке феодального строя в целом, эти авторы не проявляли такого же единодушия. Радикальные публицисты, следуя преобладавшему в век Просвещения стереотипу, рисовали средние века исключительно черными красками. Пейн называл их “донкихотской эпохой рыцарских бредней”⁴. Согласно Пристли, “дух рыцарства” был присущ эпохе крайнего варварства⁵; от его угасания, полагала Уолстонкрафт, разум только выигрывает⁶. А вот взгляд на данную проблему либерального историка К.Маколей не столь однолинеен. Она считала, что

¹ *Paine Th. The Rights of Man // The Complete Writings of Thomas Paine. N.Y., 1945. P. 277, 299.* Далее ссылки на Т.Пейна даются по этому же изданию, в скобках будут указаны страницы русского перевода (см.: *Пейн Т. Права человека (Часть первая) // Пейн Т. Избранные сочинения. М., 1959. С. 206, 208).*

² *Priestley J. Letters to the Rt. Hon. Edmund Burke... P. 145.* См. также: *Пристли Дж. Письма к достопочтенному Эдмунду Бёрку, вызванные его “Размышлениями о французской революции” // Английские материалисты XVIII в. М., 1968. Т. 3. С. 497.* Далее страницы русского перевода будут указаны в скобках.

³ *Macaulay C. Op. cit. P. 17.*

⁴ *Paine Th. The Rights of Man. P. 259 (С. 187).*

⁵ *Priestley J. Letters to the Rt. Hon. Edmund Burke .. P. 29 (С. 468).*

⁶ *Wollstonecraft M. Op. cit. P. 64-65.*

в свое время "дух рыцарства" играл полезную для общества роль, но по мере исторического развития превратился в никчемный анахронизм¹.

Впрочем, даже расходясь в оценках средневековья, оппоненты Бёрка были убеждены, что возникшие в ту эпоху институты французской монархии к концу XVIII безнадёжно устарели. Но чтобы нация могла понять "неразумность" подчинения "деспотизму", требовалась "революция идей", каковой и стало Просвещение. Именно просветителям английские либералы и радикалы отводили главную роль в подготовке Французской революции. "Выше голову, вы, друзья свободы и писатели, ее защищающие! Настали благоприятные времена. Ваши труды не пропали даром. Смотрите, как просвещенные вами королевства очнулись ото сна, разбивают оковы и требуют к ответу своих угнетателей. Смотрите, как зажженный вами свет, сделав свободной Америку, достиг Франции и вспыхнул там пламенем, испепелившим деспотизм, согревшим и озарившим всю Европу!" — восторгался Прайс².

Сама революция определялась этими авторами как торжество разума над предрассудками. Она, считал Пристли, являет собой "переход от тьмы к свету, от суеверия к здравому знанию и от самого унижительного рабства к состоянию самой возвышенной свободы. Это — освобождение всех способностей человека от тех разнообразных пут, которые связывали его до самого последнего времени"³. Двадцать четыре миллиона людей, заявляла Макколлей, избавились "от всего, что унижало здравый рассудок и причиняло страдания"⁴.

Хотя противники Бёрка основное внимание уделяли идеологическим корням революции, практически все они так или иначе затрагивали и проблему ее социально-эко-

¹ *Macaulay C.* Op. cit. P. 54.

² *Price R.* Op. cit. P. 50. О роли философов см. также: *Paine Th.* The Rights of Man. P. 298-299 (С. 228-229); *Macaulay C.* Op. cit. P. 35, 89; *Wollstonecraft M.* Op. cit. P. 118.

³ *Priestley J.* Letters to the Rt. Hon. Edmund Burke... P. 144 (С. 496).

⁴ *Macaulay C.* Op. cit. P. 20.

номических причин. По мнению этих авторов, экономика Франции накануне 1789 г. переживала тяжелейший кризис. “Кредитор государства был обманут, промышленник оказался без работы, торговля чахла, голод стал уделом бедняка, отчаяние — уделом всех”, — говорил в парламенте Шеридан¹. “Народ из-за недостатка зерна буквально умирал от голода, не имея хлеба”, — утверждал Стэнхоуп².

Оживленно обсуждались вопросы бюджетного дефицита и налогового гнета французской монархии. “Вследствие национальных долгов механизм некоторых европейских правительств уже так сильно обременен, что не может двигаться... Сами основы мирного состояния Франции не могут более поддерживаться”, — писал Пристли³. “Какие у них были доходы? Национальное банкротство!” — восклицал Шеридан в ответ на слова Бёрка о пагубном влиянии революции на французские финансы⁴. Маколей прямо называла национальный долг Франции одной из причин революционных потрясений⁵. Того же мнения придерживался и Пейн: “Доходов Франции, составлявших почти 24 миллиона фунтов в год не хватало на покрытие расходов не потому, что доходы уменьшились, а потому, что возросли расходы. Этим обстоятельством и воспользовалась нация, чтобы совершить революцию”⁶.

В отличие от своих оппонентов, Бёрк категорически отрицал необходимость революционного ниспровержения во Франции Старого порядка. И если их аргументация в пользу исторической неизбежности революции носила прежде всего идеологический характер, то Бёрк, доказывая жизнеспособность монархии Бурбонов, основное внимание обращал на социально-экономические аспекты. По-

¹ The Parliamentary History of England. L., 1816. Vol. 28. Col. 367-368.

² Stanhope Ch. A Letter... P. 10.

³ Priestley J. Letters to the Rt. Hon. Edmund Burke... P. 153 (C. 503).

⁴ The Parliamentary History of England. Vol. 28. Col. 367.

⁵ Macaulay C. Op. cit. P. 33.

⁶ Paine Th. The Rights of Man. P. 301 (C. 230).

добный подход к изучению общественных явлений применялся им и ранее. Будучи убежден, что все сферы социальной жизни находятся в неразрывном единстве, поскольку управляются одним, данным свыше универсальным законом, мыслитель считал состояние экономики важным показателем соответствия государственной политики объективно существующему во вселенной порядку вещей.

Так, еще в 1769 г., оправдывая деятельность фракции Рокингема во время нахождения ее у власти, Бёрк обращал внимание читателей на процветающее состояние британской экономики в тот период, подтверждая свои слова ссылками на статистику торговли, производства и потребления¹. Во время конфликта с Американскими колониями он, отстаивая необходимость компромисса, также широко использовал экономическую аргументацию, опираясь на данные статистики². Не удивительно поэтому, что и в дискуссии о Французской революции Бёрк проявлял повышенный интерес к вопросам экономики.

Уже в парламентском выступлении 9 февраля 1790 г. он осуждал французов не только за ниспровержение монархии, церкви, дворянства, закона, развал армии и флота, но и за разрушение торговли и промышленности³. В "Размышлениях" Бёрк противопоставил вызванный революцией упадок хозяйственной жизни Франции процветающему состоянию торговли и промышленности при Старом порядке. Указав на быстрый и стабильный прирост населения в предреволюционные десятилетия, на постоянно увеличивавшийся выпуск в стране звонкой монеты, Бёрк сделал один из основных выводов своего сочинения: "Конечно, когда я вглядываюсь в облик французского королевства, вижу, сколь многочисленны и богаты его города, сколь полезны и великолепны его широкие дороги и мосты, сколь удобны его искусственные судоходные

¹ *Burke E. Observations on the Present State of Nation* (1769). P. 26-28, 31-33, 49-74.

² *Burke E. Speech on Conciliation with the Colonies*: (1775). P. 38-40.

³ *Burke E. Speech On the Army Estimates* (1790). P. 7.

каналы, открывающие возможность для применения водного транспорта на весьма обширном пространстве суши... когда я вспоминаю, как малы необрабатываемые площади в этой огромной стране и до какого совершенства доведено во Франции возделывание многих из самых лучших на земле сельскохозяйственных культур; когда я размышляю над тем, как превосходны ее мануфактуры и фабрики, не уступающие никаким другим, кроме английских, а часто вообще никому не уступающие ... я вижу во всем этом нечто такое, что заставляет трепетать воображение и покоряет его, что удерживает разум от опрометчивого и огульного порицания, что требует от нас тщательного изучения: есть ли здесь скрытые пороки и так ли они велики, чтобы дать право сразу же сравнять с землей это огромное здание"¹

Государственное устройство Франции английский мыслитель находил также вполне приемлемым потому, что оно обеспечивало подданным основные социальные права, а именно — на жизнь в соответствии с законом, на справедливость в отношениях с другими гражданами, на плоды своего труда и средства сделать труд производительным, на наследование родителям, на воспитание и образование своих детей, на наставление в жизни и утешение в смерти².

Впрочем, Бёрк отнюдь не идеализировал Старый порядок, ибо был достаточно хорошо осведомлен о его недостатках. Еще в 1769 г., тщательно изучив систему налогообложения в соседней стране, он заявил, что ее пороки чреватые в будущем крупными потрясениями, "последствия коих для Франции и для всей Европы трудно предсказать"³. Кроме того, землевладение французского дворянства, отмечал он, связано с исполнением феодальных повинностей в пользу монарха, от которых английские джентри уже век как избавлены и которые намного превышают поземельный налог в Британии. А уж что касает-

¹ *Burke E. Reflections* (1790). P. 240-241.

² *Ibid.* P. 120-121.

³ *Burke E. Observations on the Present State of Nation* (1769). P. 86.

ся той части населения, которая не имеет дворянских титулов и связанных с ними привилегий, то она должна вносить в казну столько, что если бы нечто подобное предложили жителю Лондона, он наверняка забился бы в агонии, грустно пошутил Бёрк¹.

В "Размышлениях" он также обращал внимание на дефекты государственного строя Франции, причисляя его к "неупорядоченным" или "плохо упорядоченным" монархиям, где открыты возможности для многочисленных злоупотреблений. "Я знаю, — писал он, — о промахах и недостатках свергнутого правительства Франции и не склонен из личных или политических соображений создавать панегирик тому, что справедливо и естественно заслуживает порицания"². К таким недостаткам он относил даже одну из основ абсолютной монархии — неограниченную власть суверена над подданными, "не совместимую, без сомнения, с законом и свободой"³.

В работах последующих лет Бёрк тоже порой высказывал подобные суждения, подчеркивая, однако, что его критика пороков Старого порядка не имеет ничего общего с обоснованием революции ее сторонниками: "Цель, с которой дефекты государственного строя выносятся на всеобщее обозрение, самым существенным образом определяет способ их рассмотрения. Жалобы друга и злобные выпады врага — вещи совершенно разные"⁴.

Считая, что на земле вообще не может существовать идеального строя, полностью свободного от недостатков, Бёрк осуждал революционную ломку во Франции исторически сложившегося порядка. Наиболее серьезные пороки старого строя, утверждал он, вполне можно было устранить посредством реформы. "Разве верно, будто французская система управления оказалась настолько неспособной к реформе или незаслуживающей ее, что существовала настоятельная необходимость сразу же снести все

¹ Ibid. P. 87-88.

² *Burke E. Reflections* (1790). P. 233.

³ Ibid. P. 242.

⁴ *Burke E. An Appeal from the New to the Old Whigs* (1791). P. 135.

здание и расчистить площадку для возведения на его месте теоретически разработанного, экспериментального сооружения?" — негодуя спрашивал мыслитель¹.

Способность французской монархии к самосовершенствованию представлялась Бёрку бесспорной. Неизменно проявляя большой интерес к политическому развитию соседней страны, он еще в начале 80-х годов, когда Англия воевала с Францией, дал высокую оценку реформам первых лет царствования Людовика XVI: "Когда я наблюдаю, а я наблюдаю, как и раньше, очень внимательно, за действиями французского короля, то, сколь мне ни жаль, приходится признать, что ни в характере, ни в духе его финансовой политики нет ничего деспотического, — ничего общего с наглым мошенничеством обанкротившейся власти... Я не вижу ничего от Людовика XIV или Людовика XV. Напротив, я с удивлением замечаю, что в самый разгар войны и общего смятения именно руками деспотической власти возводится стройная и правильная система государственного кредита..."² Большие надежды на обновление Франции Бёрк тогда связывал с личностью молодого монарха: "Реформа финансов вместе с реформой двора обеспечили обществу ежегодный доход в 900 тыс. ливров и выше. Министр, сделавший это, — великий человек, но король, захотевший, чтобы это было сделано, еще более велик"³.

В работах периода революции Бёрк также подчеркивал, что мирное преобразование государственного строя Франции было не только возможно, но и реально велось в годы правления ее последнего короля. "Тот, кто исследует действия низложенного правительства на протяжении ряда предшествующих лет, вряд ли не заметит при всем его непостоянстве и колебаниях, естественных для жизни двора, искреннего стремления к процветанию и совершенствованию страны; и нельзя не признать, что результатом этого было в некоторых случаях полное устране-

¹ *Burke E. Reflections* (1790). P. 233-234.

² *Burke E. Speech on Economical Reformation* (1780). P. 238-239.

³ *Ibid.* P. 241.

ние, а в некоторых — существенное исправление порочных явлений, преобладавших в государстве,” — утверждал автор “Размышлений”¹.

Политика короны в начале революционного кризиса, по мнению Бёрка, тоже убедительно свидетельствовала о способности монархии к самореформированию. Причем, король, намереваясь покончить со злоупотреблениями зашел, по мнению английского мыслителя, даже несколько дальше, чем от него ожидало общество: “Этот монарх сразу же, без малейшего принуждения или хотя бы просьбы, дал народу такую Великую хартию вольностей, какую ни один король никогда не давал своим подданным”². С развитием революции Бёрк, размышляя об ее истоках, признал стремление Людовика XVI к преобразованиям даже чрезмерным. Правда, критика, высказанная Бёрком в адрес короля-реформатора, была достаточно мягкой, что, впрочем, не удивительно, учитывая трагическую судьбу последнего³. До конца своих дней сохранил глубокое уважение к памяти Людовика XVI, Бёрк считал, что причиной его краха стало отнюдь не отсутствие готовности к реформам⁴.

Таким образом, по убеждению английского мыслителя, объективных причин у Французской революции не было, поскольку прежний строй обладал достаточной жизнеспособностью, а его недостатки вполне могли быть устранены в ходе постепенно проводившихся реформ.

Однако революционный переворот все же свершился и тому нужно было найти свое объяснение. Причины случившегося Бёрк искал в сфере субъективной деятельности людей, а именно в области идеологии и политики. Суть происходившего во Франции он видел в мятеже против христианской религии. Еще в февральской речи 1790 г.

¹ *Burke E. Reflections (1790). P. 242.*

² *Burke E. Letter to a Member of the National Assembly (1791). P. 22.*

³ *Burke E. Thoughts on the French Affairs (1791) // Works. Vol. 7. P. 66-67.*

⁴ *Burke E. Letters on the Regicide Peace. Letter 2 (1796). P. 257-259.*

он объявил об опасности, угрожавшей вере со стороны клики (faction), исповедующей атеизм¹. В "Размышлениях" он уже прямо заявил о существовании "заговора"² писателей-атеистов против церкви и государства: "Литературная клика выработала несколько лет назад нечто вроде стройного плана уничтожения христианской религии"³.

В этой работе Бёрк подробно описывал, как с конца XVII в. происходило формирование вокруг французских академий целого слоя профессиональных "литераторов" (men of letters), который затем еще более сплотился в ходе многолетней работы над "Энциклопедией". Проникнутая корпоративным духом нетерпимости данная общность, преследуя несогласных, установила собственную монополию в литературе. Стремясь к расширению своей власти над умами людей, эти вошедшие в моду писатели с ожесточением фанатиков клеймили двор, знать и особенно духовенство, претендуя на роль единственных наставников народа⁴. История Просвещения, таким образом, представлялась Бёрку в виде длившейся несколько десятилетий, хорошо продуманной интриги, направленной против христианской веры.

Кроме "литераторов", Бёрк в "Размышлениях" называл участниками "заговора" также представителей "денежного интереса", к которым относил прежде всего лиц, разбогатевших на операциях с государственными ценными бу-

¹ *Burke E. Speech On the Army Estimates (1790). P. 9-10.*

² Остроумное предположение американского историка Р.Феннеси о том, что на мысль о "заговоре" Бёрка натолкнуло письмо, посланное ему Т.Пейном из Парижа 17 января 1790 г., не представляется убедительным. В самом деле, даже при большом желании трудно увидеть свидетельство существования "заговора" в цитируемых Пейном словах Т.Джефферсона: «Национальное собрание, проявив на каждой стадии своей деятельности хладнокровие, мудрость и решимость скорее поджечь с четырех сторон королевство и погибнуть вместе с ним, чем хотя бы на йоту отступить от своего плана полного изменения системы управления, теперь неоспоримо обладает всем суверенитетом» (*Fennessy R. Op. cit. P. 103-104*).

³ *Burke E. Reflections. P. 207.*

⁴ *Ibid. P. 207-210.*

магами. Они, по его словам, хотели, разгромив церковь, поживиться за счет ее земель и, принизив значение королевской власти и дворянства, поднять свою роль в обществе¹.

Считая уничтожение церкви и ниспровержение религии главной целью "заговорщиков", Бёрк весьма скептически относился к провозглашенным Национальным собранием Франции требованиям третьего сословия. Даже проблему дефицита государственного бюджета, ставшую поводом для созыва Генеральных штатов он признал искусственно раздутой для прикрытия атаки на собственность духовенства².

Итак, подобно своим оппонентам, Бёрк находил причины революции в субъективных факторах идеологического и политического характера, хотя и оценивал их с иным знаком, чем радикалы и левые виги. Однако сводить его трактовку истоков революционных событий к одной лишь концепции "заговора", как поступают некоторые авторы³, мне представляется неверным. Мысль о возможности волюнтаристского изменения социальной реальности отдельными индивидами совершенно чужда, как мы видели в предыдущей главе, философии этого мыслителя. Согласно его убеждениям, предпринимаемое людьми может увенчаться успехом только при благоприятном стечении объективно существующих обстоятельств. Во Франции такой предпосылкой успеха "заговора" стало нарушение имевшего ранее место баланса социальных противоречий.

Но прежде чем рассмотреть точку зрения Бёрка по данному вопросу, отмечу, что большинство его оппонентов вообще не связывало проблему отношений между различными социальными слоями Франции с происхождением революции. Так, Фокс и Шеридан воспринимали французские события исключительно как борьбу всей нации с деспотизмом. Уолстонкрафт, обычно уделявшая в

¹ Ibid. P. 204-207.

² См.: Ibid. P. 219-229.

³ См., например: *Canavan F. Op. cit. P. 69; Ganzin M. Op. cit. P. 96, 119; O'Gorman F. Edmund Burke. P. 140.*

своих работах довольно много внимания антагонизму между богатыми и бедными, фактически обошла молчанием эту тему, говоря о причинах революции. Даже термином "феодализм" эти авторы в большинстве своем пользовались, вкладывая в него чисто политический смысл. Пристли, например, видел "наследие феодальной системы" прежде всего в светской власти церкви¹, а Пейн под "феодальным деспотизмом" подразумевал господство аристократии в провинции². Пожалуй, только Макoley вскользь упомянула о "феодальных привилегиях"³, да Стэнхоуп коротко заметил: "Существовала феодальная тирания, а также презренное состояние вассальной зависимости"⁴. Однако и они не задержались на данной теме, также считая основным противоречием французского общества конфликт между абсолютизмом и нацией в целом.

Выше уже отмечалось, что Бёрк воспринимал противоречия как неотъемлемую часть жизни природы и общества. Само по себе то или иное соперничество различных социальных групп, полагал он, не только неизбежно, но даже полезно, если между ними соблюден надлежащий баланс. Во Франции же такое равновесие было нарушено из-за чрезмерно обострившегося конфликта между земельной знатью и представителями "денежного интереса". Причем, если к последним автор "Размышлений" причислял прежде всего лиц, занимавшихся финансовыми операциями, то в последующих работах он в аналогичном контексте говорил уже о противостоянии дворянства и "средних классов", к которым, помимо финансистов, относил также иные группы предпринимателей⁵. Этот общественный слой, по мнению мыслителя, отличается высокая динамичность, а потому обращение с ним требует особой осторожности: "Денежный интерес по своей природе более других предрасположен к любому рискованному

¹ Priestley J. Letters to the Rt. Hon. Edmund Burke... P. 139.

² Paine Th. The Rights of Man. P. 257 (C. 186).

³ Macaulay C. Op. cit. P. 23.

⁴ Stanhope Ch. A Letter... P. 9.

⁵ Burke E. Letters on the Regicide Peace. Letter 2 (1796). P. 259.

предприятию (adventure); а его представители проявляют наибольшую готовность к новым начинаниям всякого рода. Имея не слишком давнее происхождение, он вполне естественно склонен ко всевозможным новшествам. То есть это такой вид богатства, который будет притягивать всех желающих перемен"¹.

Сам занимаясь практической политикой, Бёрк придавал большое значение тому, чтобы правительство Англии надлежащим образом учитывало потребности данного социального слоя. Еще в середине 60-х годов, защищая деятельность кабинета Рокингема от нападков политических противников, Бёрк, в частности, ставил в заслугу этому премьеру то, что он первым начал проводить встречи и консультации с предпринимателями из всех частей королевства, "от чего мануфактуры и торговля уже многое выиграли и от чего открылись широчайшие перспективы для их дальнейшего развития"². Позднее, в период обострения конфликта с Американскими колониями, нанюсившего немалый ущерб коммерции, Бёрк призывал тогдашний британский кабинет брать пример с членов прежнего правительства, которые "не стыдились заявлять, что симпатизируют чаяниям наших негодяев"³. Разоблачая злоупотребления Ост-Индской компании, он особо указывал на вред, причиненный ими "торговым интересам" королевства⁴.

Признавая землевладельческую знать наиболее подготовленной к управлению государством частью общества, Бёрк, тем не менее, считал чрезвычайно важным сохранять баланс между "земельными" и "денежными" (торговыми) интересами. Собственно искусство политики, полагал он, во все времена как раз и состояло в способности поддерживать динамическое равновесие различных соци-

¹ *Burke E. Reflections* (1790). P. 206-207.

² *Burke E. A Short Account of a Late Short Administration* (1766) // *Works*. Vol. 2. P. 4.

³ *Burke E. Observations on the Present State of the Nation* (1769). P. 161.

⁴ *Burke E. Speech on East-India Bill* (1783) // *Works*. Vol. 4. P. 84.

альных сил путем достижения между ними разумного компромисса¹. Во Франции же такое равновесие в предшествующий революции период было нарушено, поскольку законы королевства, наделяя дворян огромными привилегиями, не позволяли представителям денежной аристократии занять в обществе место, соответствующее их реальной значимости². Возникшие из-за этого обида и раздражение побудили владельцев денежного капитала вступить в “заговор” против монархии и церкви, утверждал Бёрк³. Как видим, и здесь решающую роль он отводил субъективному фактору — неудачной политике французского правительства, не успевшего вовремя отреагировать на изменившееся положение в обществе.

В последующих работах Бёрк в целом придерживался той же концепции причин революции, что и в “Размышлениях”. Так, в “Обращении новых вигов к старым”, вышедшем через год, он вновь заявил, что своим успехом революция обязана ловкости “заговорщиков” и недостаточной решительности прежнего правительства⁴.

В написанном спустя еще несколько месяцев произведении “Мысли о французских делах” Бёрк предупреждал об опасности распространения по всей Европе “заговора атеистов”, уже победившего во Франции. К “заговорщикам” он опять причислял владельцев финансового, торгового, промышленного капитала и “литераторов”, в частности, членов французских академий во главе с одним из последних энциклопедистов — Кондорсе⁵. Любопытно, что в данном сочинении автор счел необходимым усилить, даже сравнительно с “Размышлениями”, акцент на субъективном характере обстоятельств, приведших к революционному перевороту: “Когда-то я думал, что недостаточное уважение к коммерческой деятельности во

¹ *Burke E. Reflections* (1790). P. 81-82, 331-332.

² *Ibid.* P. 205, 253-254.

³ *Ibid.* P. 206-207.

⁴ *Burke E. An Appeal from the New to the Old Whigs* (1791). P. 232.

⁵ *Burke E. Thoughts on French Affairs* (1791) // *Works.* Vol. 7. P. 21-22, 57-62.

Франции может быть названо среди причин недавней революции; впрочем, я и до сих пор считаю, что присущий французскому дворянству дух исключительности раздражал богатых людей, принадлежавших к другим классам. Но с тех пор я открыл для себя, что занимавшиеся торговлей и предпринимательством люди отнюдь не подвергались во Франции такому презрению, как меня некогда убеждали. Что же касается литераторов, то они не только не страдали от презрения или пренебрежения, а напротив, не было, наверное, в целом свете такой страны, где бы их так ценили, обхаживали, баловали и даже побаивались...¹ Иначе говоря, по мнению Бёрка, у этих социальных групп не было других оснований желать революции, кроме свойственной им любви к новшествам как таковым и стремления к неограниченной власти, достигаемой разрушением религии и монархии.

И в своем последнем произведении — «Письмах о мире с царевубийственной Директорией» — Бёрк вновь повторил ту же концепцию «заговора» и предпосылок его успеха: «Тихая революция в сфере морали предшествовала политической и подготовила ее... Цепь субординации, даже внутри заговора и мятежа, оказалась разорвана в самых важных ее звеньях. Не было больше благородных и простолюдинов (the great and the populace). Сложился другие интересы, другие формы зависимости, другие связи, другие отношения. Средние классы усилились во много крат по сравнению со своим прежним положением. Поскольку они стали самыми богатыми и сильными в обществе, они, как это обычно бывает, притягивали к себе всех наиболее активных политиков и обладали достаточным весом, чтобы влиять на них. Там сконцентрировалась вся энергия, благодаря которой приобретает богатство... Там сосредоточились все таланты, предъявлявшие свои претензии и недовольные отведенным им местом в обществе. Эти категории людей вклинились между знатью и плебсом, подчинив своему влиянию низшие классы... Переписка в сфере финансов и торговли, связи между академиями и особенно пресса, оказавшаяся едва ли не в

¹ Ibid. P. 22.

полной их собственности, образовали своего рода электрическую цепь, по которой разряд доходил до любого места¹.

Таким образом, хотя Эдмунд Бёрк, подобно своим оппонентам, искал причины революции в сфере субъективной деятельности людей, все же предложенные им и его критиками трактовки истоков французских событий далеко не равнозначны. Стремление Бёрка рассматривать идейно-политическую активность отдельных индивидов и целых социальных групп в общем контексте исторически сложившейся социально-экономической ситуации существенно отличает его подход к данной проблеме от интерпретаций ее большинством современников.

С проблемой причин революционного переворота тесно был связан вопрос о и том, кто его хотел и кто произвел, или, говоря языком современной науки, вопрос о движущих силах революции. К рассмотрению его мы сейчас и перейдем.

Итак, кто же в 1789 г. совершил Французскую революцию? Для большинства оппонентов Бёрка ответ был очевиден — нация, то есть весь французский народ. “Не углубляясь в анализ прежней системы правления, — писал Пристли, — мы можем считать доказанным, что она стала крайне ненавистой для страны в целом. Это мы можем заключить из того всеобщего и искреннего участия, которое народ принимал в революции”². Шеридан утверждал: “Происшедшее преобразование не было целью и желанием одного лишь Национального собрания. Это — требование и глас нации в целом, которая вся, как один человек, стремилась к сей цели”³. Того же мнения придерживалась и Маколей: “Было нечто совершенно необычное, совершенно исключительное в таком полном единодушии народа”⁴. Пейн, Стэнхоуп и Фокс также считали револю-

¹ *Burke E. Letters on the Regicide Peace. Letter 2 (1796). P. 259-260.*

² *Priestley J. Letters to the Rt. Hon. Edmund Burke... P. 6-7 (C. 451).*

³ *The Parliamentary History. Vol. 28. Col. 368.*

⁴ *Macaulay C. Op. cit. P. 22.*

цию делом всей французской нации¹.

Разумеется, противникам Бёрка революционный лагерь отнюдь не казался сплошь однородной массой. По ходу рассуждений они нередко выделяли какую-либо из его частей, характеризуя ее поведение при тех или иных обстоятельствах. Пейн, например, несколько подробнее писал об участвовавшей в восстании 14 июля "черни"², Маколей — о знати, поддерживавшей на первых порах революцию³, Пристли — о заседавших в Национальном собрании юристах⁴. Однако подобные высказывания носили эпизодический характер и не давали сколько-нибудь полного представления о социальных силах, боровшихся против Старого порядка. Большинство критиков Бёрка не придавало большого значения различиям внутри революционного лагеря и не обращало внимания на специфические интересы входивших в него социальных групп. Впрочем, подобный же подход к проблеме сил, совершивших революцию, был даже в XIX в. характерен для таких крупных историков, как О.Тьерри и Ж.Мишле. Они тоже видели в событиях революционного десятилетия восстание единого третьего сословия против королевского деспотизма.

Совершенно иной взгляд на данную проблему имел Э.Бёрк. Его философия, как мы знаем, предполагала существование в любом государстве различных социальных групп и слоев, обладающих особыми, характерными только для них и часто далеко не совпадающими потребностями. Именно такими, чисто корпоративными и профессиональными интересами определялось, по его мнению, отношение к революции различных частей французского общества.

Бёрк категорически отрицал то, что подавляющее

¹ См.: *Paine Th. The Rights of Man. P. 256 (C. 184); Stanhope Ch. A Letter... P. 9-10, 12; The Parliamentary History. Vol. 28. Col. 365.*

² *Paine Th. The Rights of Man. P. 266- 267 (C. 195-196).*

³ *Macaulay C. Op. cit. P. 38-39, 58.*

⁴ *Priestley J. Letters to the Rt. Hon. Edmund Burke... P. 15-16 (C. 457-458).*

большинство французов стремилось к революционному обновлению страны и активно участвовало в нем. Истинная воля нация, заявлял он в "Размышлениях", выражена наказами избирателей при выборах в Генеральные штаты. Там ни слова не сказано о необходимости затеянной Национальным собранием тотальной ломки прежних порядков. "Я никогда не смогу относиться к этому Собранию иначе, чем как к добровольному объединению людей, воспользовавшихся благоприятными обстоятельствами для захвата власти в государстве. У них больше нет той санкции и тех полномочий, какие они имели, собравшись впервые. ...Они отошли от наказов избравшего их народа, которые, поскольку Собрание действует не опираясь на какой-либо старинный обычай или существующий закон, были единственным источником их полномочий" -говорилось в "Размышлениях"¹.

Тема несоответствия революционных преобразований наказам 1789 г. разрабатывалась Бёрком и далее. В "Обращении новых вигов к старым" он подчеркивал, что именно на выборах в Генеральные штаты, когда у избирателей имелась полная возможность максимально свободно выражать свое мнение, французы выступали как **народ**. "Но заметьте, — продолжал автор, — когда они находились в таком состоянии, то есть, пока они действовали как народ, их наказания не содержали и упоминания, даже намеком, ни о чем таком, что в дальнейшем вызовет у разумной и здравомыслящей части человечества отвращение к узурпаторской Ассамблее и ее приверженцам"².

В 1791 г., после выборов в Законодательное собрание Франции Бёрк обратил внимание на то, что от участия в них, по признанию самих властей, уклонились многие граждане, и увидел в этом еще одно свидетельство негативного отношения большей части населения к революционному перевороту³.

¹ *Burke E. Reflections (1790). P. 297-298. См. также P. 429, 432-433.*

² *Burke E. An Appeal from the New to the Old Whigs (1791). P. 231-232.*

³ *Burke E. Thoughts on French Affairs (1791). P. 11.*

Отделяя от основной массы народа участвовавшие в революции социальные группы, автор "Размышлений" дал им довольно подробное описание. К числу наиболее активных деятелей французских событий Бёрк, кроме членов "заговора", т.е. "литераторов" и "денежной аристократии", относил также лиц свободных профессий — врачей, журналистов и, прежде всего, юристов. Последние, по его мнению, имели особую заинтересованность в разрушении устоявшегося порядка вещей, поскольку надеялись, что дестабилизация общества приведет к повышению спроса на услуги опытных правоведов, способных разрешать спорные вопросы¹.

Помимо представителей просвещенных кругов, Бёрк считал одной из наиболее мощных движущих сил революции городскую "чернь" (*mob, gabble, ruffians*), составлявшую основную массу участников восстания 14 июля и похода парижан на Версаль 5-6 октября 1789 г. Говоря о "черни", Бёрк прежде всего имел в виду ту часть населения, которую современная наука определяет как маргинальные, деклассированные слои общества. Людей подобного сорта, утверждал он, во все времена отличала готовность к участию во всякого рода беспорядках, грабежах и убийствах, особенно, если подходящий политический повод давал основание надеяться на безнаказанность. Просвещенные "заговорщики", клеймя монархию и церковь, подорвали авторитет светской и духовной власти. Тем самым была разрушена преграда, сдерживавшая низменные инстинкты "черни". Вырвавшись наружу, они стали причиной множества преступлений. Мотивы действий парижской толпы в дни революции, по мнению Бёрка, ничем не отличались от тех, которыми она руководствовалась в Варфоломеевскую ночь, истребляя гугенотов. Изменился только повод.² «История, — говорилось в "Размышлениях", — состоит в значительной степени из несчастий, навлекаемых на мир гордыней, честолюбием, алчностью, мстительностью, похотью, бунтарством, лицемерием, безудержным фанатизмом и всем перечнем неумеренных вож-

¹ *Burke E. Reflections* (1790). P. 94-95.

² *Ibid.* P. 260-261.

делений, из-за которых общество потрясают такие же "неистовые штормы, какие случаются и в судьбе отдельного человека, отравляя ему жизнь". Эти пороки — причина подобных бурь. Религия, мораль, законы, прерогативы, привилегии, свободы, права человека — лишь предлоги»¹.

Уже в первых работах о революции, отметив разнородность участвующих в ней сил, Бёрк обратил внимание на противоречия между ними. Вызвав к политической жизни столь могущественного, но непостоянного и плохо управляемого союзника, как "чернь", пробудив у нее религиозный фанатизм в отношении "прав человека", просвещенные вожди "заговора" невольно сами оказались ее заложниками. Депутаты Национального собрания, писал Бёрк, "выступают, подобно ярмарочным комедиантам, перед шумным сборищем народа; они выступают под крики возбужденной толпы свирепых мужчин и потерявших всякий стыд женщин, которые по своей прихоти управляют ими, их контролируют, им аплодируют или обрушивают на них свое негодование. ...Им (депутатам — А.С.) дана власть, подобная той, что обладает первоисточник всего зла, — власть ниспровергать и разрушать, но ничего не создавать, кроме разве что средств дальнейшего ниспровержения и разрушения"².

Еще в "Размышлениях" Бёрк предсказывал, что дальнейшая судьба вождей революции во многом будет определяться их способностью потворствовать настроениям революционной толпы: "Когда политические лидеры по своей воле превращаются в покупателей на аукционе популярности, их способности к государственному строительству остаются без применения. Они будут льстецами, а не законодателями. Если кому-либо из них случится предложить план установления разумно умеренной и сопряженной с надлежащими ограничениями свободы, он будет немедленно обойден конкурентами, которые предложат нечто гораздо более популярное. Его же верность делу подвергнется сомнениям. Умеренность будет осуждена как

¹ Ibid. P. 258.

² Ibid. P. 137-138.

добродетель трусов, а стремление к компромиссу — как мудрость предателей...”¹

В последующих работах Бёрк не раз возвращался к проблеме взаимоотношений указанных социальных групп, внося определенные коррективы в свои прежние оценки и констатируя дальнейшее перераспределение ролей участников революции по мере ее развития. Уже в самом начале 1791 г. он подчеркивал растущее значение “черни”, отмечая, что маргинальным элементам, составляющим численно меньшую, но наиболее беспокойную часть “низов” общества, все же удалось увлечь за собой основную массу простого люда и навязать ему в обстановке краха социальных устоев свои ценности. “Жизнь искателей приключений, авантюристов, бродяг, нищих и воров не так уж неприятна. Требуется сдерживающие ограничения, чтобы она не вошла у людей в привычку” — предупреждал мыслитель².

По его убеждению, во Франции установилась диктатура наихудших членов общества. Основная же часть населения удерживается в повиновении либо насилием, либо обманом, поскольку широкие массы, утверждал Бёрк, отравлены иллюзией обладания властью. И хотя эта мнимая власть получена ценой ухудшения условий жизни, добровольно от нее никто не откажется: “Когда было такое, чтобы материальные бедствия вынудили какого-либо государя отречься от престола? Какое же значение они могут иметь для тех, кто считает себя народом, состоящим из государей?”³

В написанном чуть позже “Обращении новых вигов к старым” Бёрк, подтвердив неизменность своего мнения относительно того, что широкие слои французского общества революции не хотели и что ее инициаторами стали “заговорщики” из просвещенных кругов, предположил, однако, что дальнейший ход событий наверняка заставил пожалеть о содеянном тех немногих представителей дво-

¹ Ibid. P. 434-435.

² *Burke E.* Letter to a Member of the National Assembly (1791). P. 12.

³ Ibid. P. 13.

рянства, которые, будучи участниками "заговора" против монархии, стояли у истоков революционного движения. Разрушив существовавший порядок вещей, они высвободили враждебный аристократии "дух уравниательства", охвативший и пробудивший к самостоятельной политической активности широкие слои населения¹. Здесь же Бёрк отмечал все более возрастающую роль "черни" в революции. Во Франции, писал он, после низвержения монархии установилась "тирания разнузданной, жестокой и дикой толпы (*multitude*), которая, не уважая ни законов, ни обычаев, ни морали, далека от того, чтобы считаться с общепринятыми представлениями людей, и дерзко стремится изменить все до сих пор преобладавшие в мире и управлявшие им принципы и мнения, дабы привести их в соответствие с собственными взглядами и действиями"².

В конце 1791 г. Бёрк обратил внимание на то, что положение финансистов и крупных торговцев, хотя они еще и остаются среди главных действующих лиц французской драмы³, также заметно ухудшилось по сравнению с началом революции. При Старом порядке, предполагавшем баланс интересов всех форм собственности, владельцы капиталов имели возможность оказывать серьезное влияние на государственную политику, благодаря чему их позиция и имела столь важное значение в первые месяцы революционного кризиса. При новом же строе, созданном революцией и призванном гарантировать такие абстрактные ценности, как естественные права, само по себе наличие собственности не придает никакого дополнительного веса мнению ее владельцев в решении государственных дел. Напротив, теперь безопасность самих собственников полностью зависит от настроений единственно реальной во Франции власти, каковой Бёрк считал отнюдь не правительство, слабое и третируемое всеми партиями, а революционные клубы. Такие клубы, сплотившие вокруг себя "чернь", возглавляются худшими представите-

¹ *Burke E. An Appeal from the New to the Old Whigs (1791). P. 131-132.*

² *Ibid. P. 94.*

³ *Burke E. Thoughts on French Affairs (1791). P. 21.*

лями просвещенных слоев — “отребьем юристов-крючковторов” (the refuse of chicane), “суетливыми и самсуверенными юными клерками из контор и служащими магазинов”¹. Впрочем, и эти лидеры будут держаться на гребне волны только до тех пор, пока потакают разрушительным устремлениям “черни”. Малейшее подозрение в отступничестве способно привести к ниспровержению сиюминутных кумиров толпы, предупреждал английский мыслитель².

Он опять подчеркивал, что революцию творит активное меньшинство, однако пассивности остального населения давал уже несколько иное, нежели в предыдущих работах, объяснение. Революционерам, по мнению Бёрка, удалось расколоть общество. Так, молчаливую покорность богатых крестьян они сумели обеспечить, предложив им в качестве взятки церковные земли. Малсимущие же не получили ничего, но поскольку их сопротивление новой власти, сильной и жестокой, заведомо обречено на неудачу, им остается только смириться и искать путей к преуспеванию на службе государству³.

После установления во Франции якобинской диктатуры проблема взаимоотношений участвовавших в революции социальных слоев, похоже, уже не представлялась Бёрку столь сложной, как прежде. Если в 1791 г. он, помимо фактора принуждения, приводил и другие мотивы более или менее добровольного подчинения значительной, а то и преобладающей части населения активному меньшинству, собственно и осуществлявшему революцию, то теперь картина, на его взгляд, полностью изменилась: “Ситуация во Франции крайне проста, — писал он в октябре 1793 г. — Там есть лишь две категории людей: угнетатели и угнетенные. Первые распоряжаются всей государственной властью, всеми вооруженными силами, всем бюджетом страны, всей конфискованной у отдельных лиц и корпораций собственностью. Они отрывают людей низкого звания (the lower sort) от повседневных занятий и берут

1 Ibid. P. 50-51.

2 Ibid. P. 53-55.

3 Ibid. P. 51-52.

к себе на жалование, формируя из них корпус янычар, дабы, держа в страхе тех, у кого есть собственность, господствовать над ними. Вторая категория — *угнетенные* — это все, кто обладает хоть какой-то собственностью: остатки представителей земельного интереса, бюргеры и фермеры¹. Ко второй группе, по мнению Бёрка, относилось не менее четырех пятых населения Франции².

В своих последних работах Бёрк называл революционное меньшинство, захватившее власть во Франции, “якобинцами”, вкладывая в этот термин, однако, гораздо более широкий смысл, нежели просто наименование одной из политических группировок. Любопытно, что даже осенью 1793 г., после того, как конфликт монтаньярсов и жирондистов, принявший форму гражданской войны завершился победой первых, Бёрк включал в число “якобинцев” не только приверженцев Марата, но и сторонников Бриссо. Английский мыслитель полагал: то общее, что есть у этих “партий”, значит в конечном счете намного больше, чем их разногласия из-за власти³.

Якобинизм в трактовке Бёрка — это не столько политическое течение в конкретной стране, сколько глобальный феномен социального, идеологического и психологического свойства. Основными его чертами Бёрк считал фанатичную приверженность определенным идеологическим принципам, таким, например, как атеизм, абстрактно понимаемые права человека, абсолютное равенство индивидов и т.д. (подробнее об этом будет сказано ниже), а также своеобразный психологический склад носителей подобных идей, отчасти обусловленный их социальной принадлежностью: “Якобинскую революцию совершили люди не имеющие общественного положения (*men of no rank*), напроць лишенные осмотрительности и обладающие свирепым нравом дикарей, отличающиеся непостоянством, самонадеянностью и наглостью, чуждые морали, порядочности, благоразумия. Чем же они восполняют свои бесчисленные недостатки и что делает их страшными да-

¹ *Burke E. Remarks on the Policy of the Allies...* (1793). P. 135.

² *Ibid.* P. 138.

³ *Ibid.* P. 131.

же для стойких духом людей? Одно и только одно качество, которое, правда, стоит тысячи других, — у них есть энергия”¹.

Социальный состав якобинцев Бёрк определял так же, как в сочинениях 1791 г. — состав наиболее активно участвующей в революции части общества, а именно — представители просвещенных кругов (“литераторы”), опирающиеся на “чернь”. С 1793 г. он уже не рассматривал предпринимательские слои в качестве революционной силы. Напротив, “средние классы”, отмечал он, теперь предпочли бы заменить господство абстрактных принципов порядком, построенным на уважении к собственности, в том числе к той, что была нажита в ходе революции неправедным путем².

Подобными настроениями собственников, считал Бёрк, попытались воспользоваться жирондисты, которые, будучи не менее преданными адептами “якобинской” идеологии, чем монтаньяры, стремились, однако, в борьбе с последними привлечь на свою сторону “банкиров, купцов, крупных торговцев, владельцев больших запасов ассигнатов и покупателей конфискованных у церкви и дворянства земель”, обещая им прочную и стабильную власть, гарантирующую безопасность собственности. Но подобная цель противоречила абстрактными идеологическими ценностями нового общества. Противники жирондистов — Марат, Дантон, Робеспьер и их сподвижники — призвали на помощь парижскую “чернь”, главную опору якобинизма, и одержали решающую победу над недостаточно последовательными соперниками³. Бёрк считал историю жирондистов весьма поучительной: “Мы своими глазами видели абсурдность предположения, что можно установить порядок на основе разрушительных принципов или создать прочную и стабильную власть при помощи средств и орудий мятежа”⁴.

¹ Ibid. P. 165.

² Burke E. Preface to the Adress of M.Brissot to His Constituents (1794) // Works. Vol. 7. P. 315.

³ Ibid. P. 314-316.

⁴ Ibid. P. 327.

Судя по последнему произведению Бёрка о революции, вышедшему незадолго до его смерти, он не придавал большого значения перевороту 9 термидора и свержению робеспьеристов, полагая, что с новыми правителями сущность режима не намного изменилась. Он отмечал при Директории такое же распределение ролей в стране, как и при Конвенте. "Весь мир знает: во Франции нет общности, а население делится на две категории — наглые тираны и трепещущие рабы. Соперничество между тиранами — единственное проявление жизни, которое только и можно там разглядеть,"¹ — писал он в 1796 г. Несмотря на все персональные изменения, правительство Республики и после Термидора оставалось, на его взгляд, диктатурой наиболее энергичных и подвижных элементов общества, воспринимавших систему традиционных социальных ценностей, в частности, неприкосновенность собственности, как помеху на пути к своему преуспеванию. "Якобинизм, — утверждал мыслитель, — это бунт людей, обладающих талантом предприимчивости (the enterprising talents), против собственности..."²

Интересно, что, согласно трактовке Бёрка, по мере развития революции социальная подвижность активно участвовавшего в ней меньшинства все больше увеличивалась. Те революционеры, что не смогли полностью разорвать узы, связывавшие их с прежним порядком, отторгались и преследовались своими бывшими соратниками. Так, в самом начале кризиса представители "денежных" и "торговых" интересов, обладая более мобильной собственностью, нежели та, что была у являвшихся опорой Старого порядка землевладельцев, проявляли чрезвычайно высокую готовность к переменам и даже выступили в числе инициаторов радикальных нововведений. Однако затем и эта собственность, превратилась в тормоз для дальнейшего движения по революционному пути, поскольку ее нормальное функционирование было невозможно без хотя бы минимальной стабильности в общест-

¹ *Burke E. Letters on the Regicide Peace. Letter 2 (1796). P. 347.*

² *Ibid. Letter 1 (1796). P. 169.*

ве. Теперь уже и "финансисты" с негоциантами оказались среди угнетенного большинства населения. Их союзники, проявив себя более последовательными приверженцами принципов, которые "средние классы" сами некогда провозгласили, отринули колеблющихся и продолжили революционную ломку.

В конечном счете, согласно концепции Бёрка, в революционную элиту, каковой стали "якобинцы", вошли те, кто оказался готов к абсолютному разрыву с прежним обществом, — представители социальных групп, ничего не утративших с гибелью Старого порядка, — "литераторы" и "чернь". Они не были связаны ни с производством, ни с управлением государством, не обладали ни собственностью, ни высоким положением, а потому, ничего не теряя, имели шанс приобрести себе в революции все. Сплоченность и жесткая дисциплина внутри этого меньшинства позволили ему доминировать над остальной, намного более многочисленной, но также намного более пассивной частью общества.

Главным объединяющим фактором для "якобинцев" была, по убеждению Бёрка, фанатичная приверженность определенным идеологическим принципам. Именно она обеспечила тесную сплоченность революционеров и пробудила у них неистовую разрушительную энергию. Впрочем, уникальное значение Французской революции для истории человечества во многом как раз и определялось той огромной ролью, которую в ней играла идеология, утверждал Бёрк. Эта мысль, высказанная им еще в "Размышлениях", повторялась и развивалась практически во всех его последующих сочинениях о революции.

В научной литературе существуют разные точки зрения относительно того, как Бёрк и его оппоненты определяли место Французской революции в мировой истории. Дж. М. Робертс, например, писал: "Бёрк осознал размах и значимость событий во Франции, когда большинство европейцев все еще видело в них лишь внутренние дела французов, касавшиеся других правительств лишь постольку, поскольку происходившее оказывали влияние на

межгосударственные отношения”¹.

Действительно, уже в 1790 г. Бёрк заявил: “Мне кажется, что я присутствую при великом кризисе в делах не только Франции, но и всей Европы, а, возможно, и не одной лишь Европы. Если учесть все обстоятельства, то окажется, что Французская революция — это самое удивительное из происходившего до сих пор в мире”². Но обратившись к трудам его критиков, мы увидим, что и они уже в самом начале Французской революции рассматривали ее как беспрецедентное явление, открывающее новую эпоху в жизни человечества. “Революция во Франции, — отмечал Стэнхоуп, — одна из наиболее удивительных и памятных страниц истории; возможно, никакое политическое событие не несло в себе столько блага для последующих веков”³. По мнению Маколей: “Это — событие, имеющее величайшее значение для самых сокровенных чаяний человечества; оно совершенно уникально по своей природе и удивительно по использованным в нем средствам”⁴. Пристли писал о Французской и Американской революциях: “Эти великие события, во многих отношениях не имеющие ничего подобного во всей истории, открывают собой новую, в высшей степени поразительную и важную эру в истории человечества...”⁵

Другой британский историк, А.Коббен, допуская, что оппоненты Бёрка могли признавать международное значение Французской революции, полагал, однако, что они не видели ее уникальности и воспринимали всего лишь как подобие английской Славной революции 1688 г.⁶ Такие аналогии действительно проводились некоторыми участниками дискуссии. Фокс, к примеру, утверждал, что обе революции имеют между собой много общего, поскольку каждая из них покончила с деспотической фор-

¹ *Roberts J.M.* Op.cit. P. 139.

² *Burke E.* Reflections (1790). P. 39-40.

³ *Stanhope Ch.* A Letter... P. 34.

⁴ *Macaulay C.* Op. cit. P. 6.

⁵ *Priestley J.* Letters to the Rt. Hon. Edmund Burke... P. 143 (С. 496).

⁶ См.: *Cobban A.* Introduction. P. 12.

мой правления¹. Того же мнения придерживались Шеридан и Прайс².

И все же большинство противников Бёрка обращало внимание не столько на сходство, сколько на различия этих событий, противопоставляя их и явно отдавая предпочтение Французской революции. Так, Стэнхоуп подчеркивал, что французская Декларация прав человека и гражданина превосходит английский Билль о правах³. Пристли считал возможным сопоставлять Французскую революцию не со Славной 1688 г., а с английской революцией 40-х годов XVII в.⁴ Пейн заявлял: "Поскольку все познается в сравнении, найдет свое место и революция 1688 г., как бы ни была она непомерно вознесена силой обстоятельств. Она уже идет к закату, затмеваемая восходящим солнцем разума и блистательными революциями Америки и Франции"⁵.

Таким образом, едва ли правомерно утверждать, что Бёрк был единственным мыслителем, уже в самом начале Французской революции осознавшим ее уникальное значение для мировой цивилизации. Другое дело, в чем именно находил он ее уникальность.

Еще в "Размышлениях" Бёрк заявил, что происходящее во Франции — это не имеющий аналогов опыт разрыва исторической преемственности. Дятели революции, писал он своему французскому корреспонденту, считают Старый порядок неисправимо порочным и хотят установить совершенно новый государственный строй, не имеющий ничего общего с прежним: "Вы предпочли действовать так, как будто у вас никогда не было гражданского общества и все надо создавать с нуля. Вы плохо начали, потому что начали, презирая все то, что вам уже принадлежало. Вы заводите дело, не имея для этого капитала"⁶. В

¹ The Parliamentary History. Vol. 28. Col. 365-366.

² См.: Ibid. Col. 369-370; Price R. Op.cit. P. 49-50.

³ Stanhope Ch. A Letter... P. 28.

⁴ Priestley J. Letters to the Rt. Hon. Edmund Burke .. P. 48 (C. 484).

⁵ Paine Th. The Rights of Man. P. 296 (C. 226).

⁶ Burke E. Reflections (1790). P. 82.

подтверждение своих слов, Бёрк приводил весьма характерное высказывание одного из ведущих деятелей Национального собрания Рабо де Сент-Этьена: "Все государственное устройство Франции составляет бедствие для ее народа. Дабы сделать народ счастливым, его надо обновить, изменить его мысли, изменить его законы, изменить его нравы,... изменить людей, изменить вещи, изменить слова, ...все разрушить, да-да, все разрушить, потому что все надо воссоздать заново"¹.

Сам Бёрк, неизменно подчеркивавший необходимость сохранения преемственности в политике, рассматривал подобный подход как крайне опасную попытку произвольного вмешательства в заданный свыше естественный ход вещей. "Я, — признавался он, — не в силах понять, как человек способен впасть в такую самонадеянность, чтобы видеть в своей стране всего лишь *carte blanche*, где можно писать все, что заблагорассудится. Человек, обладающий горячим, но абстрактным желанием всеобщего блага, вправе, конечно, мечтать, чтобы общество было устроено иначе, чем он его находит в действительности; однако истинный патриот и настоящий политик всегда задумывается над тем, как наилучшим образом использовать уже имеющееся в его стране"².

Это стремление французских революционеров разрушить до основания реально существующее общество Бёрк считал результатом влияния просветительской философии. Непримиимо враждебная христианству она, по словам автора "Размышлений", извратила имевшееся у людей представление об окружающей действительности, пробудила ненависть к ней и безрассудное желание полностью изменить весь порядок вещей во имя абстрактного совершенства³. Именно просветительские учения, полагал Бёрк, убедили революционеров в возможности создания нового, прежде невиданного строя на основе принципов, выведенных чисто умозрительным путем. Соответственно, по его мнению, все производимые во Фран-

¹ Ibid. P. 303.

² Ibid. P. 285.

³ Ibid. P. 169-170.

ции преобразования имели целью не столько исправление подлинных недостатков общества, сколько реализацию таких абстрактных принципов, как всеобщее равенство и естественные права человека, — принципов, почтение которых приобрело среди их сторонников форму религиозного фанатизма¹. Подчеркивая чрезвычайно важную, а во многом даже определяющую роль идеологии в событиях, происходивших по другую сторону Ла-Манша, Бёрк характеризовал их термином “философская революция”².

В последующих произведениях Бёрка тема конфликта абстрактных принципов революционной идеологии с реально существующей действительностью также занимала одно из центральных мест. В “Письме члену Нациснального собрания” он отмечал, что во Франции “философские узурпаторы”³, ниспровергая христианские моральные ценности, являвшиеся для многих поколений людей основополагающими ориентирами в отношениях с себе подобными и с обществом в целом, навязывают народу умозрительные принципы этического учения Руссо⁴. Тем самым революционеры пытаются полностью изменить внутреннюю мотивацию человеческой деятельности и одновременно с созданием нового строя сформировать нового индивида⁵.

Однако идеи Руссо — всего лишь плод абстрактного мышления и никоим образом не отражают конкретной ситуации в той стране, где их собрались применять, заявлял Бёрк: “Все его доктрины настолько несовместимы с реальной жизнью и обычаями, что нам даже нечего мечтать об извлечении оттуда какой-либо нормы права или поведения...”⁶ Английский мыслитель, как всегда, твердо придерживался убеждения, что успешной может быть только та

¹ Ibid. P. 278-279.

² Ibid. P. 244.

³ *Burke E. Letter to a Member of the National Assembly (1791).* P. 16.

⁴ Ibid. P. 31-33.

⁵ Ibid. P. 34.

⁶ Ibid. P. 39.

политика, что исходит из учета существующих обстоятельств: “Планы должны создаваться для людей. Нам не надо надеяться на то, что мы сумеем людей переделать или подгоним природу под наши планы”¹. Французы же, по его словам, избрали неверный путь. Их революция как раз и представляет собой попытку привести действительность в соответствие с умозрительными схемами, а потому, предрекал Бёрк, Францию ожидают новые, еще более тяжкие бедствия².

В “Обращении новых вигов к старым” он подчеркивал, что политика, направленная на достижение отвлеченного идеала, неизбежно сопряжена с применением самых радикальных методов. Абстрактная мысль в стремлении к истине не знает пределов, а потому, если люди решат в государственных делах последовать за ней, чтобы, пренебрегая реалиями, бескомпромиссно добиваться абсолютного совершенства, то они окажутся способны дойти до таких крайностей, которые заранее предвидеть просто невозможно, предупреждал Бёрк³.

В “Мыслях о французских делах” он снова отмечал, что уникальность событий в соседней стране во многом определяется доминирующей ролью там идеологии. “Нынешняя революция во Франции, — писал он, — обладает, на мой взгляд, совершенно особым характером и формой, имея мало внешнего или внутреннего сходства с любой из тех чисто политических революций, что до сих пор совершались в Европе. Это — революция доктрины и теоретической догмы”⁴. Единственной аналогией, допустимой, по мнению Бёрка, в данном случае, да и то с оговорками, может быть аналогия с Реформацией: такой же универсализм идей, такой же фанатизм при их осуществлении. Однако в отличие от учений Реформации, идеология Французской революции носит атеистический характер и направлена против всех существующих в мире религий. Ну а

¹ Ibid. P. 54.

² Ibid. P. 54-57.

³ Burke E. An Appeal from the New to the Old Whigs (1791). P. 256-257.

⁴ Burke E. Thoughts on French Affairs (1791). P. 13.

поскольку ее адепты признают теорию прав человека единственно истинной и применимой для всех стран без исключения, они обязательно постараются распространить революцию на соседние государства, что приведет к военному противоборству из-за различия идеологий, не уступающему по ожесточенности религиозным войнам средневековья, предостерегал английский мыслитель¹.

После того, как военные действия все-таки начались и Британия оказалась в них вовлечена, Бёрк настойчиво убеждал сограждан в том, что война эта никоим образом не является подобием прежних межгосударственных конфликтов, как многие из них думали. Речь идет, считал он, прежде всего о глобальном противостоянии непримиримых идеологий: *“Это — религиозная война. Разумеется, кроме данной цели, она служит и другим интересам общества, но все же это — ее главная и определяющая черта. Именно посредством уничтожения религии наши противники предполагают осуществить свои намерения. Французская революция, одновременно и богопротивная, и фанатичная, не имеет иной цели, кроме захвата власти в своей стране и установления мирового господства”*².

В последних работах Бёрка мысль о том, что главная особенность Французской (“философской”³) революции состоит в доминирующей роли идеологии по отношению к политике, звучит особенно настойчиво: *“Мы находимся в войне против системы, которая по сути своей враждебна всем другим правительствам... Мы ведем войну против вооруженной доктрины”*⁴. Еще большее усиление акцента на данном аспекте объясняется тем, что, видя в якобинцах своего рода квинтэссенцию революционного меньшинства, Бёрк считал, что при их господстве (продолжавшемся, по его мнению, и после 9-го термидора) все специфические особенности Французской революции получили особенно яркое выражение. Более того, выше мы отмечали, что фанатичная преданность принципам атеизма, естест-

¹ Ibid. P. 14-19.

² *Burke E. Remarks on the Policy of the Allies...* (1793). P. 174.

³ *Burke E. A Letter to a Noble Lord* (1796). P. 51.

⁴ *Burke E. Letters on the Regicide Peace. Letter 1* (1796). P. 98.

венных прав человека и полного равенства как раз и была, по мнению, Бёрка одной из определяющих черт феномена якобинизма. Именно революционная идеология, полагал английский мыслитель, оказалась главным объединяющим фактором для философов-”литераторов” и ”черни”, образовавших на этой основе сплоченную якобинскую элиту: ”Во Французской революции все внове... Никогда прежде компания литераторов не превращалась в банду грабителей и убийц. Никогда прежде вертеп разбойников и головорезов не пытался внешним видом и речами походить на академию философов”¹.

Рассматривая теоретические представления, в соответствии с которыми создавался новый государственный строй Франции, Бёрк констатировал их утопичность, умозрительность, оторванность от реальной жизни: ”Эти философы — фанатики. Не зависящие ни от какого интереса, действие которого само по себе могло бы сделать их более покладистыми, они с таким неистовым энтузиазмом берутся за самые безнадежные опыты, что готовы принести все человечество в жертву самому незначительному из своих экспериментов”².

Другой характерной особенностью революционной идеологии и диктуемой ею практики Бёрк считал полное отрицание прежнего уклада жизни и стремление к абсолютному разрыву с ним, — разрыву, охватывающему практически все стороны социальной действительности: ”Они откололись от остального мира, и данный раскол распространился почти на все в большом и малом”³. Отсюда — тотальный характер ниспровержения Старого порядка. ”Это, — писал Бёрк, — не смена форм правления. И не победа одной партии над другой. Это — гибель и распад всего общества”⁴.

Разрушенное должно быть воссоздано в якобинской республике в соответствии с идеальными проектами фи-

¹ *Burke E.* A Letter to a Noble Lord (1796). P. 52-53.

² *Ibid.* P. 55.

³ *Burke E.* Letters on the Regicide Peace. Letter 1 (1796). P. 183.

⁴ *Ibid.* P. 190.

лософов. Данной цели, полагал Бёрк, и служат попытки революционного правительства регулировать все без исключения сферы жизни: "Ничто в революции не оставлено на волю случая: ни фраза, ни жест, ни фасон шляпы или тужурка. Все подчинено плану, все определено законом"¹. Особенно активно государство во Франции, отмечал мыслитель, вмешивается в сферу морали, через законы навязывая гражданам новые нравственные ценности.

Он считал, что существовала прямая зависимость между утопическим характером идеологии, рассматриваемой якобинцами как руководство к действию, и широко применяемыми ими методами государственного принуждения. Ниспровергнув Старый порядок, революционеры разрушили те социальные институты, благодаря которым общественные отношения во многом регулировались без непосредственного вмешательства властей самими же гражданами на основе традиций, обычаев и норм нравственности. Ну а поскольку подавляющее большинство народа отнюдь не горело желанием добровольно следовать принципам навязываемой ему философской системы, условием существования нового строя стал тотальный контроль государства за жизнью граждан, подкрепленный мерами революционного насилия. "Для них, — писал Бёрк о якобинцах, — воля, желания, потребности, свобода, труд и кровь индивидов — ничто. Индивидуальности нет места в их системе. Государство превыше всего... Это государство осуществляет свою власть и производит завоевания с одной единственной целью — господствовать над умами при помощи фанатизма (by proselytism) и над телами при помощи оружия"².

Бёрк не раз подчеркивал, что подобная попытка перековать общество по умозрительной схеме оказала губительное воздействие на все стороны социальной жизни Франции, и, в частности, на экономику. Будучи приверженцем свободного рынка, он видел в принятой революционным правительством системе реквизиций, принудительных займов и таксации цен наглядный пример того,

¹ Ibid. P. 172.

² Ibid. Letter 2 (1796). P. 253-254.

как не должно себя вести государство в сфере хозяйственных отношений¹. Вмешавшись в естественный ход экономической жизни, якобинцы лишили людей грехних стимулов к работе и могут поддерживать хоть какое-то производство, лишь опираясь на голое насилие, отмечал Бёрк: "Они конфискуют продукты труда; они конфискуют и самого производителя".²

Правда, английский мыслитель признавал, что подобные методы, абсолютно непригодные для поддержания нормальной жизни страны, в условиях военного времени оказались достаточно эффективными для обеспечения успешных действий многочисленных "Французских армий: "Республика цареубийц при отсутствии доходов, с разрушенными мануфактурами, уничтоженной торговлей, невозделываемыми землями и наполовину обезлюдившей деревней, с недовольным, бедствующим, поработанным и голодающим населением, следуя стремительно и непредсказуемо своим странным путем от дичайшей анархии к жесточайшему деспотизму, сумела завоевать лучшие страны Европы и вдребезги разбить остальные"³. Впрочем, констатируя это, Бёрк высказывал надежду, что при правильной политике английского правительства решающую роль в борьбе двух противоположных систем все же должно сыграть экономическое превосходство Британии⁴.

Заявив, таким образом, еще в 1790 г., что Французская революция имеет уникальное значение прежде всего как первая в мировой истории попытка создать идеальное общественное устройство на основе абстрактных принципов философии, Бёрк в последующих работах не только не отказывался от данного тезиса, но, напротив, рассматривал его как один из ключевых для понимания дальнейшего развития революционного кризиса. Закономерным, по мнению мыслителя, итогом движения революции по тако-

¹ См.: *Burke E. On Scarcity* (1795). P. 399.

² *Burke E. Letters on the Regicide Peace. Letter 2* (1796). P. 254. См. также: *Idem. Remarks on the Policy of the Allies...* (1793). P. 199.

³ *Burke E. Letters on the Regicide Peace. Letter 1* (1796). P. 83.

⁴ *Ibid. Letter 3* (1797). P. 379-414.

му пути стало образование “якобинской республики” — режима, наилучшим образом отвечавшего требованиям умозрительных философских систем, но способного функционировать лишь в условиях государственного террора и тотального контроля властей за всеми сферами общественной жизни .

Говоря в целом о трактовке Эдмундом Бёрком французских событий конца XVIII в., нельзя не заметить, что все основные ее положения были сформулированы еще в “Размышлениях о революции во Франции” (1790), а в дальнейшем лишь дополнялись и развивались. Показательно, что никакие, имевшие позднее место перипетии революционной драмы, не заставили Бёрка что-либо мѣнять в последующих изданиях этой книги, поскольку воспринимались им как убедительное подтверждение высказанных в ней соображений. Уже в первой работе о Французской революции ярко проявились характерные особенности подхода Бёрка к осмыслению данного события, обусловленные, впрочем, всей совокупностью его социально-философских воззрений.

Рассматривая общество как единый организм, все части которого тесно связаны между собой и взаимозависимы, Бёрк в своей интерпретации происходившего во Франции старался охватить максимально широкий круг явлений самого разного порядка. Если внимание его оппонентов, приверженцев рационалистической философии, было приковано преимущественно (хотя, как мы видели, отнюдь не исключительно) к вопросам идеологии и политики, то Бёрк, отдавая должное и этим сюжетам, интересовался также проблемами экономики, общественно-го сознания, социальной психологии.

Считая противоречия внутри общества неотъемлемым элементом его бытия и отражением господствующего во вселенной порядка вещей, Бёрк большое внимание уделял вопросам отношений между различными социальными группами и слоями. Если многие из его соперников по дискуссии видели в происходившем по другую сторону Ла-Манша прежде всего конфликт между “деспотизмом” и “нацией”, то автор “Размышлений” еще в 1790 г. пытался дать социальную характеристику участников революции.

В дальнейшем, наблюдая за развитием ситуации в соседней стране, он в своих работах постоянно фиксировал менявшееся соотношение социальных сил внутри революционного лагеря.

Еще задолго до 1789 г. Бёрк осуждал широко распространенные в век Просвещения иллюзии относительно возможности создать идеальный общественный строй на рациональных началах, чего, кстати, и ожидали от Французской революции его оппоненты. Глубоко убежденный в том, что жизнь общества, так же, как жизнь природы, подчинена данному свыше и не только не зависящему от человеческого разума, но и до конца им не познанному закону, Бёрк весьма скептически относился к способности людей радикально усовершенствовать социальное бытие. Напротив, такая попытка, по его мнению, неизбежно ведет к общественному кризису, чреватому самыми тяжкими последствиями. Эта черта его мировоззрения во многом и обусловила повышенный интерес мыслителя (как, впрочем, и резко критическое отношение) к Французской революции, ставшей первым в мировой истории подобным экспериментом. Естественным его результатом Бёрк считал установление террористического режима "якобинцев", всеевропейскую войну, социальный и экономический кризис Франции.

Таковы основные черты интерпретации английским мыслителем революционных событий во Франции 90-х годов XVIII в. Разумеется, сегодня, имея за плечами двухсотлетний опыт историографии данной темы, легко указывать на некоторые очевидные слабости в предложенном Бёрком подходе к объяснению происшедшего. Например, — на оставлявшее желать лучшего знание подробностей и, соответственно, недостаточное внимание к деталям, что, в частности, выразилось в явной недооценке им степени политических различий между революционными группировками фейянов и якобинцев, жирондистов и монтаньяров, робеспьеристов и термидорианцев. Можно было бы, вслед за современниками Бёрка, пожурить его за "чрезмерно" полемичный тон высказываний о Французской революции, как собственно и поступают отдельные авторы, мало чем в этом отличаясь от самих участников

давней дискуссии¹.

Однако не будем забывать, что сочинения Бёрка носили все же именно публицистический характер, а предъявлять к стилю памфлета такие же требования, как к исторической монографии, думается, едва ли уместно. Что же касается содержательной стороны предложенной им трактовки Французской революции, то по достоинству оценить ее значение можно лишь выяснив, как она соотносится с данными работ историков, профессионально изучавших эту тему.

3. *Идеи Бёрка в историографии Французской революции*

Когда Эдмунд Бёрк, исходя из конкретных задач текущей политики, писал о Французской революции, то он, конечно же, не мог и представить себе, что его сочинения, носившие в значительной степени публицистический характер, окажут влияние на последующую трактовку французских событий авторами исторических исследований. Однако это произошло уже при его жизни.

Выдвинутая им концепция "заговора" как основной причины падения монархии получила своеобразное преломление в многотомном труде "Мемуары по истории якобинизма", написанном в Англии французским эмигрантом, аббатом Огюстеном Баррюэлем (1741-1820)². На рубеже XVIII — XIX вв. эта книга была весьма популярна в Европе³ и даже некоторое время определяла восприятие

¹ См., например: "Реакция Бёрка на Французскую революцию была эмоциональной и истеричной, его объяснение событий — поверхностным и бездоказательным". — *O'Gorman F. Edmund Burke..* P. 140.

² *Barruel A. Mémoires pour servir à l'histoire du jacobinisme.* 4 vols. L., 1797-1798. Далее цитаты приводятся по этому изданию.

³ За сравнительно короткий период ее переиздали едва ли не на всех европейских языках. См., например: *Barruel A. Mémoires pour servir à l'histoire du jacobinisme.* 5 vols. Ausbourg, 1799; *Ibid.* 5 vols. Hambourg, 1800; *Idem.* *Memoirs Illustrating the History of Jacobinism.* 4 vols. L., 1797-1798.; *Idem.* *Memoirs Illustrating the*

Французской революции общественным мнением других стран¹.

Баррюэль еще при Старом порядке прославился критикой философии Просвещения². По прибытии в Англию он вместе с другими эмигрантами побывал в Бэконсфильде и лично засвидетельствовал почтение автору "Размышлений о революции во Франции"³. Судя по одному из писем Баррюэля, в котором он несколько лет спустя напоминал Бёрку об этом знакомстве⁴, в дальнейшем они не поддерживали отношений. что, впрочем, не помешало Бёрку заметить и высоко оценить одну из первых работ этого историка, изданных в Англии⁵. В письме друзьям от 15 сентября 1793 г. Бёрк сообщал: «Есть такая книга, опубликованная аббатом Баррюэлем, которая содержит подробное описание начавшихся репрессий; я совершенно убежден, что ей можно верить. Дошедшие до меня сведения дают

Antichristian Conspiracy. Dublin, 1798; *Idem*. Nachrichten zur Erörterung der Geschichte der Entstehung der Fortschritte und Folgen der Jakobiner un und ausser Frankreich. L., 1802; *Idem*. A Segredo revelado, ou manifestação do systema dos Pedreiros-livres e Illuminados e sua influencia na fatal revolução Franceza. 6 vols. Lisboa, 1810-1812; *Idem*. Hystorya jakobinizmu wuieta z dzieł Xiedza Barruel. Berdyczew., 1812; *Idem*. Memorias para servir a la historia del jacobinismo. 4 vols. Palma, 1813-1814; *Idem*. Memorie per servir alla storia del jacobinismo. Napoli, 1822-1824; Баррюэль О. Волтерианцы, или История о якобинцах, открывающая все противу христианские злоумышления и таинства масонских лож. Ч. 1-12. М., 1805-1806.

¹ См.: Deane S. The French Revolution and Enlightenment in England, 1789-1832. L., 1988. P. 21-27, 31-34; Baldensperger F. Le mouvement des idées dans l'émigration française (1789-1815). Vol. 2. P., 1924. P. 19-20, 24.

² См.: Barruel A. Les Helviennes, ou Lettres provinciales philosophiques. Amsterdam., 1781. Только до революции эта книга выдержала 7 изданий. - Everdell W. R. Complots, coteries, conspirations: l'origines de la "these Barruel" dans le roman apologétique // L'image de la Révolution française. Vol. 3. P., 1989. P. 1883.

³ См.: Ibid. P. 11.

⁴ The Correspondence of Edmund Burke. Vol. 9. 1970. P. 319.

⁵ Barruel A. Histoire du clergé pendant la Révolution française. L., 1793.

основание полагать, что он скорее недоговаривает, чем преувеличивает. Книга называется “История духовенства во время Французской революции” »¹

Намеченная в данном сочинении трактовка причин революционного кризиса получила дальнейшее развитие и подробное обоснование в многотомном труде Баррюэля по истории якобинизма. Взяв на вооружение весьма популярную среди французских эмигрантов² идею Бёрка о существовании в предреволюционной Франции “заговора” атеистов против религии и власти, Баррюэль постарался наполнить этот, высказанный в достаточно общей форме тезис конкретным содержанием. По его словам, всё происшедшее стало результатом хитроумного и коварного замысла: “Во Французской революции всё, включая самые страшные злодеяния, было заранее предусмотрено, обдуманно, спланировано, решено, предписано...”³

Если Бёрк применял понятие “заговор” в весьма широком, едва ли переносном смысле как символ союза между разными социальными группами, объединенными общей целью, то Баррюэль трактовал данный термин буквально, обозначая им вполне конкретные действия реальных лиц, задумавших, по его словам, уничтожить монархию и церковь. Среди “заговорщиков” он выделял три категории. Первая — противники христианской веры. “За много лет до Французской революции люди, назвавшие себя философами, злоумышляли против Бога Евангелия, против всего христианства, не делая различий между протестантами и католиками, между англиканами и пресвитерианами...” — писал Баррюэль⁴. Ко второй категории “заговорщиков” французский аббат относил философов, выступавших против монархической формы правления. Обе группы, заявлял он, заключили между собой союз и, объединившись в масонских ложах, принялись совместно плести тайную интригу. И наконец, в заговор вошли сторонники “анархии” — «те, кто строил козни не только против хрис-

¹ The Correspondence of Edmund Burke. Vol. 7. 1968. P. 426.

² См.: *Baldensperger F.* Op. cit. P. 5-9.

³ *Barruel A. Mémoires...* Vol. 1. P. VIII.

⁴ *Ibid.* P. XV - XVI.

тианства, но и против любой религии вообще, включая естественную религию (*religion naturelle*), не только против королей, но и против любых властей вообще, против гражданского общества в целом и даже против всех видов собственности»¹. К этой категории Баррюэль относил иллюминатов.

Именно такая тройственная коалиция, утверждал он, подготовила и осуществила во Франции революционный переворот, а сама выступила в нем под именем якобинцев. «...Вся Французская революция — не что иное, как следствие обязательств, возложенных данной сектой на своих приверженцев, а именно — результат ее стремления, ее твердого, неизменного и непоколебимого намерения повсеместно уничтожить церковь, трон и общество»².

Избранный автором способ аргументации был достаточно прост: сравнивая принципы законодательства и лозунги революции с идеями Просвещения, и подчеркивая их значительное (по крайней мере внешне) сходство, он считал, что последнее служит убедительным доказательством существования заговора философов. Вот как, например, выглядела его оценка Декларации прав человека и гражданина 1789 г.: «Согласно первому закону, принятому этими законодателями, провозглашалось, что все люди равны и свободны; что всей полнотой суверенитета обладает нация; что закон есть не что иное как выражение общей воли. Еще за полвека до них то же самое заявляли в своих учениях Монтескье, д'Аржансон, Жан-Жак (Руссо — А.Ч.) и Вольтер. Точно так же все софисты в своих Лицеях, все адепты франкмасонства в своих ложах, все иллюминаты в своих притонах сделали подобные принципы гордыни и мятежа основой своих тайных замыслов. Таким образом, все эти разрушительные идеи всего лишь перекочевали из их школ и обществ, открытых и тайных, на первую страницу революционного свода законов»³.

Подобной системой доказательств автор фактически

¹ Ibidem.

² Ibid. Vol. 4. P. 553.

³ Ibid. P. 395-396.

загонял многогранную историческую реальность в жесткие рамки весьма упрощенной схемы, которая, впрочем, придавала его рассуждениям несомненную стройность и логичность. Если же добавить к этому уверенную, пожалуй, даже несколько авторитарную манеру изложения, а также привлечение довольно большого числа источников (в основном — опубликованных сочинений и переписки), то во многом будет понятно, почему выводы Баррюэля первое время воспримались читающей публикой как более чем убедительные. Такое же впечатление данная работа произвела и на Бёрка.

Примерно за два месяца до своей кончины он получил только что вышедший из печати первый том "Мемуаров по истории якобинизма" с письмом автора и, прочитав книгу, ответил ему 1 мая 1797 г. следующим посланием: "Мне нелегко выразить то, насколько познавательным и приятным оказался для меня первый том *Истории якобинизма*. Все это замечательное повествование опирается на документы и свидетельства, приведенные с самой что ни на есть юридической последовательностью и точностью. Ваши размышления и рассуждения перемежаются бесчисленными доказательствами, приводимыми в самых подходящих местах, чтобы направлять чувства читателя и предотвращать возможные возражения. Общая направленность достойна восхищения со всех точек зрения: политической, религиозной и, да будет мне позволено употребить незаслуженно опозоренное слово, философской. Насколько я могу судить о французском языке, это — стиль высшей пробы. Я с нетерпением ожидаю второго тома; но главное из моих пожеланий — чтобы данная работа получила самое широкое распространение во Франции, если сие каким-либо образом осуществимо. Ради этого я был бы готов, по мере возможностей бедного индивида, выступить добровольным подписчиком".

Далее, вспоминая в связи с прочитанным свой давний визит во Францию, Бёрк продолжал: "Я лично знал пятерых из числа ваших главных заговорщиков и осмеливаюсь утверждать, что, по моим точным сведениям, уже в 1773 г., они готовили заговор, столь хорошо вами изображенный, причем делали это именно таким образом и на

таких принципах, как вы столь правдиво описали. Об этом я могу говорить как свидетель”¹.

После смерти Бёрка его послание получило широкую огласку, превратившись тем самым из эпизода частной переписки в факт общественно-политической жизни. 30 ноября 1798 г. оно было напечатано в эмигрантской газете “Paris” известным французским журналистом контрреволюционного толка Жаном Пелтье.² Переводчик Баррюэля Роберт Клиффорд включил выдержки из письма в предисловие английского издания “Мемуаров...”³, а затем полностью опубликовал этот документ во введении к собственной интерпретации, поднятой аббатом темы⁴. Имя Бёрка таким образом оказалось тесно связано с именем Баррюэля, предпринявшего первую попытку исторически обосновать выдвинутую английским мыслителем концепцию “заговора”. Однако свидетельствовало ли это о полном совпадении взглядов двух авторов на французские события?

Не трудно понять чувства Бёрка, который, увидев в труде Баррюэля подтверждение своих мыслей об особой, идеологической природе Французской революции и беспрецедентной социальной опасности феномена якобинизма, поспешил перед смертью поддержать его, как еще одного союзника в идейно-политической борьбе. И все же было бы ошибкой ставить знак тождества между их воззрениями, как делают некоторые авторы⁵. Интерпретация революционных событий Бёрком, несомненно многогранней и глубже. Баррюэль воспринял и абсолютизировал лишь один из ее аспектов, сведя все богатство истории и предыстории революции к подрывной деятельности заговорщиков.

1 The Correspondence of Edmund Burke. Vol. 9. P. 319-320.

2 См.: Baldensperger F. Op. cit. P. 24.

3 Barruel A. Mémoires Illustrating the History of Jacobinism. Vol. 1. P. V.

4 Clifford R. Application of Barruel's **Memoirs of Jacobinism** to the Secret Societies of Ireland and Great Britain. L., 1798. P. II.

5 См.: Paulson R. Representations of Revolution (1789-1820). L., 1983. P. 3.

Приведу лишь один пример, демонстрирующий различие их подходов. Бёрк, резко порицая голый рационализм большинства просветителей, отнюдь не отвергал всю философию Просвещения. Так, он чрезвычайно высоко отзывался о “гении Монтескье”, который, изучая общество, применял исторический метод исследований, а не оперировал далекими от жизни абстракциями¹. Баррюэль же, не вникая в тонкости различных философских теорий, осуждал Просвещение в целом как наглядное проявление “заговора”, а Монтескье, в частности, считал одним из вождей противников монархии².

Не удивительно, что столь упрощенное объяснение революционных событий сделало Баррюэля мишенью для критики со стороны последующих поколений исследователей. Однако едва ли правомерно предъявлять требования современной науки к сочинению более чем двухсотлетней давности. Для своей же эпохи оно стало заметной вехой в становлении консервативной идеологии. Как отмечает английский историк У. Р. Эверделл: “Не считаться с усилиями Баррюэля и его коллег — романистов апологетического (по отношению к католицизму — А.Ч.) направления, значит чрезмерно недооценивать интеллектуальные и организационные способности тех мыслителей XVIII в., что не являлись философами (Просвещения — А.Ч.)”³.

Кроме того, при всех недостатках работы Баррюэля, видимых сегодня и невооруженным глазом, нельзя не воздать ему должное за то, что он привлек внимание позднейших исследователей к темам “Масоны и Просвещение”, “Масоны и Французская революция”. Вызванные его книгой споры продолжались многие десятилетия после смерти самого автора, и даже в первой половине XX в. историки, занимавшиеся данной проблематикой, находили уместным вступить с ним в полемику⁴.

¹ См. например: *Burke E. An Appeal from the New to the Old Whigs* (1791). P. 261-262.

² См.: *Barruel A. Mémoires...* Vol. 2. P. 39-95.

³ *Everdell W. R. Op. cit.* P. 1883.

⁴ См., например: *Mornet D. Les origines intellectuelles de la*

В еще большей степени идеи Бёрка оказали влияние на творчество крупнейшего в XIX в. консервативного историка Французской революции Ипполита Тэна (1828-1893). С сочинениями английского мыслителя Тэн познакомился задолго до того, как приступил к работе над своим фундаментальным трудом "Происхождение современной Франции". Уже в "Истории английской литературы" он посвятил Бёрку несколько прекрасных страниц, выразив свое безмерное восхищение перед тем, кого считал "первым умом своего времени": «Среди всех других он <Бёрк> выделялся широтой мышления, которая, получив развитие благодаря образованию и философским штудиям, наделила его способностью целостного и разностороннего понимания текстов, конституционных актов, цифр, — способностью постигать скрытые причины событий и глубокий смысл вещей... Он хотел сделать так, чтобы человеческое общество опиралось на принципы морали, он требовал благородства в ведении дел и, похоже, считал своим долгом будить и укреплять все те добрые чувства, что скрыты в сердце человека. Он доблестно сражался за это благородное дело против посягательств на него. в Англии — со стороны властей, во Франции — народа, в Индии — частных лиц.»¹ Тэн чрезвычайно высоко ценил заслуги Бёрка и как оратора, и как теоретика: "Исчерпывающее описание системы управления государством, всеобъемлющая история английской Индии, завершенная теория революций и политики — вот что нес с собой полноводный поток красноречия, вышедший из берегов, чтобы обрушиться всей своей несокрушимой мощью и огромной массой на любое преступление, которое хотели бы оставить безнаказанным, на любую несправедливость, которую хотели бы оправдать"².

В "Происхождении современной Франции" Тэн тоже отзывался о Бёрке как "о самом великом теоретике полити-

révolution française. P., 1933. P. 362-386.

¹ Taine H. Histoire de la littérature anglaise. Vol. 3. P., 1866. P. 336-338.

² Ibid. P. 339.

ческой свободы”¹ и, когда считал необходимым, в подтверждение своих доводов ссылался на его мнение. Например, когда констатировал, что деизм и атеизм не получили в Англии широкого распространения, хотя эта страна и была колыбелью просветительской философии². Или, когда цитировал видных английских и американских мыслителей, современников революции, полагавших уже в период работы Учредительного собрания, что французы в своих реформах зашли слишком далеко: «В 1790 г. Бёрк в книге, являвшейся одновременно пророчеством и литературным шедевром, прямо предрек установление в конце революции военной диктатуры и “самого неограниченного деспотизма, который когда-либо существовал под небесами”»³.

Впрочем, близость воззрений Бёрка и Тэна мы можем наблюдать не только там, где ее признает сам французский историк. Нельзя не отметить удивительное сходство взглядов обоих мыслителей на человека и общество, хотя их представления имели совершенно разную философскую основу: Бёрк стоял на позициях христианского провиденциализма, Тэн был приверженцем позитивизма.

Но между ними имело место полное согласие относительно того, что природа человека сложна и противоречива, поскольку в ней, как в капле воды, отражается бесконечное многообразие и противоречивость вселенной в целом. Правда, Бёрк, рассуждая об этой связи естественного и социального, вспоминал об едином Создателе всего сущего, а Тэн ссылался на данные естественнонаучных изысканий. “Какая долгая история животного и растительного мира предшествовала нашей истории, — писал он. — ... И вот, наконец, появился человек, пришедший после

¹ *Taine H. Les origines de la France contemporaine. Pt. 2. La Révolution. T.1. P., 1878. P. 159.* (См. также: *Тэн И. Происхождение современной Франции. Т. 2. М., 1907. С. 91*). Здесь и далее цитаты из сочинения Тэна даны в переводе автора настоящей работы, однако в скобках указаны соответствующие страницы и русского издания.

² *Ibid. Pt. 1. L’Ancien régime. P., 1876. P. 330. (Т./1. С. 354).*

³ *Ibid. Pt. 2. Т. 1. P.159. (Т. 2. С. 91).*

всех, распутившийся, словно последняя почка на верхушке огромного древнего дерева... Так пусть же он не забывает никогда, — если хочет понять собственное бытие, — рассматривая себя, видеть и других своих соседей, расположившихся ниже его, но выросших из того же ствола”¹.

Доказывая противоречивость природы людей, и Бёрк, и Тэн резко критиковали широко распространенную в век Просвещения идею “добротого дикаря”, согласно которой, альтруизм был изначально свойственен человеческой натуре, “испорченной” затем прогрессом цивилизации. Вот только Бёрк порицал одномерность подобных представлений, исходя из диалектики христианского понимания человека, как венца творений Божьих и одновременно носителя первородного греха; а Тэн напоминал о биологическом происхождении людей: “...Даже если еще и нельзя считать точно доказанным, что человек — по крови дальний родственник обезьяны, то во всяком случае очевидно: по своему строению он является животным очень близким к обезьяне, имеющим клыки, плотоядным и хищным, бывшим некогда людоедом, а потом ставшим охотником и воином. Вследствие этого в нем сохраняется неистощимый запас зверства, свирепости, диких и разрушительных инстинктов...”²

Как и Бёрк, Тэн критиковал рационалистические теории просветителей XVIII в. за наивную веру во всемогущество человеческого разума. Интересуясь исключительно интеллектуальной сферой жизни людей, рационалистическая философия, по мнению Тэна, была не способна понять ту “подлинную индивидуальность личности, что на самом деле существует в природе и в истории, а именно — все ее необъятное многообразие, обилие свойств, весь этот цельный организм, состоящий из отдельных черт и особенностей, которые накладываются одна на другую, взаимно связаны и тесно переплетены между собой”³.

Ссылаясь на результаты исследований в области есте-

1 Ibid. Pt. 1. P. 228-229. (T. 1. C. 248).

2 Ibid. P. 315. (C. 335-336).

3 Ibid. P. 257-258. (C. 278).

ственных наук, Тэн подчеркивал весьма ограниченную роль рациональных начал в жизни людей: "То, что мы у человека называем разумом, вовсе не есть врожденное, первичное и постоянное свойство; напротив, это весьма позднее приобретение, весьма сложное и хрупкое. Достаточно иметь минимальные представления о физиологии, чтобы знать: это — состояние неустойчивого равновесия, зависящее от столь же неустойчивого состояния мозга, нервов, крови и желудка. ...Разум не только не присущ человеку от природы, не только не составляет всеобщего явления в человечестве, но, надо также признать, его влияние на поведение человека и человечества весьма ничтожно. ...Истинные хозяева человека — его психический склад, телесные потребности, животный инстинкт, наследственный предрассудок, воображение, преобладающая страсть в целом, а в частности — личный интерес, интерес семьи, касты, партии"¹.

Подобно Бёрку, Тэн считал, что человек может подняться над животным миром и стать собственно личностью только в обществе, которое способствует развитию его интеллекта и накладывает узы на природные инстинкты, сдерживая их разрушительное проявление. "Каждый индивидуум, — писал Тэн, — появляясь на свет, уже состоит должником государства, и по мере взросления долг этот не перестает расти, ибо только благодаря государству, только под покровительством законов и защитой общественной власти, предки человека, а затем его родители могли дать ему жизнь, материальные блага и воспитание. Его способности, мысли, стремления — всю его нравственную и физическую сущность в той или иной степени сформировало общество, хотя бы в качестве воспитателя и хранителя его интересов"².

Однако, по глубокому убеждению историка, и здесь разделяющему мнение Бёрка, общество способно играть роль созидателя и защитника человеческой личности только при условии непрерывности своего развития и сохранении преемственности, благодаря которым и проис-

¹ Ibid. P. 311, 314. (С. 332, 335).

² Ibid. Pt. 2. T. 1. P. 186. (T. 2. С. 106).

ходит медленное, но верное накопление исторического опыта многих поколений, сбережение и преумножение духовных и материальных ценностей. "Нация, — подчеркивал Тэн, — не имеет права произвольно распоряжаться своим достоянием, рисковать им в угоду фантазии, жертвовать им ради испытания теории или во имя интересов одного класса, каким бы многочисленным он ни был. Ведь это общее достояние принадлежит не только нынешнему поколению, а всей совокупности их в прошлом, настоящем и будущем. Каждое поколение является лишь временным распорядителем и хранителем бесценного и славного наследия, которое оно получило от предшественников и должно передать преемникам"¹.

Сокровищницей накопленного за многие века опыта социальной жизни Тэн считал национальные традиции и обычаи, имеющие нередко иррациональную форму. Выше уже было показано, как в защиту предрассудков выступал Бёрк, осуждавший их противопоставление разуму. На той же точке зрения стоял и Тэн: "Наследственный предрассудок — это вид разума, не сознающего себя таковым. ...Когда мы присмотримся к нему поближе, то увидим, что он, как и наука, имеет своим источником долгое накопление опыта: люди путем множества проб и ошибок пришли наконец, к пониманию, что тот или иной способ жить и мыслить единственно пригоден в их ситуации, что он удобнее и полезнее всех остальных, так что какой-либо порядок или какая-либо догма, которые кажутся нам теперь результатом некоего произвольного соглашения, некогда появились как испытанное практикой средство достижения общественного блага. ...В целом, чем более распространен и чем древнее какой-либо обычай, тем более глубоко он обоснован мотивами физиологии, гигиены, общественной безопасности"².

К числу важнейших гарантий естественного развития общества Тэн относил религию. Хотя он не питал к ней такого пиетета, как Бёрк, и рассматривал ее чисто прагматически, тем не менее считал веру в Бога необходи-

¹ Ibid. P. 187. (С. 106)

² Ibid. Pt. 1. P. 270-271. (Т. 1. С. 291-292).

мым компонентом социального бытия: "...Она способна силой своего огромного авторитета помочь совести справиться с врожденным эгоизмом, она может сдерживать безумный порыв диких страстей, направить стремления человека к самоотречению и самопожертвованию, может заставить его, забыв о себе, целиком отдаться делу служения истине и другим людям, породить аскетов и мучеников, сестер милосердия и миссионеров. Таким образом, религия представляет собой чрезвычайно ценный и в то же время естественный элемент каждого общества"¹.

Такие общепhilosophические представления и послужили Тэн методологической основой исследования событий Французской революции. Не имея возможности в рамках данной работы подробно анализировать этот фундаментальный труд, отмечу лишь, что, признавая наличие при Старом порядке острых социальных противоречий, Тэн полагал: сами по себе они не смогли бы вызвать революционных потрясений. Глубина и катастрофический размах кризиса были, по его мнению, обусловлены прежде всего состоянием умов во французском обществе конца XVIII в. С развитием культуры Просвещения Тэн связывал распространение "классического духа", под которым понимал рационалистический взгляд на мир, сопряженный с критикой исторически сложившихся социальных ценностей за то, что они якобы не имеют "разумного" обоснования. Взамен них философы предложили новые, отвечающие требованиям "чистого разума", но по этой же причине совершенно абстрактные и не практически никак не связанные с реальной действительностью. "Следовать при любом научном объяснении с полным доверием, без оглядки и опасения методу математиков: вывести, определить и обособить несколько очень простых и очень широких понятий, а затем, отказавшись от опыта, сравнивать и комбинировать их, чтобы из полученного таким образом искусственного сочетания вывести чисто умозрительным путем все те следствия, которые оттуда вытекают, — вот обычный прием, свойственный классическому духу," — полагал

¹ Ibid. P. 273-274. (С. 294-295).

Тэн¹

По его словам, именно увлечение просвещенных кругов химерами абстрактных теорий и распространяемый модной философией нигилизм в отношении традиционных социальных ценностей лишили правящие сословия способности реально оценивать ситуацию в обществе и привели к утрате ими контроля над многомиллионной массой простого люда: "В этом высшем классе, обезоруженном самою своей гуманностью, не оказывается ни одного политика, свободного от иллюзий и способного действовать; в этом множестве людей с самыми лучшими намерениями и с тонким умом не находится никого, кто мог бы защитить общество от двух врагов всякой свободы и всякого порядка, а именно — от заразы демократических иллюзий, которой подвержены даже самые лучшие головы, и от вторжения грубой силы черни, парализующего самые лучшие законы"².

Собственно содержание Французской революции, согласно Тэну, на первых порах как раз и состояло в параллельном развитии этих двух процессов: "внизу" — полная анархия, разгул самых низменных и разрушительных инстинктов темной массы, в одночасье лишившейся всех сдерживающих начал, "вверху" — совершенно оторванное от реальной жизни законотворчество просвещенных утопистов, еще больше усугубляющее кризис. Впрочем, оставим в стороне описание Тэном "народной анархии", произведенное с привлечением большого фактического материала, впервые введенного им в научный оборот. Отметим лишь, что, несмотря на острый полемический тон работы, иногда в данном отношении граничащей с памфлетом, заслуги Тэна в изучении роли "низов" были признаны даже его идейными оппонентами. Так, П.А.Кропоткин отмечал: «У Тэна история революции является в совершенно ином виде, чем у других историков. Люди, на которых сосредотачивалось внимание прежних историков, у него исчезают. Его книга написана не для возвеличивания Робеспьера, как "История" Луи Блана, не для оправдания

¹ Ibid. P. 262. (С. 283).

² Ibid. P. 524. (С. 554)

Дантона, как художественная история Мишле, — в ней видно, как народ делал революцию». И далее: «После Тэна формальная история революции уже невозможна. Будущая история революции должна быть историей народного движения за этот период»¹. А вот мнение видного историка-марксиста А. Собуля: «Не следует забывать, что Тэн указал направление поисков, которые не могли не принести плодов. Он пролил свет на социальный характер движения секций и показал, чем оно угрожало буржуазии»².

Однако нас сейчас интересуют прежде всего точки соприкосновения в трактовках революции Бёрком и Тэном. А они, пожалуй, как нигде ярко проявились в оценках деятельности входивших в революционный лагерь представителей просвещенных слоев общества. Вслед за английским мыслителем Тэн критиковал большинство мер Национального собрания Франции за чрезмерный радикализм, связанный с желанием преобразовать социальную действительность по умозрительным схемам философов: «...Во всем, что касалось политических институтов и общественного устройства, оно действовало как академия утопистов, а не как состоящее из практиков законодательное учреждение... Преднамеренно оно отказывалось видеть перед собой реального человека и упорно рассматривало его как некое абстрактное существо, созданное авторами книг. Затем с ослеплением и жестокостью хирурга-теоретика оно уничтожило в обществе, превращенном им в лабораторию для испытания своих теорий, не только нарывы и деформации жизненных органов, но и сами эти органы...»³.

Действуя подобным образом, законодатели, по мнению Тэна, разрушили исторически существовавшие социальные связи и вызвали полный распад общества. Страна,

¹ Кропоткин П. А. Тэн о Французской революции // Кропоткин П. А. Великая французская революция 1793-1794. М., 1979. С. 458-460.

² Собуль А. Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры. М., 1966. С. 28.

³ Taine H. Les origines... Pt. 2. T. 1. P. 277. (T. 2. C. 161).

лишившись государственных и социальных институтов, фактически вернулась к состоянию дикости. И тогда в воцарившемся хаосе появилось на свет невиданное прежде явление общественной жизни, которое и определило дальнейшее развитие революции, — якобинизм. “Из такого распавшемся обществе, где народные страсти — единственная реальная сила, власть оказывается у той партии, которая, льстя им, подчиняет их себе. Поэтому наряду с законным правительством, не способным ни умерить их, ни удовлетворить, образуется незаконное правительство, их поощряющее, возбуждающее и направляющее. По мере того, как первое разлагается и слабеет, второе крепнет и консолидируется, пока, наконец, не станет законным, заняв место первого,” — писал историк¹.

Исследованию якобинизма отведено одно из центральных мест в работе Тэна. Необходимо подчеркнуть, что подобно Бёрку, он использует данный термин не просто как название одной из политических “партий”, но придает ему гораздо более широкое социальное, идеологическое и психологическое значение. К числу якобинцев, считал Тэн, принадлежали люди, как правило, не чуждые образования, но по тем или иным причинам — кто по молодости, а кто в силу ограниченных способностей — не преуспевшие в обычной жизни: “врачи без практики, адвокаты без клиентов”, мелкие чиновники, бывшие студенты, представители богемы, однако для всех них был характерен прежде всего определенный склад ума, в котором доминировали догматизм и честолюбие. В условиях обычной жизни подобные качества оставались в зародыше, поскольку существовавшие общественные институты не позволяли найти им применение, зато период краха социальных устоев открыл перед ними широкие возможности для беспрепятственного развития: “Теперь догматический ум и безграничное честолюбие могут преуспеть, поскольку больше нет мешавших им прежних учреждений и способной их обуздать физической силы. Напротив, своими теоретическими декларациями и их применением на практике новый строй приглашает к проявлению этих ка-

¹ Ibid. Т. 2. Р., 1881. Р. 3-4. (Т. 3. С. 1).

честв. Ибо, с одной стороны, конституция провозглашает себя основанной на чистом разуме и выступает с целым рядом отвлеченных принципов, из которых якобы прямо вытекают все ее конкретные предписания... С другой стороны, она фактически делает все власти выборными и передает клубам право контроля над должностными лицами...»¹

Рекрутируя членов своей «партии» из маргинальных слоев общества² и объединяясь вокруг революционных клубов, густой сетью покрывших Францию, якобинцы, указывает Тэн, образовали своего рода государство в государстве: «...Это — конфедерация тысячи двухсот олигархий, управляющих своей клиентелой из числа пролетариев, согласно приказаниям, исходящим из Парижа; это — целое государство, организованное, активно действующее, обладающее центральным правительством, собственной вооруженной силой, своей официальной газетой, регулярной перепиской, открыто провозглашенной политикой, постоянными должностными лицами, местными представителями и агентами»³. Благодаря сплоченности, решительности и беспощадности к противникам якобинцы, составлявшие явное меньшинство по сравнению с другими гражданами, постепенно подчинили себе остальное население страны, которое, отмечает Тэн, ссылаясь на статистику, с 1790 г. стало отходить от активной политики⁴. Конечным же итогом «якобинского завоевания» стало установление диктатуры революционного правительства.

Феномен якобинизма, согласно Тэну, характеризовался прежде всего определяющей ролью утопической идео-

¹ Ibid. P. 13. (С. 7).

² «С одной стороны - люди, мало привязанные своему ремеслу или профессии, поскольку находятся в них на второстепенных или подчиненных ролях; те, кто только приступил к своему делу и пока не преуспел в нем; а также - совсем начинающие, еще не сумевшие устроиться; с другой - все, кто в силу своего характера не имеет прочного положения, все сорванные с места всеобщим переворотом...» - Ibid. P. 35-36. (С. 20).

³ Ibid. P. 184. (С. 93-94).

⁴ Ibid. P. 40-42. (С. 23-24).

логии по отношению к политике. В этом была и слабость, и сила якобинцев: "...Когда возникает необходимость установить постоянные законы, то есть приспособить социальный механизм к характерам, условиям жизни, обстоятельствам, такого склада ум бесполезен и даже вреден как никакой другой, ибо по самой своей сути он близорук... Но когда речь идет о захвате власти или насильственным введении диктатуры, его механическая прямолинейность не только не вредит ему, но, напротив, бывает полезна. Его не останавливает и не смущает, как государственного мужа, необходимость знакомиться с положением вещей, ...он заранее знает, какое правительство законно и какие законы полезны. Строит ли он или разрушает, его действия всегда прямолинейны, быстры и энергичны. Ведь если для выяснения того, что необходимо двадцати шести миллионам французов, требуются долгие размышления, то одного беглого взгляда вполне достаточно, чтобы понять, в чем нуждаются абстрактные, существующие лишь в теории люди"¹.

Олицетворением якобинского режима Тэн считал Робеспьера, представлявшего собой, по его мнению, законченный тип догматика и утописта². Именно Робеспьер дал наиболее развернутое обоснование революционного террора абстрактными принципами "республиканской морали": "Согласно его толкованию, теория делит французов на две категории: с одной стороны — аристократы, фанатики, эгоисты, нравственно испорченные люди, словом, дурные граждане; с другой стороны — патриоты, философы, люди добродетельные, иначе говоря, члены секты. Благодаря такому разграничению, весь необъятный мир моральных и общественных отношений, к которому оно применяется, оказывается определен, описан и выражен

¹ Ibid. P. 22-23. (С. 13).

² "Ни один ум своей посредственностью и никчемностью не соответствовал более духу времени; в отличие от настоящего государственного мужа он витает в безвоздушном пространстве среди абстракций, всегда оседлав какой-либо принцип, от которого не способен оторваться, встав на почву практики." — Ibid. T. 3. 1885. P. 188. (T. 4. С. 98).

одной единственной антитезой. И задача государственной власти становится более чем очевидна: нужно подчинить злых добрым или, что еще проще, уничтожить злых: для этого надо широко использовать конфискации, тюрьмы, ссылки, потопления и гильотину¹.

Якобинский режим, таким образом, воспринимался Тэном прежде всего как власть приверженцев абстрактной рационалистической идеологии, пытавшихся переэкровать по ее меркам исторически сложившуюся социальную реальность². Совпадение в данном отношении его оценок с трактовкой Бёрка заметно невооруженным глазом. На явное сходство их взглядов обратили внимание и некоторые оппоненты Тэна из числа его современников, поставившие ему в вину "вторичность" концепции. Например, Ж.Жорес, процитировав соответствующий отрывок из "Размышлений", заключил: "...Вот первая формулировка того политического и социального натурализма, который Тэн и его ученики противопоставляют мнимому абстрактному идеализму, мнимой метафизике Французской революции. Именно ритор Бёрк оказывается великим изобретателем этой глубокой философии"³.

Действительно взяв за отправную точку для освещения ряда ключевых моментов французской истории XVIII в. некоторые положения трактовки ее Бёрком, Тэн, однако, строил свои выводы на основе изучения обширного фактического материала. Причем его исследование не только в целом отвечало достаточно высоким требованиям исторической науки того времени, но в каких-то отношениях оказалось и впереди ее. В частности, это относится к его изысканиям в области социальной психологии. По признанию одного из крупнейших представителей марксистской историографии Французской революции Ж.Лефевра, именно начиная с Тэна "коллективная психо-

¹ Ibid. Т.2. Р. 31.(Т. 3. С. 18).

² "Так бредут они в течение двенадцати месяцев, подгоняемые теорией и страхом, через кровавое месиво, которое сами устроили и в которое день ото дня погружаются все глубже и глубже..." — Ibid. Т. 3. Р. 244.(Т. 4. С. 122).

³ Жорес Ж. Указ. соч. С. 354.

логия стала для историка необходимым инструментом исследования¹.

В целом же работа Тэна была в свое время крайне враждебно встречена историками либерального и социалистического направлений², из-за чего ее значение и в дальнейшем явно недооценивалось специалистами по Французской революции. И только наметившееся в последние годы идеологическое "охлаждение" историографии данной темы открыло возможность для переосмысления творческого наследия этого автора. Как отмечает современная французская исследовательница М. Озуф, по меньшей мере, две основные идеи Тэна могут иметь хождение и в наши дни. Во-первых, его мысль о том, что демократический эксперимент чреват опасностью превращения общества в конгломерат практически не связанных друг с другом индивидов, которые, спасаясь от охватывающего их чувства одиночества и незащищенности, готовы поддержать любую абстрактную идею, дающую им ощущение единства, даже если за этим следует установление деспотизма. Во-вторых, — понимание того, насколько хрупкими являются достижения цивилизации и как легко они могут быть разрушены из-за убийственного легкомыслия людей. «Хотя эти пророчества были непонятны в 80-е годы XIX в., они оказались поразительными для XX столетия, которому он предрек "перспективу резни и банкротства", "рост межнациональной розни и недоверия", "порочное применение полезных открытий, совершенствование средств уничтожения, откат к эгоизму и зверским инстинктам, к нравам и морали древнего города и варварского племени". Его подозрительное отношение к прогрессу, его предвидение грядущих катастроф, его почти сверхчеловеческая одержимость идеями — все то, из-за чего его не хотели читать век назад, сегодня, напротив, заставляет нас внимательно к нему прислушаться».

¹ *Lefebvre G. La naissance de l'historiographie moderne. P., 1971. P. 247.*

² Например: *Aulard A. Taine historien de la Révolution française. P., 1907.*

ся»¹. Впрочем, нельзя не отметить, что во многом этими идеями французский историк и мыслитель был обязан своему английскому предшественнику. «Долг Тэна перед Бёрком огромен», — констатирует М. Озуф²

* * *

Выдвинутая Бёрком и воспринятая Тэном мысль о том, что одна из ключевых особенностей Французской революции состояла в попытке реализации насильственным путем утопического идеала, получила дальнейшее развитие и обоснование в трудах французского историка консервативного направления Огюстена Кошена (1876-1916)³. И хотя он прямо не ссылался на Бёрка, идеи английского мыслителя нашли отражение в его трактовке революции, возможно, благодаря влиянию Тэна, которого Кошен считал своим непосредственным предшественником и горячо защищал от критики А. Олара⁴.

Впрочем, некоторые места в работах Кошена дают основание предполагать возможность непосредственного влияния на него идей Бёрка. Так, противопоставляя Французскую революцию английской 1688 г., этот историк практически повторял аргументацию автора «Размышлений». По словам Кошена, Славная революция установила «фактическую свободу», отвечавшую реальному положению вещей. Права англичан были гарантированы договором между королем, с одной стороны, купцами и крестьянами — с другой. Такая же «фактическая свобода», полагал он, существовала и во Франции при Старом порядке, причем, по видимому, даже в более широком масштабе, чем в Англии; но «свободы» французов были более разно-

¹ Ozouf M. Taine // A Critical Dictionary of the French Revolution. L., 1989. P. 1020.

² Ibid. P. 1014.

³ Подробнее о нем см.: Чудинов А. В. Огюстен Кошен и его вклад в историографию Великой французской революции // 200 лет Великой французской революции. Французский ежегодник 1987. М., 1989.

⁴ Cochin A. La crise de l'histoire révolutionnaire: Taine et M. Aulard. P., 1909.

лики и многочисленны, ибо у различных городов, сословий, провинций имелись свои права и обязанности: "существовала не одна, а тысячи конституционных хартий", которые основывались на "фактическом положении вещей", на традициях, на частных соглашениях.¹ Мировоззрением, наилучшим образом соответствовавшим этому "реальному обществу", был католицизм².

В отличие от английской революции 1688 г., французская, разрушившая "реальную свободу" Старого порядка не вызывалась насущными потребностями общественной жизни, утверждал Кошен, она — дело рук философов, а не купцов и крестьян, воплощение "абстрактной идеи всеобщей свободы, основанной на принципе, а не на реальном положении дел"³. Согласно концепции этого историка, кризис конца XVIII в. стал прежде всего следствием процессов, происходивших в общественном сознании. Вопросы об экономических предпосылках революционных событий Кошен практически не касался и лишь однажды вскользь заметил, что если у революции и были такие "реальные причины", как неправильно организованный фискальный режим, то они играли некоторую роль лишь на ее начальном этапе, но уж никак не 10 августа 1792 г. или 31 мая 1793 г.⁴

Отвергая теорию "заговора" в интерпретации О. Баррюэля⁵, Кошен, однако, не признавал и стихийного характера революции. По его мнению, подготовка к ней фактически велась на протяжении более 30 лет в "обществах мысли" (*les sociétés de pensée*), к которым он относил масонские ложи, академии, литературные, философские и агрономические кружки, музеи, лицеи и другие просветительские объединения, широко распространенные во Франции XVIII в. Это, отмечал историк, были добровольные ас-

¹ *Cochin A. La Révolution et la libre-pensée. P., 1924. P. 102-103, 124-125.*

² *Ibid. P. 10-11, 58, 281-287.*

³ *Ibid. P. 103-104.*

⁴ *Ibid. P. XXXIII.*

⁵ *Cochin A. Les sociétés de pensée et la démocratie. Etude d'histoire révolutionnaire. P., 1921. P. 92.*

социации, “созданные ради единственной цели — объединить свои познания, мыслить сообща, только из любви к сему искусству и безо всяких практических намерений, совместно искать умозрительную истину из любви к ней”¹. Все такие “общества” отличались демократической структурой и стремлением содействовать развитию рационалистической философии.

Возникновение их Кошен датировал 50-ми годами XVIII столетия. Появившись на свет, “общества мысли” стали быстро распространяться и вскоре густой сетью покрыли всю Францию. Развитие их, по утверждению Кошена, подчинялось объективным социологическим законам, действующим в ассоциациях подобного рода. В “реальной жизни”, писал он, людей объединяет то, что в результате повседневной деятельности, в том числе трудовой, они вырабатывают определенную систему убеждений, которые становятся основой социального согласия, чему пример — христианская религия. “Общества” же, напротив, возникли с целью нахождения истины и создания общей идеологии, т. е. формальное объединение лиц тут появилось раньше, чем сложилась их идейная близость. Этим, по мнению Кошена, и были обусловлены глубокие различия в ценностях “социального мировоззрения” (т. е. мировоззрения членов “обществ”) и “мировоззрения реального”².

Характерной чертой “обществ мысли” Кошен считал полный отказ от “реальной деятельности”. Средством поиска истины для их членов была устная дискуссия, переписка и голосование. Истинным оказывалось то, что большинство членов “общества” таковым признавало. Главным достоинством любой идеи соответственно становилась ее очевидность, доступность для восприятия всеми членами ассоциации. Единственным методом познания было абстрактное, “чистое мышление”. И если в “реальном мире” мысль, по убеждению Кошена, не должна отрываться от таких основополагающих ценностей, как вера, тра-

¹ *Cochin A. La Révolution et la libre-pensée. P.XXXI.*

² *Ibid. P. 8-10.*

диция и опыт¹, то для “чистого мышления” все это не имело никакой значимости: «Не было больше необходимости ни в Боге, ни в короле, ни в заботе о своих делах, потому что можно было развлекаться, предаваясь каждый вечер “философской” беседе, потому что, снимая шляпу при входе в ложу, каждый оставлял свои заботы за дверью, дабы выходя вернуться к ним».² Более того, поскольку всякая связь с реальностью только мешала “чистому мышлению”, все “позитивные понятия” — вера, авторитет, традиция, уважение к власти и т. д. — были объявлены в “обществах” предрассудками³.

Распространение “социального мышления”, по словам Кошена, представляло собой именно то, что обычно называют “прогрессом Просвещения”⁴. Этот процесс вызвал глубокие сдвиги в общественном сознании. “Благодаря ему привилегированные забыли о своих привилегиях; мы могли бы также привести пример ученого, забывшего об опыте, верующего, забывшего о вере” — писал историк⁵. “Философия”, ставя под сомнение разумность прежних моральных ценностей, подрывала реально существовавшие социальные связи, что Кошен определял как “индивидуалистический бунт против всех моральных устоев”⁶.

По его утверждению, члены “обществ” образуют во Франции второй половины XVIII в. целое государство в государстве. Эта “литературная республика”, порожденная “социальным мышлением” и никак не связанная с реальной жизнью, представляет собой некий “мир в облаках”, куда открыт доступ лишь посвященным в тайны философии. Она «имеет свою конституцию, своих магистратов, свой народ, свои почести и свои усобицы. Там тоже (как и

¹ “Каковы бы ни были усилия и стремления разума, моралист без веры, гражданин без традиции, человек без опыта останутся жалкими людьми, подверженными всевозможным ошибкам”. — *Ibid.* P. 20.

² *Ibid.* P. 22.

³ *Ibid.* P. 57-61.

⁴ *Ibid.* P. 27.

⁵ *Ibid.* P. XXXIII.

⁶ *Ibid.* P. 60.

в “реальном мире” — А. Ч.) изучают проблемы политики, экономики и т. д., там рассуждают об агрономии, искусстве, морали, праве. Там дебатировались текущие вопросы, там судят должностных лиц. Одним словом, это маленькое государство — образ большого с одним лишь отличием: оно не является большим и не является реальным»¹. “Мир в облаках” имел свою столицу — масонскую ложу “Великий Восток”², своих законодателей — энциклопедистов, свои парламенты — светские салоны; в каждом городе литературные общества и академии представляли собой “гарнизоны мыслителей”, готовые по приказу из центра выступить против духовенства, двора или литературных оппонентов³.

Жизнь “литературной республики”, считал Кошэн, развивалась в соответствии с объективными социологическими законами и прежде всего — по “закону отбора и вовлечения”, согласно которому, углубление в область философских абстракций имело следствием постепенный отсев тех, кто не мог полностью порвать связь с реальной жизнью. Оставались наиболее способные к существованию в идеальном мире, созданном “чистой мыслью”. Они сплывались все теснее и продолжали свое движение в “мире облаков”⁴. Непосредственным результатом действия этого закона были постоянные “чистки” в “обществах” и “бескровный террор” против инакомыслящих, подвергавшихся травле в литературных кругах⁵.

Кошэн не придавал большого значения расхождениям во взглядах различных философов-просветителей. Гораздо важнее для него было единство применявшегося ими метода, каковой состоял в рационалистическом подходе к социальным проблемам и трактовке их с позиций абстрактного индивида вообще⁶. Квинтэссенцией философии

1 Ibid. P. XXX.

2 Ibid. P. 25.

3 *Cochin A.* Les sociétés de pensée et la démocratie. P. 23-24.

4 *Cochin A.* La Révolution et la libre-pensée. P. 23-24.

5 Ibid. P. XXIX, 71, 172-173.

6 Ibid. P. 108-109; *Idem.* Les sociétés de pensée et la démocratie. P. 20.

Просвещения Кошен, подобно Бёрку и Тэну, считал теорию “общественного договора” Руссо, поскольку видел в ней точную модель “литературной республики”. Абсолютная свобода мнений, равенство всех граждан, принятие решений путем голосования — то есть главные черты политического идеала Руссо уже были реализованы в повседневной практике “философских обществ”, полагал историк: “Граждане Жан-Жака — это не новые люди без предрассудков и традиций, это — обычные, потрепанные жизнью люди, утратившие в искусственном мире обществ и предрассудки, и традиции”¹. Ключевые же принципы доктрины Руссо — свобода и равенство — представляли собой, по мнению Кошена, всего лишь умозрительный идеал, абстракцию, приемлемую только для выдуманного “мира в облаках”, но не для реальной жизни: столкновение с реальностью неминуемо должно было повлечь за собой крах подобной системы².

Французская революция, согласно Кошену, оказалась именно таким столкновением, попыткой воплотить абстракцию в жизнь, попыткой “мира в облаках” завоевать “реальный мир”. В народных и патриотических обществах революционного периода историк видел прямых наследников “обществ мысли”, действовавших по тем же объективным законам. Так, “законом отбора и вовлечения” он объяснял следовавшие одна за другой “чистки” Якобинского клуба (изгнание фейянов, жирондистов, дантонистов и т. д.). В результате их происходил автоматический отбор индивидов, наиболее приспособленных для жизни “обществ” — людей без собственного мнения и личных привязанностей³. Например, Эро де Сешелю, пережившему целый ряд подобных “чисток”, приходилось каждый раз от чего-то отказываться — от происхождения, от славы литератора, от гордости философа, от своих вкусов, склонностей, благ жизни⁴. В результате отбора сложился круг людей, подчинивших себе всю жизнь “обществ”. “Та-

¹ *Cochin A.* La Révolution et la libre-pensée. P. 76-77.

² *Ibid.* P. 118.

³ *Ibid.* P. 190.

⁴ *Ibid.* P. 197.

ким образом, — писал Кошен, — любое эгалитарное сообщество через некоторое время неизбежно оказывается в руках нескольких людей — это действие силы вещей, это не заговор, а закон, который можно назвать законом автоматического отбора”¹.

Впрочем, хотя революция и не была “заговором”, не была она также и делом всей нации, считал Кошен. “Ядро мятежа” составлял “малый народ” — члены “обществ”, массы же выступали лишь в качестве слепого и послушного орудия. Кошен полностью отрицал какую-либо стихийность в действиях народа, утверждая, что все они были задуманы и спровоцированы “обществами”². Революционное меньшинство манипулировало основной массой населения, используя различные способы психологического давления, осуществляя моральный и физический террор. «Можно сказать, что Террор — нормальное состояние “социальной жизни”, — писал Кошен, — целостность “общества” всегда поддерживается только при помощи взаимной слежки и страха, по крайней мере там, где эта политическая форма применяется в реальном мире, выходя из своей естественной среды — мира мысли”³.

Развивая мысль Бёрка и Тэна о тираническом господстве революционного меньшинства над нацией в целом, Кошен предложил даже такую антитезу: пока “Большой народ” воевал на фронтах против австрийцев и англичан, “малый народ” резал заключенных в тюрьмах и гильотинировал неугодных. Соответственно Термидор оценивался Кошеном как восстание “Большого народа” против “малого”, как победа “реального мира” над “миром в облаках”, как возвращение здравого смысла⁴.

Так, используя в своей трактовке Французской революции ряд идей, восходящих к трудам Бёрка и Тэна, Кошен попытался обосновать их методами социологии, которые начал применять в исторических исследованиях

1 Ibid. P. 137.

2 Ibid. P. 189.

3 Ibid. P. 172.

4 Ibid. P. 249-250.

одним из первых среди своих современников¹. Однако из-за ярко выраженной консервативной направленности и более чем критического отношения к революционному наследию его работы получили крайне отрицательные отзывы А. Олара и А. Матьеза, признанных мэтров соответственно либеральной и социалистической историографии Французской революции². Негативные оценки, данные столь авторитетными специалистами, во многом оказались причиной того, что сочинения этого автора в течение полувека находились в тени, практически не привлекая внимания последующих поколений историков.

“Возвращение” Кошена началось после выхода в свет нашумевшей монографии Ф. Фюре “Размышляя о Французской революции”³ (подробнее мы рассмотрим ее ниже). Книга вызвала много откликов⁴. О Кошене заговорили. В конце 70-х годов его основные работы были переизданы⁵. Автор предисловия к одной из них, Ж. Бэсле даже утверждал, что из всех писавших о революционном кризисе конца XVIII в. Кошен ближе всех подошел к правильному ответу на вопрос о его причинах⁶.

Дальнейшее развитие историографии Французской революции, сопровождавшееся вовлечением в научный оборот новых источников и постепенным ослаблением идеологического противоборства, способствовало повы-

¹ Подробнее см.: Чудинов А. В. Огюстен Кошен... С. 226-227.

² Aulard A. La Révolution et la libre pensée, par M. Augustin Cochin // Révolution française. P., 1924. T. 77. N 22. P. 363-364; Mathiez A. Augustin Cochin: La Révolution et la libre-pensée // Annales historiques de la Révolution française. 1925. T. 2. N 8. P. 179.

³ Furet F. Penser la Révolution française. P., 1978.

⁴ См.: Le Roy Ladurie E. Une nouvelle interprétation de la Révolution // Monde. 1979. 12 janv.; Hirsch J. P. Pensons la Révolution française // Annales. E.S.C. 1980. N 2; Годшо Ж. О книге Ф. Фюре // Французский ежегодник 1978. М., 1981; Далин В. М. Историки Франции XIX - XX вв. М., 1981. С. 247-248.

⁵ Cochin A. La Révolution et la libre-pensée. P., 1978. *Idem*. L'esprit du jacobinism. P., 1979.

⁶ Baechler J. Preface // Cochin A. L'esprit du jacobinism. P. 31.

шению интереса к творческому наследию Кошена. Во многом это связано с активной разработкой в последние два десятилетия масонской тематики. Лишь сравнительно недавно ученые получили доступ к архивам масонских лож, которые в свое время были недоступны для Кошена. И хотя результаты новейших исследований далеко не всегда подтверждают отдельные положения его концепции, авторы этих работ тем не менее отдают ему должное за постановку самой проблемы. Так, например, Р. Алеви признает заслугой Кошена то, что он первым обратил внимание на роль масонских лож в развитии новых для XVIII в. демократических форм общения, которые были невозможны в рамках традиционных структур¹.

Кроме того, возросший в наши дни интерес к Кошену обусловлен также все более широким применением междисциплинарных методов исследований и, в частности, развитием исторической социологии, в которой ему принадлежит несомненный приоритет².

* * *

Если влияние работ Бёрка на консервативную историографию XIX — начала XX вв. просматривается достаточно отчетливо, то связь его идей с новейшими интерпретациями Французской революции, получившими в специальной литературе название "ревизионистских", далеко не столь очевидна.

Представители этого научного направления, которое зародилось в середине 50-х годов нашего столетия в Англии и США и снискало затем немало сторонников во Франции и Западной Германии, поставили себе целью критически проанализировать и подвергнуть "ревизии" стереотипы восприятия Французской революции, сложив-

¹ Halévi R. Les loges maçonnique dans la France d'ancien régime aux origines de la sociabilité démocratique. P., 1984. P. 104-105.

² См.: Schrader F. E. La naissance du regard sociologique sur la Révolution française: Augustin Cochin, Albert Mathiez et l'historiographie dans IIIe République // L'image de la Révolution française. Vol. 2. P. 1097.

шиеся в "классической" (т. е. либеральной и социалистической) историографии¹. Не удивительно, что долгое время инициаторы "новых прочтений" революции были объектом острой и, к сожалению, порой не слишком конструктивной (в силу идеологического подтекста) критики со стороны ученых-марксистов, в том числе советских². Лишь со второй половины 80-х годов в нашей историографии постепенно распространяется более объективный подход к реинтерпретации западными коллегами революционных событий во Франции XVIII в.³ Теперь научные достижения "ревизионистского" направления, ставшего ныне одним из ведущих в мировой историографии Французской революции, достаточно широко признаны и нашей наукой⁴. И хо-

¹ Подробнее о понятиях "классическая" и "ревизионистская" историография см.: *Собуль А.* Классическая историография Французской революции. О нынешних спорах // Французский ежегодник. 1976. М., 1978.

² См.: *Манфред А. З.* О некоторых спорных и нерешенных вопросах историографии Великой французской революции (1976) // *Манфред А. З.* Великая французская революция. М., 1983; *Он же.* Некоторые тенденции зарубежной историографии (1976) // Там же; *Соколова М. Н.* Современная французская историография. М., 1979; *Она же.* Наши современники - зарубежные историки Великой французской революции // Новая и новейшая история. 1987. № 4; *Афанасьев Ю. Н.* Историзм против эклектики: французская историческая школа "Анналов" в современной буржуазной историографии. М., 1980; *Далин В. М.* Историки Франции XIX - XX вв. С. 171-257.

³ Уже в 1986 г. *А. В. Адо* писал: "Было бы неверно считать, что в этих работах не привлечено внимания к некоторым действительно сложным и важным проблемам французской истории той эпохи". (*Адо А. В.* Великая французская революция и ее современные критики // Буржуазные революции XVII-XIX вв. в современной зарубежной историографии. М., 1986. С. 109).

⁴ Важной вехой в становлении нового отношения отечественных исследователей к "ревизионистской" историографии стал "круглый стол", проведенный в Москве 19-20 сентября 1988 г. См.: *Актуальные проблемы изучения истории Великой французской революции.* М., 1989; *Чудинов А. В.* Назревшие проблемы изучения Великой французской революции (по материалам "круглого стола") // Новая и новейшая история. 1989.

тя ему уже посвящен ряд серьезных исследований¹, все же вопрос о его исторических корнях пока остается вне поля зрения ученых.

Возможно, это в какой-то мере обусловлено неоднократно повторявшейся в выступлениях "ревизионистов" мыслью, что их трактовки революции — принципиально новое слово в науке, своего рода "иконоборческий" поход против устаревших догм². Подчеркивая, что считают своей задачей дать революционным событиям чисто научное, свободное от политических пристрастий объяснение, они не раз критиковали историков предшествующих поколений за чрезмерную идеологизацию данной темы. О необходимости ее "охлаждения" и очищения от идеологического подтекста говорил, например, крупнейший французский исследователь—"ревизионист" Ф. Фюре³, причем это его требование было направлено не только против марксистской трактовки, но и против той части консервативной историографии, что отвергает всякое позитивное значение социально-политических потрясений конца XVIII в. Чтобы понять революцию, отмечал Фюре, ее надо принять хотя бы до определенной степени⁴.

Призыв к научной объективности, к деполитизации истории часто встречается в работах и других сторонников реинтерпретации⁵. Соответственно, сочинения консервативных авторов, резко порицавших революционные изме-

№ 2.

¹ См.; например: *Блуменау С.Ф.* "Ревизионистское" направление в современной французской историографии Великой буржуазной революции конца XVIII в. Брянск, 1992; *Он же.* От социально-экономической истории к проблематике массового сознания. Французская историография революции конца XVIII в. (1945-1993). Брянск, 1995.

² *Chaussinand-Nogaret G.* La noblesse au XVIII siècle. P., 1976. P. 7-8; *Doyle W.* Origins of the French Revolution. Oxford, 1980. P. 19, 40.

³ *Furet F.* Penser la Révolution française. P. 24.

⁴ *Ibid.* P. 116.

⁵ *Cobban A.* The Social Interpretation of the French Revolution. Cambridge, 1964. P. 10-11; *Roberts J. M.* Op. cit. P. 146-149; *Doyle W.* Origins... P. 10-40.

нения, порой критиковались “ревизионистами” за недостаточную научность. Инициатор подобной “ревизии” и одновременно блестящий знаток творчества Бёрка, А. Коббен так писал о его главной работе: «Как литературное произведение, как политическая теория, как все, что угодно, но только не как исторический труд, его “Размышления” прекрасны»¹.

Однако попробуем отвлечься от расхождений в описании конкретных фактов, где Бёрк, конечно же, заметно уступает историкам второй половины XIX столетия, обладающим гораздо более широким кругом источников и вооруженным новейшими методами исследования. Попробуем сопоставить взгляды Бёрка и авторов “новых прочтений” революции на концептуальном уровне объяснения ее событий. Тем более, что некоторые исследователи уже обращали внимание на определенную близость воззрений английского мыслителя XVIII в. и современных “ревизионистов”. Так, И. Р. Кристи, дабы показать, насколько Бёрк опередил свою эпоху, поставил его сочинения в один ряд с трудами А. Коббена и Ф. Фюре², а составители уже упоминавшейся выше хрестоматии “Французская революция: соперничающие интерпретации” поместили в ней выдержки из “Размышлений” вместе с отрывками из работ “ревизионистов”³.

Одна из общих черт всех “новейших прочтений” революции — тезис о больших потенциальных возможностях Старого порядка Франции к прогрессивному развитию. По мнению большинства реинтерпретаторов, он отнюдь не препятствовал быстрому экономическому росту, как традиционно утверждала “классическая” историография. Более того, уже при Старом порядке были заложены основы позитивных преобразований, которые обычно было принято ставить в заслугу революции. В знаменитой лекции 1954 г. “Миф о французской революции” Коббен поставил под сомнение вывод “классической” историографии о том, что революционные потрясения XVIII в. вызывались необ-

¹ Cobban A. Aspects of the French Revolution. L., 1968. P. 32.

² Christie I. R. Stress and Stability... P. 174.

³ The French Revolution: Conflicting Interpretations. P. 67-72.

ходимостью устранить препоны для капиталистического развития экономики. Подобной необходимости, считал он, ни в коей мере не было, поскольку богатые горожане процветали во Франции и безо всякой революции¹. В последующих работах Коббен также подчеркивал: абсолютизм отнюдь не мешал быстрому увеличению богатства торговых и промышленных слоев общества². Если революция и сыграла здесь сколько-нибудь положительную роль, то только потому, что "революционное законодательство в вопросах экономики лишь продолжило начатое Старым порядком", — полагал английский историк³.

Это мнение в той или иной степени разделяется и другими "ревизионистами". Наиболее крайнюю позицию здесь занял американский исследователь Дж. В. Тэйлор, который, доказывая, что между собственностью представителей "среднего класса" и дворянства не существовало практически никаких различий, ибо те и другие обладали как "традиционными" (земельная собственность, сеньориальные права, покупаемые должности), так и "коммерческими" видами богатства, приходил практически к полному отрицанию экономических и социальных причин революции⁴. Столь радикальная точка зрения, отмечает английский историк-"ревизионист" У. Дойл, не завоевала большой популярности, так как подавляющее большинство сторонников "новых прочтений" признает определенную роль социальных (но не экономических) факторов в развитии революционного кризиса, хотя и расходится с марксистами в определении их⁵.

Например, Дж. М. Робертс, заявляя о невозможности дать исчерпывающее объяснение событиям конца XVIII в. в рамках одной лишь политики⁶, тем не менее отвергает тезис "классической" историографии об экономической

¹ Cobban A. Aspects... P. 99.

² Cobban A. The Social Interpretation... P. 59.

³ Ibid. P. 62-63.

⁴ Taylor G. V. Noncapitalist Wealth and the Origins of the French Revolution // American Historical Review. 1967. Vol. 72. N 2. P. 490.

⁵ Doyle W. Origins... P. 24.

⁶ Roberts J. M. Op. cit. P. 3.

обусловленности революционных потрясений. Старый порядок, считает он, открывал широкие возможности для капиталистического развития, ибо королевское правительство заботилось об устранении пережитков средневековья в экономике; революция же не принесла в этой области ничего нового и лишь продолжила уже начатую работу¹.

У. Дойл занял в вопросе о причинах революционных событий позицию, на первый взгляд отличную от представленных выше. Он полагал, что к концу 80-х годов XVIII в. Старый порядок во Франции находился в состоянии тяжелого кризиса. Однако, по мнению автора, это был прежде всего кризис политической системы, причем для разрешения его не требовалось каких-либо крайних мер, ибо абсолютная монархия умерла еще в августе 1788 г. из-за внутренних противоречий². Соответственно, утверждает Дойл, приходя к тому же выводу, что и другие "ревизионисты", для Французской революции не было объективных причин социально-экономического характера³.

Ф. Фюре и Д. Рише в совместной работе указывали, что Франция в XVIII в. вполне могла избежать социально-политических потрясений, так как Старый порядок имел все предпосылки для бесконфликтного развития. Просвещенная элита была готова к проведению прогрессивных реформ или, иными словами, "мирной революции"⁴. В последующих трудах Фюре также подчеркивал, что революция не являлась исторической необходимостью⁵ и не детерминировалась экономическими факторами⁶. "Далекая от состояния застоя французская экономика XVIII в. процветала и знала темпы роста, сравнимые с английскими", — отмечал он⁷.

Итак, поскольку Старый порядок открывал широкие

¹ Ibid. P. 86-87, 90, 113.

² Doyle W. *Origins...* P. 43, 114-115.

³ Ibid. P. 158.

⁴ Furet F., Richet D. *La Révolution*. P., 1965. T. 1. P. 78.

⁵ Furet F. *Penser...* P. 40-41.

⁶ Ibid. P. 129-135, 163.

⁷ Ibid. P. 158.

возможности для мирного совершенствования, никакой нужды в его ниспровержении не было, утверждают сторонники новейших реинтерпретаций. Но, как было показано в предыдущей главе, такой же точки зрения придерживался и Эдмунд Бёрк, неизменно доказывавший, ссылаясь на быстрое экономическое развитие Франции, жизнеспособность ее дореволюционного строя. Отмечал Бёрк и способность Старого порядка к самосовершенствованию путем мирных реформ, что на его взгляд полностью исключало необходимость революционного свержения прежнего режима.

Любопытно, что мнение Бёрка, относительно катастрофических последствий революционного кризиса для французской экономики, также находит подтверждение в работах современных историков-"ревизионистов", полагающих, что революция не только не ускорила прогрессивное развитие Франции, но, напротив, затормозила его, вызвав продолжительный спад производства. А. Коббен, например, утверждал, что революция и последовавшие за ней войны до такой степени разрушили французскую внешнюю торговлю, что лишь после 1825 г. она наконец смогла вернуться на уровень 1788 г.¹ Столь же негативно, по его словам, революционное десятилетие сказалось и на французской промышленности². "Вместо ускорения роста новой капиталистической экономики, — писал Коббен, — революция, очевидно, даже задержала его"³. Полностью согласен с ним и У. Дойл: "Революция подорвала хозяйственную жизнь и вызвала гибель французской торговли"⁴. Впрочем, мысль о том, что события 1789-1799 гг. имели для экономики Франции крайне негативные последствия разделяют не только сторонники "ревизии". Встречается она и в работах специалистов по экономической истории⁵.

¹ Cobban A. The Social Interpretation... P. 73-74.

² Ibid. P. 75.

³ Ibid. P. 79.

⁴ Doyle W. The Ancien Regime. L., 1986. P. 49.

⁵ См., например: Levy-Leboyer M. Les banques européennes et l'industrialisation internationale dans la première moitié du XIX siècle. P.,

Отрицая наличие объективных, в частности экономических, причин Французской революции, Бёрк, как мы помним, искал ее истоки прежде всего в сфере субъективной деятельности людей, развивая концепцию “заговора финансистов и литераторов”. В то же время английский мыслитель детально проанализировал социальные предпосылки, способствовавшие, на его взгляд, успеху “заговорщиков”. Так, в “Размышлениях” он довольно подробно осветил конфликт “денежного” и “земельного” интересов, во многом определивший антимоноархическую позицию “средних классов”. Позднее на эту часть его работы некоторые авторы стали ссылаться в подтверждение принятого “классической” историографией тезиса о том, что основной причиной революции были противоречия между буржуазией и дворянством¹.

Разумеется, подобная трактовка означала явное упрощение и модернизацию подлинных взглядов Бёрка. Однако она в значительной степени и обусловила скептическое отношение историков-“ревизионистов” к его концепции причин Французской революции. Дело в том, что несмотря на все частные различия в новейших реинтерпретациях, их авторы отвергают предложенное “классической” историографией определение Французской революции как “буржуазной”. А. Коббен, ставя под сомнение эту дефиницию, одновременно оспаривал идею Бёрка о противоречиях “земельного” и “денежного” интересов, заявляя, что “денежные люди” процветали при Старом порядке и не хотели его уничтожения². Руководящей силой антиабсолютистского движения, утверждал Коббен, выступали чиновники королевской администрации и лица свободных профессий — социальные группы, приходившие в упадок по мере усиления капиталистических тенденций во французском обществе³. Подобная социальная база

1964. P. 29; *Caron F. Histoire économique de la France XIX—XX siècle*. P., 1981. P. 13-17.

¹ См., например: *Жорес Ж. Указ. соч.* С. 361-362.

² *Cobban A. Aspects...* P. 99-100.

³ *Ibid.* P. 106; *Cobban A. The Social Interpretation...* P. 59-61, 84-86.

революции обусловила ее консервативный, “антикапиталистический” характер, отмечал английский историк¹. Дж. В. Тэйлор также отрицал наличие капиталистических элементов в составе руководства революционного лагеря².

Американский историк Э. Л. Эйзенштейн, критикуя положение о буржуазном характере революции, писала: “Ранний единый фронт против королевской власти отличался размытым классовым делением”³. По ее словам, антиабсолютистская партия возглавлялась “свободным союзом” представителей просвещенной аристократии, духовенства, литераторов и лиц свободных профессий; на местах главную роль играла не “предпринимательская буржуазия”, а юристы и сельские священники⁴. Дж.М.Робертс предложил для определения ведущего в революции класса вместо термина “буржуазия” использовать другой, более широкий — “нотабли”, ибо возглавлявшие движение чиновники и юристы “не были буржуазией в классическом марксистском понимании слова, так как не являлись собственниками промышленного или коммерческого капитала”⁵. Это же мнение в целом разделяет и У. Дойл, доказывающий, что в результате революции господствующей социальной группой стала не “буржуазия”, а “нотабли” — богатая и просвещенная элита земельных собственников⁶. Ф.Фюре предостерегает против смешения “финансистов” Старого порядка с “предпринимательской буржуазией”. “Финансисты”, подчеркивает он, не являлись монолитной социальной группой, а включали в себя широкий спектр представителей аристократии и третьего сословия. Они не только не занимались предпринимательством, но были даже враждебны ему⁷. “Буржуазная революция” в марк-

1 Cobban A. *The Social Interpretation...* P. 170-172.

2 Taylor G. V. *Op. cit.* P. 495.

3 Eisenstein E. L. *Who Intervened in 1788? A Commentary on The Coming of the French Revolution // American Historical Review.* 1965. Vol. 71. N 1. P. 82.

4 Ibid. P. 94.

5 Roberts J. M. *Op. cit.* P. 101.

6 Doyle W. *Origins...* P. 208; *Idem.* *The Ancien Regime.* P. 48-49.

7 Furet F. *Penser...* P. 136-137.

систском понимании — это, по мнению Фюре, “метафизический монстр”¹.

Несмотря на критическое отношение ряда историков-“ревизионистов” к предложенной Бёрком концепции причин Французской революции², его трактовка данной проблемы в действительности весьма близка к их собственной. Во-первых, говоря о вступивших в заговор “финансистах”, он отнюдь не сводил эту достаточно широкую категорию к тому, что “классическая” (и прежде всего марксистская) историография будет позднее понимать под термином “буржуазия”. Во-вторых, он, как мы видели, отнюдь не ограничивал движущие силы революции одними лишь “финансистами” (“средним классом”), а, напротив, отмечал ослабление их роли по мере развития революционных событий. И наконец, в написанных после “Размышлений” работах он особо подчеркивал, что данный общественный слой выступил против Старого порядка прежде всего по причинам идеологического и политического характера, а вовсе не из-за экономического или социального притеснения.

Кстати, сами авторы реинтерпретаций во многом продолжают заложенную Бёрком традицию объяснять события 1789-1799 гг. преимущественно идеологическими и политическими причинами. Если основоположник “ревизии” А. Коббен еще допускал определенную роль экономических факторов (разорение чиновничества, например) в возникновении революционного кризиса (за что его иногда критиковали другие “ревизионисты”³), то его последователи отказались от этой «уступки» “классической” историографии. По мнению У. Дойла, “начиная с весны 1789 г., силы, толкавшие Францию к революции, были

¹ Ibid. P. 161.

² Cobban A. Edmund Burke... P. 120; *Idem*. Aspects... P. 33, 46; Doyle W. The Ancien Regime. P. 7.

³ Так, Н. Хэмпсон критиковал Коббена за то, что тот предложил всего лишь “немарксистскую экономическую интерпретацию революции”. — *Hampson N. The Social Interpretation of the French Revolution*, by A. Cobban // *Irish Historical Studies*. 1964. Vol. 14. N 54. P. 192.

почти полностью политическими”¹. Важное значение в вы­зревании революции имели, по его словам, такие чисто субъективные моменты, как личные качества монарха и министров, не сумевших сломить оппозицию парламентов и провести реформы, способные предотвратить катастрофу².

Еще большее внимание субъективному фактору уделяла Э.Л.Эйзенштейн, видевшая в антиабсолютистском движении 1788-1789 гг. результат деятельности узкого круга выдающихся личностей — просвещенных аристократов и литераторов. Возражая Ж. Лефевру, утверждавшему: “Ни один из этих людей (Лафайет, Сийес, Мирабо — А.Ч.) не мог олицетворять собой Революцию 1789 г., которая была общим делом третьего сословия”³, Эйзенштейн писала: “То, о чем здесь идет речь, не было общим делом одного маркиза, одного аббата и одного графа, это было общим делом Сийеса, Мирабо, Лафайета, а также — Талейрана, Кондорсе, Адриена Дюпора, Эро де Сешеля, Лепелетье де Сен-Фаржо, герцога Эгийона, Ларошфуко-Лианкура, Лаборда, Тарже, Вольнея, Мунье и т.д. В той степени, в какой революция, происшедшая в 1789 г., может быть персонифицирована или олицетворена, это должна сделать данная группа людей”⁴.

Таким образом, мысль Бёрка о том, что революция имела прежде всего чисто субъективные причины нашла, как видим, отражение в трудах сторонников новейших реинтерпретаций. Однако наибольшее, на мой взгляд, влияние его идеи оказали на трактовку ряда ключевых моментов революции известным французским историком Ф. Фюре. Правда, это влияние, похоже, носит не прямой характер, а, по-видимому, опосредовано уже рассмотренными нами выше работами О. Кошена.

Как мы уже отмечали, долгое время предложенная Кошеном концепция “мира в облаках” не встречала поддержки среди специалистов по Французской революции.

¹ Doyle W. *Origins...* P. 158.

² *Ibid.* P. 53-54, 77.

³ Lefebvre G. *Quatre-vingt-neuf*. P., 1939. P. 79.

⁴ Eisenstein E. L. *Op. cit.* P. 99-100.

А. Коббэн, например, констатировал, что "работа Кошена, приписывавшая революцию интригам партии заговорщиков, не пользовалась большим успехом"¹. Однако в 1978 г. Ф.Фюре заявил, что этот несправедливо забытый историк единственный, помимо А. Токвиля, предложил "точную трактовку Французской революции"². По словам Фюре, мысли Кошена "и шестьдесят лет спустя все еще сохраняют свою новизну"³.

Сам Фюре принял и реинтерпретировал ряд ключевых идей Кошена, берущих, впрочем, свое начало еще от Бёрка. Согласно Фюре, события во Франции XVIII в. имели чисто политическое содержание и не могут быть подвергнуты причинному анализу в рамках экономических и социальных противоречий⁴. Истоки революции, считает он, надо искать в соперничестве "элит" французского общества, стремившихся к установлению новых форм государственности взамен никога уже не удовлетворявшей абсолютной монархии⁵. Главным результатом революционного десятилетия, по мнению Фюре, стало отнюдь не создание предпосылок для капиталистического развития экономики⁶, а выработка при помощи особого вида сознания — "революционного" — новых коллективных представлений о государстве, обеспечивших консенсус "элит" и социокультурную интеграцию нации⁷. Для объяснения феномена революции Фюре предложил обратиться к чисто политическому анализу, для чего необходимо, по его словам, во-первых, отказаться от рассмотрения "революционного сознания" в качестве "естественного продукта" угнетения и недовольства, а, во-вторых, найти объяснение "этому странному порождению философии"⁸.

Революционное сознание Фюре определяет именно

1 *Cobban A. Aspects...* P. 259.

2 *Furet F. Penser...* P. 9-10.

3 *Ibid.* P. 47.

4 *Ibid.* P. 40.

5 *Ibid.* P. 151-152.

6 *Ibid.* P. 41.

7 *Ibid.* P. 108, 135, 152.

8 *Ibid.* P. 45.

как результат развития философии. Абсолютизм, пишет он, отнял у подданных их традиционные права, существовавшие в форме привилегий отдельных областей, городов, местечек, сословий, лиц и т.д. и охватывавшие тем или иным образом практически все население страны. Тогда взамен "истинных свобод" французы изобрели абстрактные. Философы стали выразителями настроений общества. "Лишенная возможности спорить об управлении, людях и вещах, Франция обратилась к дискуссии о целях и ценностях, как единственному содержанию, единственной основе общественной активности"¹. Общество, отмечает Фюре, интересовалось не фактами, а абстрактными правами, принимало во внимание не подлинное соотношение интересов, а теоретические принципы, изучало не реальную систему власти и ее действие, а умозрительные ценности и цели². Соответственно, революция была не проявлением классовой борьбы, как утверждают историки-марксисты, а соперничеством между группами людей, отстаивавшими различные варианты сугубо теоретических представлений о государстве и законности³.

Предложенная Фюре интерпретация, как нетрудно убедиться, имеет большое сходство с концепцией "мира в облаках" Кошена и тезисом Бёрка об "интриге" философов, подрывавших традиционные общественные ценности ради замены их абстрактными. Характерно, что предложив несколько лет спустя на одном из коллоквиумов собственную трактовку "Размышлений" Бёрка, Фюре обратил особое внимание на идею их автора о противоречии реальных ценностей Старого порядка и абстрактных, провозглашенных революцией⁴.

Мысль о присутствии в политике революционных властей, по меньшей мере в якобинский период, ярко выраженной тенденции к практической реализации некоего умозрительного идеала, утопии, высказывалась Фюре и

¹ Ibid. P. 58.

² Ibidem.

³ Ibid. P. 73-76.

⁴ Furet F. Burke, ou la fin d'une seule histoire de l'Europe // Les résistances à la Révolution. P., 1987. P. 356-359.

последующих работах. Так, в монографии "Революция: от Тюрго до Жюлья Ферри. 1770-1880" он утверждает, что политика монтаньяров в значительной степени определялась идеологическими догмами, абстракциями, лишенными реального содержания. Следствием этого было превращение с конца 1793 г. террора в целенаправленно применяемое государством средство перехода к совершенному состоянию общества посредством "очищения" нации от морально несовершенных индивидов¹. Главным идеологом данной программы Фюре признает Робеспьера, который в своих речах доказывал «неизбежность обновления людей через добродетель, через установление Республики истинных граждан. Но это воспитание нации в 1794 г. осуществлялось посредством террора, не ограниченного писанными законами и имевшего целью выполнение моральной миссии — разделить "добрых" и "злых"»². В своем стремлении реализовать "утопию социальной гармонии, соответствующую требованиям природы", робеспьеристы не могли рассчитывать на поддержку сколько-нибудь значительной части общества и опирались исключительно на репрессивный аппарат, на "многочисленную террористическую бюрократию, управлявшую при помощи арестов и устрашения"³.

* * *

¹ *Furet F.* La Révolution: De Turgot à Jules Ferri. 1770-1880 P., 1988. P.143-147.

² *Ibid.* P. 154.

³ *Ibid.* P. 154-155.

Как видим, даже не будучи профессиональным исследователем, Бёрк предложил такую трактовку Французской революции, ключевые положения которой в дальнейшем составили концептуальную основу работ ряда крупных историков консервативного направления. Испытав в той или иной степени влияние предложенной Бёрком интерпретации событий конца XVIII в., Баррюэль, Тэн и Кошен, каждый по-своему, доказывали правомерность ее принципов результатами собственных исследований, проведенных с применением передовых для того времени научных методов. Правда, подобная констатация, хотя и раскрывает некоторые особенности развития данного направления историографии, все же еще не дает достаточного представления о научной ценности идей Бёрка. Ведь позитивное значение разработки проблем Французской революции консервативными историками до недавних пор по идеологическим причинам едва ли не полностью отрицалось "классической историографией". Оно само по себе еще нуждается в объективном осмыслении, которое пока только начинается.

Зато тесное соприкосновение, а в ряде случаев и совпадение концептуальных установок интерпретации революционного процесса Бёрком и современными исследователями-"ревизионистами", которые пытаются преодолеть последствия идеологического противостояния в данной отрасли исторической науки, является, на мой взгляд, убедительным свидетельством того, что избранная английским мыслителем методология объяснения Французской революции позволила ему поставить такие проблемы и наметить такие пути их разрешения, которые вплоть до наших дней не утратили своей познавательной ценности.

Глава II. Джеймс Макинтош (1765-1832)

Удивительно порою складывается судьба идей после смерти их автора. При жизни Дж.Макинтош считался одним из крупнейших историков, философов и юристов своего времени. Участие в дискуссии о Французской революции принесло ему широчайшую известность, а его исторический труд "Иск галлов" был признан в просвещенных кругах Европы наиболее убедительным ответом Бёрку. Последующие его сочинения также неизменно вызывали живой интерес и бурную полемику. Такие известные мыслители, как С.Кольридж и Дж.Милль, посвятили критике взглядов Макинтоша специальные работы. А вот Ж. де Сталь и Б. Констан его произведениями восхищались, знали о них также императоры Наполеон I и Александр I, короли Луи-Филипп и Георг IV. Будучи уже в молодости удостоен почетного звания гражданина революционной Франции, Макинтош позднее получил от английской короны рыцарский титул. Царь приглашал его в Россию составлять Свод законов империи, а лорд Грей включил в состав своего правительства, осуществившего "третью английскую революцию" — парламентскую реформу 1832 г. Но это все было при жизни...

После смерти о Макинтоше и его трудах почти забыли. Рядом с огромным количеством исследований о Бёрке литература, посвященная одному из главных его оппонентов, выглядит весьма скромно. Историки не балуют вниманием этого героя минувших дней. Если его идеи и привлекают внимание кого-либо из них, то, как правило, не столько содержанием, сколько особенностью своей эволюции. Имя Макинтоша стало едва ли не нарицательным при рассуждениях о том, что с развитием Французской революции отношение к ней ее бывших приверженцев в Англии изменилось на прямо противоположное. Правда, среди исследователей нет единства мнений относительно степени подобной перемены во взглядах Макинтоша. Уже в первой половине прошлого столетия на этот счет высказывались разные точки зрения.

В 1834 г., через два года после смерти Макинтоша, в свет вышла его двухтомная "История революции в Англии 1688 г."¹, предварявшаяся биографическим очерком об нем. Своего имени автор предисловия не назвал; но согласно британскому "Словарю национальной биографии", им был некий У. Уоллес² (W. Wallace). По его утверждению, Макинтош всю жизнь чуждался политической борьбы и партийных разногласий, будучи заинтересован лишь в том, чтобы "без конфликтов и споров вносить свою лепту в развитие литературы"³. Отмечая популярность "Искагаллов" в английском обществе начала 90-х годов XVIII в., Уоллес, однако, полагал, что эта работа Макинтоша не отличалась глубиной⁴ и представляла собой "результат кратковременной вспышки энтузиазма, в целом чуждого его природе"⁵. По словам автора очерка, выступления Макинтоша в поддержку Французской революции носили чисто конъюнктурный характер, что стало очевидно, когда он в конце 90-х годов перешел на сторону тори⁶. Впрочем, Уоллес не мог отрицать полевления взглядов своего героя в 20-е годы XIX в., но также объяснял это чисто меркантильными соображениями, а именно — желанием получить место в правительстве. "На закате жизни люди не приходят к убеждению в необходимости дать права народу и не проникаются неукротимым духом демократии, — утверждал первый биограф Макинтоша. — Мнение, которое человек имел, а затем отверг, всегда рассматривается им впоследствии с некоторым отвращением"⁷.

С критикой концепции Уоллеса в 1835 г. выступил известный вигский историк Т. Б. Маколей, являвшийся не

¹ *Mackintosh J. History of the Revolution in England in 1688.* P., 1834.

² *The Dictionary of National Biography.* Vol. 12. L., Oxford, 1949-50. P. 623. См. также: *Deane S. Op. cit.* P. 186.

³ *Notice of the Life, Writings and Speeches of Sir James Mackintosh // Mackintosh J. History of the Revolution in England in 1688.* P. 1. (Далее - Notice).

⁴ *Ibid.* P. 7-8.

⁵ *Ibid.* P. 33.

⁶ *Ibid.* P. 20-21.

⁷ *Ibid.* P. 160.

только соратником Макинтоша по партии, но в некотором смысле и его преемником в историографии¹. Он написал специальный очерк, где доказывал, что поправление взглядов Макинтоша в 1795-1803 гг. носило временный и ограниченный характер, являясь лишь слабым отражением общей эволюции настроений в либеральных кругах Англии и Европы в целом. "Перемена, которая произошла в его уме, была переменной, происшедшей в уме почти каждого умного и хорошего человека в Европе. Но в сущности немногие из его современников изменились так мало. Он колебался во мнениях, но крайние точки колебаний были не очень удалены одна от другой, чем он выгодно отличался от некоторых своих современников"². Относительно взглядов Макинтоша в последние годы его жизни, Маколей полагал, что они "были средними между теми, которые он защищал против Бёрка, и теми, к которым он склонялся в самые мрачные годы истории"³.

Во второй половине XIX в. имя Макинтоша уже довольно редко встречалось на страницах трудов английских историков. Касаясь дискуссии о Французской революции в Англии конца XVIII столетия, они писали прежде всего о Бёрке, чья исполинская фигура заслоняла для них его оппонентов. По мнению, например, И. Д. Трайля, «*Vindiciae Gallicae* ("Иск галлов" — А. Ч.) еще и теперь можно читать с удовольствием; оно пользовалось бы еще большей репутацией, если бы не вызывало постоянно сравнений с замечательным сочинением, на которое оно было ответом. При всех достоинствах произведения читатель невольно вспоминает, что оно написано тем всесторонним человеком, которого пристрастные друзья считали чудом, а по-

¹ При написании своих знаменитых трудов об английской революции Маколей использовал не только ряд концептуальных идей Макинтоша, но и обработанные им источники. После смерти сэра Джеймса его семья передала Маколею 50 томов копий документов XVII в. - результат многолетней работы Макинтоша в британских и зарубежных архивах. - *Thompson J. W. A History of Historical Writing. Vol. 2. N.Y., 1942. P. 299.*

² Маколей Т. Б. Джеймс Макинтош // Маколей Т. Б. Полное собрание сочинений. Т. 2. СПб., 1861. С. 327.

³ Там же. С. 329.

томство совершенно забыло»¹.

В данной связи характерно то, что автор "Конституционной истории Англии" Т. Е. Мэй, рассказывая об идейно-политической борьбе на рубеже XVIII-XIX вв., об "Иске галлов" вообще не упомянул, высоко оценив, однако, "Речь в защиту Ж. Пелтье" (1803) — главное произведение Макинтоша в период наибольшего попрашения его взглядов².

В начале нашего столетия в британской историографии заметно возрос интерес к политическому аспекту дискуссии конца XVIII в. о Французской революции, однако значение этих дебатов для общественной мысли пока оставалось в тени. Констатация несомненных достоинств трудов Бёрка по-прежнему служила оправданием недостаточного внимания к идеям его оппонентов. У. Хант, например, отмечал: «Макинтош в "Иске галлов", написанном отточенным стилем, раскрыл позицию вигов, симпатизирующих революции. Но ничто не могло помешать влиянию работы Бёрка»³. Правда, по мнению Х. У. Мейкла, в Шотландии сочинения Макинтоша все же пользовались значительным авторитетом среди сторонников демократических реформ, но и отмечая это, он тоже не касался существа взглядов мыслителя⁴.

Наибольшее внимание к идеям автора "Иска галлов" в тот период проявили французские исследователи. Э. Алеви, рассмотрев его философские взгляды, отметил, что они отражали особенности становления либеральной

¹ Трайль И. Д. Общественная жизнь Англии. Т. 5. М., 1898. С. 394.

² May T. E. The Constitutional History of England since the accession of George the Third. 1760-1860. Vol. 2. L., 1875. P. 333.

³ Hunt W. The History of England from the Accession of George III to the Close of Pitt's First Administration (1760-1801). N.Y., 1969. (1st ed. - 1905). P.328-329. См. также: Brown Ph. Op. cit. 3rd ed. N.Y., 1965. P. 42; Veitch G. S. Op. cit. 2nd ed. N.Y., 1965. P. 165, 169-171. Подобная точка зрения высказывалась и в книге дореволюционного российского историка Яценко А. Политические учения в Англии в XVIII веке и в начале XIX века. М., 1912.

⁴ Meikle H. W. Scotland and the French Revolution. Glasgow, 1912. P. 59-60, 71.

идеологии на основе принципов Просвещения и сочетали в себе элементы теории естественных прав и утилитаризма¹.

Ж. Жорес, весьма критически относившийся к Бёрку и старавшийся подчеркнуть достоинства трудов его соперников, утверждал, что Макинтош, отстаивая в "Иске галлов" интересы прогрессивного класса — буржуазии, сумел лучше Бёрка понять многие стороны Французской революции².

В последующие десятилетия с появлением новых обобщающих трудов по истории общественной и, в частности, исторической мысли Англии конца XVIII — начала XIX вв. подобная оценка "Иска галлов" встречала как поддержку, так и критику со стороны других авторов. Известный российский историк Французской революции Н.И.Кареев тоже выделял из всех ответов на "Размышления" Бёрка работу Макинтоша как "самую замечательную по основательности и силе аргументации"³. Кареев полагал, что "Макинтош выступает в своей книге в гораздо большей мере историком, ищущим причины событий, нежели Бёрк, являющийся обличителем революции"⁴. Близкую к этой точку зрения несколько позднее высказывал и Е.В.Тарле⁵. Зато другой видный специалист по данному периоду, уже не раз выше упоминавшийся А.Коббен не считал возможным рассматривать "Иск галлов" в качестве исторического исследования и утверждал, что Макинтош "подобно большинству критиков Бёрка был столь же слабо знаком с фактами, как и сам Бёрк"⁶.

Не было единства мнений среди исследователей и по вопросу о политическом содержании идей "Иска галлов". Если одни авторы обобщающих трудов видели в этом про-

¹ Halévy E. The Growth of Philosophic Radicalism. L., 1928. P. 181-186. Французское издание книги вышло в 1901 г.

² Жорес Ж. Указ. соч. С. 368-378.

³ Кареев Н. И. Французские историки первой половины XIX века. Л., 1924. С. 51.

⁴ Там же. С. 52-53.

⁵ См.: Тарле Е. В. Указ. соч. С. 751-752.

⁶ Cobban A. Introduction. P. 11.

изведении отражение позиции левых вигов¹, то другие причисляли Макинтоша к таким радикалам, как Т. Пейн, Т. Спенс, М. Уолстонкрафт и даже У. Годвин².

Но если о первом сочинении Макинтоша и высказывались столь противоречивые оценки, то относительно дальнейшей эволюции взглядов мыслителя существовало почти полное единодушие. В научной литературе широко распространена точка зрения, высказанная в свое время У. Уоллесом, а именно, что с развитием революционных событий Макинтош полностью отказался от идей "Иска галлов" и полностью признал правоту Бёрка³. Пожалуй, только американский историк Ч. А. Гудрич, отмечая общее поправление идейно-политической позиции Макинтоша в конце 90-х годов XVIII в., подчеркивал, что даже в тот период его воззрения существенно отличались от взглядов Бёрка: "Макинтош отвергал точку зрения Бёрка относительно войны против Франции; эту войну он открыто осуждал, несмотря на все доводы Бёрка; имелись у них разногласия и по ряду других вопросов"⁴. Обратил внимание этот автор и на то, что в 1812-1832 гг. Макинтош остался верен либеральным принципам⁵.

Как правило же, подавляющее большинство названных авторов вообще не упоминало об идейной эволюции мыслителя после 1803 г. Пожалуй, лишь У. Ф. Холл отмечал, что в первой четверти XIX в. Макинтош, будучи членом парламента, "отважно сопротивлялася реакционной политике правительства"⁶.

¹ См.: *Harrison W. Op. cit.* P. 133

² См.: *Hall W. Ph. Op. cit.* P. 97; *Dickinson H. T. Op. cit.* P. 240-243, 250-251, 263-264; *Christie I. R. Wars and Revolutions.* P. 209-210.

³ *Hall W. Ph. Op. cit.* P. 99; *Brown Ph. Op. cit.* 3rd ed. P. 177; *Dechamps J. Les Iles Britanniques et la Révolution française (1789-1803).* Bruxelles, 1949. P. 189; *Cobban A. Introduction.* P. 92; *Dickinson H. T. Op. cit.* P. 283; *Christie I. R. Wars and Revolutions.* P. 224; *Idem. Stress and Stability.* P. 174; *Мортон А. Л., Тейт Дж. История английского рабочего движения.* М., 1959. С. 36.

⁴ *Goodrich Ch. Select British Eloquence.* N.Y., 1963. P. 823.

⁵ *Ibid.* P. 825-826.

⁶ *Hall W. Ph. Op. cit.* P. 99.

Специальные работы о творчестве Макинтоша начали появляться лишь с 70-х годов нашего столетия. Так, приняты первые попытки более подробно осветить роль автора "Иска галлов" в борьбе левых вигов и радикалов за парламентскую реформу¹. С. Дин исследовал идейную эволюцию Макинтоша в конце 90-х годов XVIII в. и отношение к ней его современников². О растущем интересе к взглядам и личности данного мыслителя свидетельствует также выход в свет его популярной биографии³, написанной, правда, не профессиональным историком, а журналистом и, к сожалению, не имеющей научного аппарата.

Однако в целом идейное наследие Дж. Макинтоша и, в частности, его исторические воззрения, все еще остаются одной из малоисследованных тем истории английской общественной мысли.

1. "Иск галлов"

Джеймс Макинтош родился 24 октября 1765 г. в местечке Олдоури на берегу озера Лох-Несс. Его отец, мелкий шотландский дворянин, всю жизнь проведший в военных походах и дослужившийся до чина капитана, мог обеспечить семье лишь очень скромное существование. Из-за недостатка средств Джеймс по окончании колледжа не сумел, как ему хотелось, заняться изучением права или книготорговлей. Он поступил на медицинский факультет Эдинбургского университета и блестяще закончил его в 1787 г. Весной следующего года он прибыл в Лондон с надеждой получить выгодное место врача. Но вскоре, по-

¹ *Christian W. James Mackintosh, Burke, and the Cause of Reform // Eighteenth-Century Studies. Vol. 7. 1973-1974; McKenzie L. A. The French Revolution and English Parliamentary Reform: James Mackintosh and the Vindiciae Gallicae // Ibid. Vol. 14. 1981; Boulton J. T. James Mackintosh: Vindiciae Gallicae // Renaissance and Modern Studies. Vol. 21. 1977.*

² *Deane S. Op. cit. Ch. 3. Mackintosh and France: The Age of Anxiety.*

³ *O'Leary P. Sir James Mackintosh: The Whig Cicero. Aberdeen, 1989.*

сле неудачной попытки отправиться в Санкт-Петербург, чтобы там обзавестись врачебной практикой, Макинтош оставил медицину ради политической публицистики.

В первом своем памфлете, посвященном злободневной тогда теме умопомешательства короля Георга III, Макинтош выступил на стороне вигов, доказывая необходимость установления регентства принца Уэльского, друга Ч.Дж.Фокса и Э. Бёрка. Дебют на новом поприще не принес ему ни славы, ни денег. Правда, принц Уэльский лично поблагодарил его за оказанную услугу... двадцать с лишним лет спустя¹.

Осенью 1789 г. Макинтош с молодой женой уехал в путешествие на континент. До конца года они жили в Брюсселе, где Макинтош изучал французский язык и с интересом наблюдал за развитием революций в Бельгии и соседней Франции. Вернувшись в Англию, он опробовал свои силы в журналистике, опубликовав в газете "Oracle" ряд статей о событиях по другую сторону Ла-Манша. Тогда же он вступил в радикальное "Общество распространения знаний о конституции" и активно помогал в организации предвыборной компании одного из его лидеров Дж. Горн Тука, боровшегося за место в парламенте от Вестминстера против самого Фокса. В 1791 г. Макинтош принял участие в дискуссии о Французской революции, опубликовав объемистый памфлет "Иск галлов".

Книга увидела свет в апреле, когда читающая публика уже ознакомилась практически со всеми наиболее известными ответами Бёрку. И все же новое произведение сразу привлекло всеобщее внимание тем, насколько солидно была обоснована документальным материалом аргументация молодого автора. Только в подстрочных примечаниях "Иска галлов" упоминались следующие источники: Послание короля о созыве Генеральных штатов и Распоряжение об исполнении этого Послания от 24 января 1789 г.; список депутатов Генеральных штатов в приложении к газете "Journal de Paris" от 31 мая 1789 г.; протоколы заседаний Национального собрания 27-29 октября и 22 декабря 1789 г.; материалы расследования уголовным

¹ The Life of J. Mackintosh. Vol. 1. P. 52.

судом Шатле событий 5 и 6 октября 1789 г.; Декрет о новом административном делении Франции; письмо Ш.А.Калонна королю от 9 февраля 1789 г.; доклад Ж. Неккера на Королевском совете 11 сентября 1789 г.; "Обращение к французам" епископа Отенского 11 февраля 1790 г.; "Доклад Национальному собранию о населении Франции, сделанный Бирон де ла Туром, механиком и географом короля" (1790); выступления в Национальном собрании Т.Ж.Лалли-Толандаля 31 августа 1789 г. и аббата Ж.С.Мори 1 октября 1790 г., газеты "Journal de Paris" № 301 и "Révolution de Paris" № 17. Макинтош также неоднократно ссылаясь на произведения Ш.Л.Монтескье, Вольтера, Ж.Ж.Руссо, А.Р.Тюрго, Д.Юма, Э.Гиббона, Р.Прайса, Ж.А.Кондорсе, Ш.А.Калонна и, конечно, самого Э.Бёрка. Автор "Иска галлов" явно использовал еще более широкий круг источников, но даже те, что уже перечислены, заставляют усомниться в правомерности мнения о том, что он был слабо осведомлен относительно ситуации во Франции.

Напротив, все аргументы автора "Иска галлов" строилась в основном на результатах анализа исторического опыта этой страны, что существенно отличало его точку зрения от трактовок революции другими оппонентами Бёрка, оперировавшими прежде всего такими абстрактными категориями, как "права человека", "общественный договор" и т. д. И хотя Макинтош также применял в своих рассуждениях эти понятия просветительской философии, они играли в его объяснении революционных событий подчиненную роль по сравнению с данными исторического исследования.

Именно в истории Франции Макинтош пытался найти ответ на вопрос о причинах происшедшего и доводы против предложенной Бёрком концепции "заговора", которую автор "Иска галлов" решительно отвергал. "Во Французской революции, — утверждал он, — все должно быть приписано причинам общего характера, воздействующим на весь народ, и почти ничего — замыслам и влиянию отдельных лиц"¹. Важнейшим из таких факторов общего

¹ *Mackintosh J. Vindiciae Gallicae// Mackintosh J. The Miscella-*

действия Макинтош считал неспособность абсолютистской монархии (в его определении — “деспотизма”) эффективно управлять страной.

В те далекие времена, когда французская государственность только формировалась, народ, по словам Макинтоша, имел возможность выражать свои интересы и участвовать в управлении через “шумные собрания диких воинов”, позднее, в средние века, — через Генеральные штаты. Однако, когда феодальная аристократия пришла в упадок, а “торговля еще не подняла значение класса горожан”, короли, лишившись таким образом соперников, постепенно сосредоточили в своих руках всю власть, сделав ее абсолютной¹. Основными опорами абсолютной монархии стали три “аристократические корпорации”: дворянство шпаги, дворянство мантии и духовенство².

По мнению Макинтоша, неэффективность абсолютистской формы правления стала особенно очевидна в царствование Людовика XIV. При нем, а затем и при его преемниках “Франция разорялась равно как от поражений в одной войне, так и от побед в другой; она стонала под тяжестью налогов и государственного долга, но от их бремени было также трудно избавиться, как и продолжать нести дальше”³. Столь разорительная для государства политика поставила монархию на грань банкротства, вынудив искать поддержку общества путем созыва Генеральных штатов.

Впрочем, Макинтош, похоже, отнюдь не считал кризис финансов непосредственной причиной революции. Скорее, он рассматривал угрозу банкротства как важную, но все же лишь предпосылку, благоприятный фон для действия собственно причин, каковые, подобно другим оппонентам Бёрка, да и самому Бёрку тоже, Макинтош искал прежде всего в сфере идеологии — в состоянии “общественного мнения”, “общественного сознания”. Их готовность к революционным переменам автор “Иска галлов”

neous Works. P. 413. См. также: P. 407, 424.

¹ Ibid. P. 407.

² Ibid. P. 415-416, 421.

³ Ibid. P. 407.

ставил в заслугу просветителям, “снявшим оковы с общественного сознания и освободившим его. К их числу относятся все те Локки, Руссо, Тюрго и Франклины, что явили собой бессмертную плеяду наставников и благодетелей человечества. Они бесшумно совершили громадную моральную революцию, которой суждено было в положенный срок привести к улучшению общественного строя. Им предстояло свергнуть тиранов более сильных, чем короли, — тиранов, которым короли обязаны своей властью. Они с триумфом вырвали скипетр у Суверения и выкорчевали Предраассудок. Они уничтожили арсенал, где деспотизм хранил свои молнии и оковы. Их великий философский подвиг должен был расчистить путь реформам гражданского управления. Колосс тирании был подрыв и удар булыжника свалил его”¹.

Особенно важную роль в подготовке революции, полагал Макинтош, сыграло французское Просвещение². Вместе с тем, он выражал категорическое несогласие с мыслью Бёрка о непосредственной связи между “войной” философов против религии и последующим крушением Старого порядка: «Не имеет значения, что думали эти философы о предметах отвлеченных и мистических. В политической революции их надо рассматривать как политических мыслителей, а не как атеистов или деистов. Все их произведения по метафизике и теологии не имеют к вопросу не малейшего отношения. Если Руссо оказал какое-либо влияние на приближение революции, то сделал это своим “Общественным договором”, а не “Письмами с горы”. Если Вольтер внес вклад в распространение свободомыслия во Франции, то не “Философским словарем”, а выступлениями в защиту терпимости. Осуждение их атеизма, если он имел место, относится к ним лично, а не к революции, так как это событие нельзя было ускорить или задержать умозрительными рассуждениями по проблемам теологии. Обвинение их в заговоре, имевшем целью уничтожение христианства, — это одна из самых сумасбродных фантазий, когда-либо созданных человеческим вообра-

¹ Ibid. P. 454.

² Ibid. P. 410.

жением»¹.

После того, как идеи просветителей стали, благодаря прессе, достоянием народа, дни "деспотизма", утверждал Макинтош, были сочтены. Финансовый кризис и неудачные попытки правительства из него выбраться еще больше способствовали росту "общественной активности". Преобразования стали неизбежными.

Полемизируя с Бёрком, говорившим о возможности устранить недостатки прежнего строя посредством реформ, Макинтош доказывал преимущества революционной ломки. "Небольшая реформа, — писал он, — отвлекает и успокаивает людей; энтузиазм народа угасает и время для эффективного преобразования оказывается безвозвратно упущенным. Ни одно сколько-нибудь значительное усовершенствование политических институтов никогда не происходило в период спокойствия. Тщетно надеяться на изменения в эту пору, так как корыстный интерес правителей силен, а глас народа слаб. Если возбуждение общественного сознания проходит без результата, то глупо ожидать от безразличия того, чего не добился энтузиазм... Постепенные реформы, вытекающие из основного принципа теории Бёрка, осуждены опытом истории. Все преимущества, все элементы свободы, которые только можно найти в государственном строе любой страны, являются результатом революции; все же последующее развитие знаменуется лишь накоплением недостатков"².

Защищая таким образом наиболее радикальные методы преобразования общества, Макинтош, однако, считал необходимым ограничить сферу их применения исключительно областью политики. Подобный подход он обосновывал следующей трактовкой "естественных прав": от природы все люди равны между собой и, став членами общества, сохраняют равные права на управление им. Впрочем, естественноправовая аргументация тут же дополняется утилитаристской: участие народа в управлении необходимо для наиболее эффективного осуществления властью своих функций, иначе говоря, "политическое не-

¹ Ibid. P. 426.

² Ibid. P. 421.

равенство не совместимо ни с принципами естественного права, ни с задачами гражданских институтов"¹.

В то же время Макинтош полагал недопустимым стремление к равенству в той сфере, где оно было бы просто пагубным для общества, а именно — в области социально-экономических отношений. Имущественное неравенство, по его глубокому убеждению, необходимо, поскольку лишь собственность способна стимулировать людей к труду, который "даже если бы не был источником средств существования, нужен для счастья человека"². Право собственности автор "Иска галлов" признавал "одной из основ гражданского общества"³.

При этом он в полной мере понимал остроту социальных противоречий, вызываемых имущественным неравенством, и считал их гораздо более глубокими, нежели все политические противоречия: "Представители высшего слоя общества, зовутся ли они дворянами, епископами, судьями или же владельцами земли и торгового капитала, всегда были объединены общностью взглядов, намного более значимой, чем небольшие противоречия, порождаемые различиями их интересов. Несмотря на мелкие конфликты между владельцами церковной и светской, торговой и земельной собственности, все они одинаково заинтересованы в сохранении того высокого места, которое отведено им при существующем строе. И в прошлом, и в будущем — всегда — деление на богатых и бедных было и будет в цивилизованном обществе более важным, чем все остальные"⁴.

Однако такое состояние общества Макинтош рассматривал как неизбежное: "законы должны позволять собственности расти, ибо это — ее неотъемлемое свойство"⁵. Недопустимым он признавал лишь такое положение, когда имущественное неравенство дополняется политическим: "Законы... не могут уравнивать людей. Но разве долж-

1 Ibid. P. 437.

2 Ibid. P. 415.

3 Ibid. P. 419.

4 Ibid. P. 445.

5 Ibid. P. 429.

ны они из-за этого усугублять неравенство, исправить которое не в силах?"¹

Соответственно, основное содержание Французской революции автор "Иска галлов" видел в преобразовании политического строя. Важнейшими из происшедших к тому времени революционных событий он считал не взятие Бастилии или подчинение короля воле Национального собрания, а прежде всего "политическую революцию", включавшую в себя, по его словам, три ключевых момента: признание королем права Генеральных штатов утверждать законы, объединение представителей трех сословий в Национальное собрание и деятельность последнего по созданию новой конституции².

Более того, Макинтош полагал, что в 1791 г. революция уже близка к завершению, которое, по его расчетам, должно было совпасть с окончанием работы над конституцией. Главным же результатом происшедшего он признавал ниспровержение абсолютизма и уничтожение его социальной опоры посредством ликвидации сословных привилегий трех "ужасных корпораций": дворянства, духовенства и судейской аристократии³.

Слияние трех палат Генеральных штатов в единое Национальное собрание, "добровольный"⁴ отказ дворянства и духовенства от налоговых привилегий, введение декретом от 22 декабря 1789 г. равных избирательных прав для граждан всех сословий и, наконец, отмена титулов декретом от 19 июня 1790 г. привели, по мнению Макинтоша, к полному уничтожению дворянской корпорации⁵. Характерно, что об отмене Национальным собранием сеньориальных прав на знаменитом заседании 4 августа 1789 г. он упоминал лишь вскользь, видимо, не придавая данному факту большого значения, ибо тот плохо вписывался в

1 Ibid. P. 415.

2 Ibid. P. 406.

3 Ibid. P. 420.

4 "Они сделали вид, что передают в дар то, от чего их вскоре заставили бы отказаться, как от незаконно присвоенного". — Ibid. P. 416.

5 Ibid. P. 416-417.

концепцию “политической революции”.

Даже национализацию церковных имуществ Макинтош рассматривал как чисто политическую меру. По его словам, церковные земли никогда не являлись собственностью духовенства, а были предоставлены ему государством во временное держание в качестве платы за службу. Соответственно изъятие светской властью земельных владений у церкви и перевод духовенства на денежное содержание означали, по словам автора “Иска галлов”, всего лишь замену одного вида жалования другим. Причем данная мера, полагал он, была весьма полезна, поскольку подорвала корпоративный характер духовенства, поставив его в большую зависимость от государства¹.

Упростив процедуру судебного разбирательства, создав институт присяжных и упразднив “варварскую” юриспруденцию, Национальное собрание подорвало основу могущества третьей “аристократической” корпорации — судейской, утверждал Макинтош². На этом, по его убеждению, разрушительная миссия революции закончилась. Любопытно, что в тот момент подобного же мнения придерживались и многие депутаты Национального собрания. М. Робеспьер, например, писал другу в начале 1790 г.: “Власть духовенства сломлена декретом, предоставляющим церковные имущества в распоряжение нации. На следующий день был издан закон, повелевающий членам парламента продлить свои вакации, что является залогом их уничтожения, таким образом наибольшее зло как будто исчезло, благодаря голосу представителей нации”³.

Позитивный итог революции Макинтош видел в создании “наиболее совершенного в истории человечества” общественного строя. Если Бёрк предупреждал о катастрофических последствиях попытки реализовать во Франции чисто умозрительную схему государственного устройства, то автор “Иска галлов” как истый приверженец просветительского рационализма, напротив, считал теоретическую основу французской конституции ее великим преиму-

¹ Ibid. P. 417-420.

² Ibid. P. 420.

³ Переписка Робеспьера. Л., 1929. С. 63.

ществом. Все другие государства, кроме США, сложились стихийно, подчеркивал Макинтош, французы же сознательно возводят новый государственный строй, согласно заветам великих философов Просвещения, на фундаменте естественных прав, о чем прямо было заявлено в Декларации прав человека и гражданина¹. Сформировавшуюся в ходе революции государственную систему Франции Макинтош определял как подлинное народовластие, хотя и не считал возможным отождествлять ее с демократией в "историческом смысле слова", поскольку в демократических государствах античности "чернь устанавливала законы, судила и обладала исполнительной властью", а во Франции, наоборот, имеет место разделение властей и народ участвует в управлении через представительные органы².

Макинтош расценивал как наиболее оптимальные из возможных практически все политические реформы, проведенные Национальным собранием, а особенно — радикальное преобразование системы государственных органов и введение нового территориального устройства страны. Критиковал он, как "бессмысленную узурпацию" прав народа лишь деление граждан на "пассивных" и "активных", видя в нем нарушение принципа всеобщего политического равенства и полагая, что "жизнь и свобода более священны, чем собственность, а право выбирать — единственное средство защитить их"³. Интересно, что в данном отношении Макинтош, который обычно придерживался утилитаристского критерия полезности, оказался даже большим ревнителем чистоты принципа естественного права, чем сам Т. Пейн, чья аргументация по сравнению с доводами других участников дискуссии имела, пожалуй, наиболее ярко выраженный естественноправовой характер. В этом же вопросе именно Пейн оперировал критерием целесообразности и, опираясь на свой богатый политический опыт, доказывал преимущества француз-

¹ *Mackintosh J. Vindiciae Gallicae // Mackintosh J. The Miscellaneous Works.* P. 422-423.

² *Ibid.* P. 439.

³ *Ibid.* P. 439.

ской избирательной системы перед английской. В Англии, не знающей подобного деления граждан, избирателями, отмечал он, становятся в некоторых местах "самые низкие люди, не имеющие никаких явных средств к честному существованию, тогда как в других к голосованию не допускаются лица, выплачивающие высокие налоги и большую арендную плату"¹.

Большинство социально-экономических мер, принятых Учредительным собранием, и, в частности, почти все аграрное законодательство революции осталось вне поля зрения автора "Иска галлов". Однако он все же отметил как чрезвычайно важный и полезный шаг начатую распродажу национальных имуществ. Тем самым, указывал он, достигается большая политическая цель — привязать собственников к революции и заинтересовать их в прочности новой власти. Особенно положительно он оценивал тот факт, что главными покупателями земель, по крайней мере в Северных провинциях, стали крупные фермеры — "наиболее полезный и уважаемый класс людей"².

Макинтош вообще уделял повышенное внимание социальному составу участвовавших в революции сил, неоднократно подчеркивая, что третье сословие Франции было неоднородным и делилось на две большие части: "средний класс" и "народ", — каждая из которых играла в революции свою особую роль, обусловленную ее предшествующим историческим развитием.

Первая из этих социальных групп сформировалась, по мнению Макинтоша, на исходе средних веков, благодаря развитию торговли³. К XVIII столетию богатый и просвещенный "средний класс" настолько усилился, что уже мало походил на своих предшественников — горожан XVI в.,

¹ *Paine Th. The Rights of Man. P. 280 (C. 209)*. К. Макслей также считала вполне разумным отказать в избирательных правах малоимущей части населения. См.: *Macaulay C. Op. cit. P. 77-78*.

² *Mackintosh J. Vindiciae Gallicae // Mackintosh J. The Miscellaneous Works. P. 428*.

³ *Ibid. P. 434*.

“прозябавших в бедности и рабстве”¹. Накануне революции этот социальный слой был более восприимчив к передовым идеям, чем другие “классы” общества. “Представители торговых и финансовых кругов всех европейских стран меньше страдали от предрассудков, были более либеральными и образованными, чем земельные собственники — джентри. Их кругозор расширился, благодаря разветвленным связям со всем человечеством: сказалось большое влияние торговли на распространение в современном мире либерального духа. Мы не должны удивляться, что этот просвещенный класс более других предан свободе и является самым ревностным сторонником политических преобразований. Не удивительно, что в его среде философия находит более прилежных учеников, а свобода более энергичных защитников, чем в среде высокомерных и зараженных предрассудками аристократов”². Именно поэтому депутаты Генеральных штатов от третьего сословия, в основном выходцы из “средних слоев”, сыграли решающую роль в выполнении главной задачи революции — создании нового политического строя, указывал автор “Иска галлов”.

Соглашаясь с Бёрком в том, что революционное движение во Франции действительно возглавили адвокаты, врачи, предприниматели, литераторы, лавочники и фермеры, Макинтош, однако, совершенно иначе, чем автор “Размышлений”, оценивал их способность управлять государством. “Только люди этих профессий, — считал он, — могли стать депутатами от третьего сословия. Они составляют значительную часть среднего класса, в котором сосредоточены почти весь разум и добродетель общества. Приписываемая им неспособность к политике — это выдумка самоуверенных государственных мужей, опровергаемая всей историей революций. В такой переломный момент никогда не появляются плохие политики. Искушенные советники Филипа II были посрамлены бургомистрами Амстердама и Лейдена. Борьба против гнета Англии привела к возникновению в ее колониях целой плеяды госу-

¹ Ibid. P. 415.

² Ibid. P. 426.

дарственных деятелей. Юристы Бостона и плантаторы Вирджинии превратились в министров и посланников, проявив себя мудрыми законодателями и умелыми дипломатами¹.

Впрочем, отмечая выдающиеся способности представителей "среднего класса", Макинтош тем не менее признавал, что от воли депутатов Национального собрания лишь очень немногое зависит в развитии Французской революции, которую, подчеркивал он, отличает "народный" характер². Размах ее так велик, заявлял автор "Иска галлов", что достоинства и недостатки даже самых видных ее участников не имеют сколько-нибудь большого значения для этой "революции без вождей"³.

Макинтош довольно неоднозначно расценивал роль во французских событиях "народа", под которым понимал все социальные слои и группы третьего сословия, не входившие в "средний класс". В тех случаях, когда массы выступали в поддержку действий Национального собрания, например, при обсуждении вопроса о слиянии палат Генеральных штатов или в дни июльского кризиса, Макинтош считал акты насилия с их стороны вполне оправданными. "Это был случай, когда восстание предписывалось добродетелью и являлось исполнением долга, когда покорность означала бы самую низкую трусость и оказалась бы наихудшим преступлением", — писал автор "Иска галлов" о событиях 14 июля 1789 г.⁴

Массовый характер участия парижан в восстании 14 июля, по убеждению Макинтоша, опровергает тезис Бёрка о том, что Национальное собрание, отступив от изложенных в наказах требований, действовало вопреки интересам большей части нации. Генеральные штаты, полагал Макинтош, "собрались как обычный законодательный орган, действующий в рамках установленных законов; дальнейшие же события превратили их в Национальный конвент, наделенный властью изменять государст-

¹ Ibid. P. 425.

² Ibid. P. 430.

³ Ibid. P. 424. См. также: P. 409, 414.

⁴ Ibid. P. 432. См. также: P. 412-413.

венный строй; ...точные правила предоставления полномочий предусмотрены мудрыми законами для обычного порядка управления государством, но великие революции имеют слишком большой размах для строгого соблюдения положенных формальностей. Единственная санкция, на которую можно рассчитывать при данных обстоятельствах, это — голос народа... Своими действиями народ лишил власти все государственные органы, кроме Генеральных штатов, возложив таким образом на последние обязанность использовать это неограниченное доверие тем способом, который на их взгляд принесет наибольшую пользу для общества..."¹

Однако, повторяя лозунг французских революционеров о том, что народ — единственный носитель суверенитета, а воля народа — первоисточник законности, автор "Иска галлов" сталкивался с серьезной проблемой: строго следуя подобной логике, ему пришлось бы признать необходимыми и легитимными все совершенные массами в ходе революции акты насилия, к чему он явно был неготов. Из этого затруднения Макинтош вышел при помощи такой теоретической конструкции: народ обладает высшей властью лишь до тех пор, пока не начинает свою работу высший представительный орган нации, после этого управлять государством должны уже наиболее образованные и добродетельные члены нации; в данном конкретном случае — заседающие в Национальном собрании выходцы из "среднего класса". Простой люд, по мнению Макинтоша, далеко не всегда осознает свои подлинные интересы, ибо "черни" доступны только те "политические и моральные истины", "что лежат недалеко от поверхности"². Свидетельство тому он видел в "эксцессах" революции, в которых, по его словам, проявилось недопонимание "низами" общества ее истинных целей.

К числу таких "эксцессов" он прежде всего относил крестьянские восстания. Французские крестьяне, пояснял Макинтош, на протяжении многих веков влачили рабское существование, а потому "нет ничего удивительного в

¹ Ibid. P. 414.

² Ibid. P. 424.

том, что они неправильно понимали свободу, которой так долго были лишены. До них дошла молва, что можно, отбросив всякую сдержанность, дать волю своему негодованию и посягать на любую собственность". В результате многие дворянские поместья были сожжены, а некоторые, наиболее ненавистные сеньоры убиты. Макинтош признавал подобную практику предосудительной, но вобщем-то вполне объяснимой: "Крестьянам надо было отомстить за то внешне незаметное, но мучительное угнетение, которое являлось почти единственной формой отношений между богатыми и бедными; оно было не столь ужасно, как гнет правительства, но, по-видимому, чаще становилось причиной тягостной нищеты"¹.

К "эксцессам" Макинтош причислял и поход парижан на Версаль 5-6 октября 1789 г., сопровождавшийся "жестокими сценами и отвратительными преступлениями". Но и здесь вину за случившееся он возлагал прежде всего на роялистов, спровоцировавших народ выражением своих верноподданических чувств на королевском банкете².

Впрочем, Макинтош считал "эксцессы" временным явлением, как бы движением по инерции, которое постепенно должно угаснуть: "Прежде чем на смену бурным дням революции придет общее спокойствие, бесполезно ожидать, что народ, привыкший к варварству угнетателей, будет достаточно великодушен при победе, весьма разборчив при возмездии или разумно умерен в средствах отмщения. Он разобьет оковы о головы своих притеснителей"³. Однако у "истинных друзей свободы", по словам Макинтоша, нет оснований бояться подобных потрясений, размеры которых преувеличены контрреволюционной пропагандой эмигрантов. Оспаривая утверждение Бёрка о катастрофических последствиях революции для Французской экономики, автор "Иска галлов" утверждал: в 1789-1790 гг. ни один крупный торговый дом Франции не разорился; промышленники Лиона, купцы Бордо и Марселя продолжали получать прибыль, то есть революция вы-

¹ Ibid. P. 432.

² Ibid. P. 433-434.

³ Ibid. P. 430.

звала меньшее расстройство коммерческой деятельности, чем крах любого второстепенного банка Лондона или Амстердама. Да и человеческих жертв французские события повлекли за собой гораздо меньше, нежели Английская или Американская революции, не говоря уже о многочисленных и бесполезных войнах¹.

Успех преобразований, произведенных "средним классом" Франции с "минимальными" издержками, свидетельствовал, по мнению Макинтоша, об универсальной приемлемости подобного опыта. Уже в первом издании "Искагаллов" его автор доказывал, что происшедшее по другую сторону Ла-Манша является убедительным доводом в пользу радикальных реформ государственного устройства Англии, по содержанию аналогичных французским, но осуществленных мирным путем. Сравнивая, как и другие участники дискуссии, Французскую революцию с английской Славной революцией 1688 г., Макинтош отдавал предпочтение первой, утверждая, что вторая лишь провозгласила принципы свободы, но самой свободы не принесла. Ее участники, утверждал он, "наказали тирана, но не улучшили форму правления, ликвидировали узурпацию, но не коснулись ее источника"².

Дефекты британского государственного строя, толгалаг Макинтош, неизбежно приведут к его революционному ниспровержению, ведь и Французская революция, по его мнению, имела прежде всего политические причины. Единственную возможность избежать потрясений он видел в проведении парламентской реформы, на чем настаивали левые виги (Ч. Дж. Фокс, Ч. Грей и др.) и радикалы. "Мы желаем, — писал автор "Искагаллов", — предотвратить революцию реформой, ниспровержение — исправлением. Мы убеждаем наших правителей провести реформу, пока они могут сделать это с достоинством и безопасностью; мы призываем их не ждать того момента (а он неизбежно наступит), когда они вынуждены будут вымалывать у народа, который сейчас презирают и угнетают, ничтожные крохи своей нынешней власти. Мы признаем, что су-

¹ Ibid. P. 431.

² Ibid. P. 454. См. также: P. 448.

ществующие в Англии недостатки пока не требуют насильственного исправления, но они быстро нарастают и приближаются к той роковой черте, когда подобное исправление станет неизбежным и оправданным. А так как мы искренне любим спокойную свободу, мы горячо желаем, чтобы не наступил тот момент, когда добродетель и честь заставят нас добывать ее своими мечами”¹.

Впрочем, Макинтош отнюдь не сводил международное значение французских событий только к их влиянию на Англию. Третье издание “Иска галлов”, вышедшее в августе 1791 г., было дополнено особой главой “Размышления о возможных последствиях Французской революции для Европы”, где доказывалась неизбежность распространения революционного движения на весь “христианский мир”². Подобную перспективу Макинтош связывал с идеологическим характером Французской революции, провозгласившей своей целью реализацию определенных теоретических принципов. История, отмечал он, показала на примере крестовых походов и Реформации сколь огромные потрясения способна вызвать какая-либо сильная страсть, овладевающая умами множества людей. А уж если к таким последствиям привел религиозный фанатизм, порожденный “временным затмением разума”, то “добродетельный энтузиазм свободы” тем более должен увлечь за собой народы всех стран Европы, полагал автор “Иска галлов”³.

Попытка подавить революцию военным путем, предостерегал он, только ускорит данный процесс, поскольку возбудит патриотизм французов и заставит их сплотиться для отпора врагу. “Деспоты” же, “отправив вооруженных рабов во французскую школу свободы”, лишатся армий — своей главной опоры. История, восклицал Макинтош, “не дает ни одного примера, когда бы внешняя сила подчинила могучий и храбрый народ, движимый самым благородным чувством из всех, какие только управляют людскими

¹ Ibid. P. 456.

² Ibid. P. 457-458.

³ Ibid. P. 458-459.

душами"¹.

Такова была в общих чертах интерпретация французских событий конца XVIII в. автором "Иска галлов". Сравнивая его взгляды с рассмотренными выше представлениями других оппонентов Бёрка, нельзя не отметить, что подход Макинтоша к объяснению революционного кризиса значительно шире и многограннее, нежели у большинства его современников. Работу Макинтоша отличает повышенное внимание к историческим корням и социально-экономическим аспектам происшедшего, как правило, остававшимся вне поля зрения остальных участников дебатов. В данном отношении его трактовка революции очень похожа на ее интерпретацию... Бёрком. И действительно, если мы повнимательнее присмотримся к обоим, то обнаружим, что в историческом анализе конкретных событий и явлений общих черт в работах обоих мыслителей, пожалуй, гораздо больше, чем различий.

Так, и Бёрк, и Макинтош полагали, что Французская революция была вызвана причинами чисто идеологического и политического характера, действие которых стало возможно благодаря определенным социально-экономическим предпосылкам, а именно — обострению соперничества между представителями "земельного" и "денежного" интереса или, что фактически то же самое, — между дворянством и "средним классом". И хотя Макинтош более подробно, чем Бёрк, проанализировал процесс исторического развития данных противоречий, в этом исследовании он фактически шел в том же самом направлении, что было намечено его оппонентом.

Практически совпадали их точки зрения и по вопросу о характере движущих сил революции. Бёрк считал таковыми "финансистов" ("средний класс"), "литераторов" и "чернь"; Макинтош — "средний класс" и "народ", причем включал в первый и "финансистов", и "литераторов", а второй тоже нередко определял как "чернь". Расходились они лишь в оценке степени массовости участия населения в революционных событиях. Впрочем, и здесь их разногласия в действительности были не столь велики, как

¹ Ibid. P. 458.

полагал Макинтош. Трактую предложенную Бёркэм концепцию “заговора” так же буквально, как это позднее делал Баррюэль, Макинтош доказывал, что автор “Размышлений” не понимает реальной ситуации, приписывая злой воле кучки “заговорщиков” движение, охватившее практически всю нацию. Между тем, Бёрк, как уже отмечалось выше, использовал образ “заговора” скорее в переносном смысле — для обозначения союза социальных групп, ставших инициаторами революции. Что же касается степени участия в ней народа, то в том же 1791 г. Бёрк в “Письме члену Национального собрания”, появившемся, кстати, несколько раньше “Иска галлов”, признавал, что революционному меньшинству удалось увлечь за собой бóльшую часть населения Франции.

Столь же близки были их точки зрения и относительно всемирно-исторического значения Французской революции, которое и тот, и другой связывали с ее ярко выраженным идеологическим характером. Более того, говоря о неизбежности вовлечения все новых стран в процесс революционных преобразований, Макинтош едва ли не дословно повторял Бёрка, проводя параллель между Французской революцией и Реформацией.

Расхождение же в их интерпретациях происшедшего носило прежде всего мировоззренческий характер. Имея нередко довольно близкие представления о содержании конкретных исторических процессов и явлений, Бёрк и Макинтош давали им совершенно противоположные оценки. Например, Бёрк, признавая наличие в государственном строе Старого порядка серьезных изъянов, считал, однако, недопустимым ради их исправления разрушать целое, поскольку идея разрыва исторической преемственности противоречила его представлениям о гармонии взаимоотношений Бога и человека, человека и общества. Макинтош же, исходя из утилитаристски-рационалистических критериев, напротив, полагал, что революционное преобразование политической системы (не затрагивающее социально-экономическую сферу) является наиболее эффективным, поскольку позволяет максимально быстро ввести наиболее “разумную” схему государственного устройства.

Отправившись вслед за Бёрком в почти не затронутые другими участниками дискуссии области изучения социальной действительности Франции, Макинтош попытался дать "бой" противнику на его же "территории", применив для объяснения поднятого тем исторического материала свою систему мировоззренческих ценностей. По некоторым частным аспектам (происхождение и развитие "среднего класса", причины крестьянских движений и др.) ему действительно удалось углубить исторический анализ Бёрка. Однако в целом идеологическая предопределенность выводов Макинтоша (дискуссия ведь носила далеко не чисто научный характер) привела к тому, что они порою не достаточно соответствовали результатам его собственного исследования. Особенно это заметно в его прогнозах относительно дальнейшего развития событий. Так, стремясь обосновать ссылкой на французский опыт необходимость и возможность проведения радикальной политической реформы у себя на родине, Макинтош доказывал, что "эксцессы" во Франции носят временный характер и постепенно сходят на нет. Однако это утверждение плохо согласовалось с его же собственной мыслью об остроте социального антагонизма "между богатыми и бедными" и констатацией того, что "низы" французского общества еще ничего не получили от революции¹.

Впрочем, для самого мыслителя подобного претиворечия скорей всего не существовало. Оптимизм Макинтоша был связан с искренней верой во всепобеждающую силу разума, который, по его мнению, неизбежно должен возобладать над жестокими страстями, в результате чего

¹ В первом и втором изданиях "Иска галлов" Макинтош признавал это вполне окровенно: "Банкет королевской гвардии (накануне событий 5-6 октября 1789 г. — А. Ч.) мог, безусловно, спровоцировать людей и более спокойных, **чем жители города мало что получившие от потрясений великой революции**" (выделено мною — А. Ч.). — *Mackintosh J. Vindiciae Gallicae. L., 1791. P. 187.* В последующих изданиях данная фраза была изменена, утратив первоначальный смысл: "...спровоцировать жителей более спокойного города". — *Mackintosh J. Vindiciae Gallicae // Mackintosh J. The Miscellaneous Works. P. 433.*

“эксцессы” вскоре прекратятся, а происходящие изменения не выйдут за рамки “политической революции”.

Ответ на вопрос о преимуществах той или иной методологии объяснения происшедшего во Франции должно было дать дальнейшее развитие революции.

2. *Макинтош и Бёрк*

“Иск галлов” принес своему создателю широчайшую известность не только у него в стране, но и по всей Европе. У. Хэзлит впоследствии вспоминал: «Когда в ответ на “Размышления о Французской революции” появился “Иск галлов” приверженцы новой школы (левые виги и радикалы — А. Ч.) превозносили его как сочинение намного превосходящее по яркости изложения произведение столь грозного соперника, а по дальновидности, глубине и ясности мышления автора “Иск галлов” вообще считался непревзойденным»¹. Ч. Дж. Фокс назвал Макинтоша выдающимся писателем, а его работу — “самой талантливой книгой о Французской революции”².

Известный немецкий просветитель и якобинец Г. Форстер отмечал в обзоре английской литературы за 1791 г.: «Бёрк вызвал столь резкое сопротивление лишь потому, что пытался засыпать французскую конституцию своими софизмами, нелепостями и немощными нападками. Его более сильный противник юрист Макинтош³ одержал над ним полную победу тем более блестящую, что его “Иск галлов” являет неопровержимое доказательство того, что можно писать в мужественном стиле и красноречиво, не допуская ни одного непристойного слова... Неуязвимое и неопровержимое возвышается его сочинение, заслужившее единодушное одобрение Англии»⁴.

¹ *Hazlitt W. The Spirit of the Age* (1825). Oxford, 1923. P. 137.

² *Notice*. P. 19.

³ Форстер допускает неточность: в то время Макинтош еще не был юристом, а только собирался им стать. (Примечание мое — А.Ч.).

⁴ Цит. по: Жорес Ж. Указ. соч. С. 364.

Сочинение Макинтоша получило признание и во Франции. Так уже вскоре после появления английского издания "Иска галлов" граф Шартрский (будущий король Луи-Филипп) сделал для себя его частичный перевод¹. В апреле 1792 г. книга вышла на французском языке². Сообщая об этом, "Moniteur" писал: "После сочинений г-на Пейна и г-на Пристли Бёрка можно считать полностью опровергнутым; книга же г-на Макинтоша довершила его разгром. Работа Макинтоша отличается стройностью изложения, а его доказательства столь же последовательны, сколь сильны и убедительны... Автор, не колеблясь, делает вывод, что свобода и власть разума быстро распространяются за пределы Франции, являющейся их колыбелью. Мы согласны с этим предсказанием; мы даже убеждены, что замышляемые попытки воспрепятствовать его осуществлению лишь приближают и делают неизбежным тот момент, когда такое пророчество сбудется"³.

О высоком авторитете Макинтоша в оппозиционных кругах свидетельствовало его избрание на почетную должность секретаря политического общества "Друзья народа"⁴, образованного в апреле 1792 г. и включавшего в себя таких видных деятелей левого крыла партии вигов, как Ч. Грей, Р. Шеридан, Ф. Френсис, С. Уитбред, Т. Эрскин, герцог Бедфорд, лорды Лаудердаль, Дакр, Кинэрд⁵. Макинтош же написал "Декларацию друзей народа"⁶, лейтмотивом которой была мысль, высказанная еще в "Иске галлов": "Мы желаем реформировать конституцию, потому что желаем сохранить ее"⁷.

¹ The Life of J. Mackintosh. Vol. 1. P. 182; Vol. 2. P. 364.

² Mackintosh J. Apologie de la Révolution française et ses amateurs anglais, en réponse aux attaques d'Edmund Burke, avec quelques remarques sur le dernier ouvrage de M. Calonne. P., 1792.

³ Moniteur. 1792. 13 avril.

⁴ Извещая о создании этого общества, "Gazette de France" (1792. 7 mai) особо отметила в числе его членов Дж. Макинтоша, "одного из английских защитников конституции Франции".

⁵ См.: Джефсон Г. Платформа, ее возникновение и развитие. Т.1. СПб., 1901. С. 202.

⁶ The Life of J. Mackintosh. Vol. 1. P. 19.

⁷ Цит. по: Джефсон Г. Указ. соч. С. 203.

После того как левые виги выступили в парламенте с протестом против королевской прокламации от 21 мая 1792 г. о “подстрекательских сочинениях”, рассматривая ее как посягательство на гражданские свободы; Макинтош опубликовал в июне открытое письмо премьер-министру У. Питту-мл., где предупреждал, что прокламация “раздувает пламя из той искры республиканизма, которую сдержанность могла бы погасить и которая способна вызвать последствия, подумав о коих добрый человек содрогнется, а мудрец лучше промолчит”¹.

Летом 1792 г. Макинтош побывал в Париже². Имевшиеся в моем распоряжении источники довольно скупо сообщают об этой поездке. Можно только предположить, что Макинтош покинул Англию не ранее 10 июля, так как в этот день он вместе с другими приверженцами Французской революции праздновал в Лондоне годовщину падения Бастилии³. Кроме того, в тот же день он встречался с Годвином, о чем последний сделал запись в своем дневнике⁴. Сколько времени Макинтош пробыл в Париже, мне также установить не удалось. Есть лишь свидетельства, что там его видели среди революционеров-эмигрантов, в число которых также входили Томас Пейн и Анахарсис Клоотц⁵.

Признанием заслуг автора “Иска галлов” перед революционной Францией стало присвоение ему почетного звания французского гражданина. 24 августа 1792 г. на вечернем заседании Законодательного собрания депутат Мари-Жозеф Шенье, известный поэт и драматург, от имени своей секции предложил признать французскими гражданами тех, “кто в разных странах мира содействовал делу разума и прокладывал пути свободе”. Среди заслуживших такое отличие называлось имя и Макинтоша, “который своим ярким выступлением опроверг выдумки г-на

1 The Life of J. Mackintosh. Vol. 1. P. 80-81.

2 Ibid. P. 84.

3 См.: Gazette de France. 1792. 23 juillet.

4 Godwin's Diary. No 5. 1791. July 10.

5 English Witnesses of the French Revolution. Oxford. 1938. P. 128.

Бёрка о Французской революции"¹. Назвать наиболее достойных было поручено Комиссии общественного просвещения, возглавлявшейся Ж. П. Бриссо. На утреннем заседании 26 августа по докладу члена Комиссии И. Э. Гюаде Собрание приняло декрет, сделавший французскими гражданами восемнадцать иностранцев, "послуживших своими сочинениями и своим мужеством делу свободы и подготовившим освобождение народов". В их числе был и Дж. Макинтош².

Довелось Макинтошу стать очевидцем свержения монархии 10 августа 1792 г. или нет, события тех дней произвели на него удручающее впечатление. Сбывались самые мрачные предсказания Бёрка, прогноз же "Иска галлов" относительно постепенного прекращения "эксцессов" оказался ошибочным. "Чернь" не только не прониклась духом "политической революции", производимой представителями "среднего класса", но, напротив, полностью вышла из-под их влияния. Шестнадцать лет спустя Макинтош вспоминал: "Лишь тот, кто надежды своей юности, свое малоизвестное имя... и даже, как он считал, свою нравственную сущность связывал с успехом или неудачей Французской революции, может понять чувства, большей частью мучительные, обуревавшие меня по мере ее развития... Теперь уже не осталось свидетелей того, какие переживания у меня вызвали убийство генерала Дийона, 10-е августа, резня в тюрьмах, смерть короля. Но у меня по-прежнему свежи воспоминания о том, что без преувеличения можно назвать моими страданиями"³.

Крайне болезненно воспринимая происходившее во Франции, Макинтош отошел от активной политической деятельности, посвятив себя изучению юриспруденции.

Время от времени, однако, он анонимно печатался в вигском журнале "Monthly Review". Наиболее значительная из этих публикаций — статья "Доводы против войны с Францией в 1793 г.", написанная в поддержку антивоен-

¹ Archives parlementaires de 1787 à 1860. Ser. 1. Vol. 48. P., 1896. P. 688.

² Ibid. Vol. 49. P. 10.

³ The Life of J. Mackintosh. Vol. 1. P. 131.

ных выступлений вигов-фокситов в парламенте. Хотя в ней рассматривались прежде всего вопросы текущей политики, по существу это было продолжение полемического диалога с Бёрком о содержании Французской революции. События двух предшествующих лет нарушили присущую "Иску галлов" гармонию политических и исторических воззрений Макинтоша. В 1791 г. его расхождение с Бёрком по конкретным политическим проблемам имело в своей основе принципиальное различие их историко-философских подходов к объяснению происходившего по другую сторону Ла-Манша. Теперь же, в конце 1793 г., позиция Макинтоша гораздо более противоречива: следуя линии своей "партии", он в вопросе об отношении к войне отстаивает точку зрения левых вигов, прямо противоположную точке зрения Бёрка, и в то же время, как историк, он вынужден признавать правоту Бёрка в трактовке ряда ключевых аспектов Французской революции.

Представления Макинтоша о наиболее оптимальных путях общественного развития претерпели серьезные изменения. Хотя он еще и не разделяет идею своего оппонента о необходимости уважения исторической преемственности при реформировании социальных институтов, но тем не менее уже высказывает сомнение в целесообразности революционных преобразований, правда, пока с чисто утилитарной точки зрения: "Долговременные последствия... революций бывали иногда положительными, иногда — отрицательными, но зло, их сопровождавшее, всегда оказывалось большим и ужасным. Их последующее развитие всегда было неопределенным и непредвиденным, а конечные результаты зависели от обстоятельств, во многом не подвластных участникам революций"¹. Поэтому Макинтош, и раньше предпочитавший мирную форму для революционных по содержанию преобразований, теперь твердо заявляет о неприемлемости для Англии французского опыта: "Мы, конечно, желаем улучшения конституции, да, мы горячо желаем этого как средства со-

¹ *Mackintosh J. Reasons against the French War of 1793 // The Miscellaneous Works. P. 462.*

хранить ее, но, прежде всего мы желаем сохранить ее"¹.

Макинтош согласен с Бёрком в том, что по самой своей сути Французская республика представляет угрозу для английского государственного строя и что уже одно это могло бы быть достаточным основанием для войны с ней. "Мы не собираемся отрицать, — пишет Макинтош. — что столь значительное изменение формы власти и общественного устройства одной из величайших наций цивилизованного мира, какое произвела революция во Франции и какое сопровождалось такими необычными идеями и породило такие жестокие страсти, неизбежно по природе своей опасно для некоторых правительств и для спокойствия всех других государств, входящих в великое европейское сообщество. Утверждать обратное — значит доказывать, что человек не является существом, склонным к сочувствию и подражанию, что он не расположен в большей или меньшей степени воспринимать настроения, усваивать мнения и подражать поведению себе подобных"².

Автор статьи больше не высказывает, как в "Иске галлов", пожелания, чтобы Французская революция перекинулась на другие страны, а, напротив, критикует идею Анахарсиса Клоотца о всемирной республике, которая должна стать результатом революционной войны, как противоречащую здравому смыслу и историческому опыту, а самого "оратора рода человеческого" называет "кровавым безумцем"³.

Однако целесообразность продолжения войны Макинтош критикует по чисто утилитарным соображениям. Сколько бы Бёрк не предлагал поставить политику держав антифранцузской коалиции на принципиальную основу и вести войну во имя восстановления монархии, а не ради территориальных приобретений, эгоистичные правители не поступятся своими корыстными интересами, утверждал Макинтош. Борясь же не против революции, а против Франции, они вынуждают всех французов сплаци-

¹ Ibid. P. 465.

² Ibid. P. 462.

³ Ibid. P. 463.

ваться вокруг революционного правительства, делая Республику непобедимой¹.

Между тем, если бы двумя годами ранее соседние государства проявили разумную сдержанность, то углубления революции, по мнению Макинтоша, можно было бы избежать: "Мы не убеждены в том, что государственный строй Франции в 1791 г., когда образовалась роялистская коалиция, был настолько по своей сути не способен к усовершенствованию и смягчению под воздействием мудрой терпимости окружающих держав, что не мог стать совершенно безопасным и безвредным для соседних государств... Того, что можно было достичь благоразумием и сдержанностью, нельзя добиться войной"². Более того, революционный лагерь, считал Макинтош, и в 1793 г. далеко не монолитен, а потому его можно было бы расколоть изнутри, проявляя умеренность в политике по отношению к Франции.

При продолжении войны, полагал он, как победа, так и поражение коалиции будут чреваты самыми негативными последствиями: "Победа несет в себе опасность для независимости наций, а поражение угрожает устойчивости правительств"³. В тот период либеральные круги Англии испытывали сильную тревогу, не захотят ли абсолютные монархи Европы после разгрома Франции посягнуть на исторические свободы англичан. Так, автор одного из анонимных памфлетов предостерегал: "Когда объединенные державы установят во Франции то, что они называют Порядком и Спокойствием, они, возможно, обнаружат слишком много якобинизма в английской конституции и прибегнут к гуманному вмешательству, чтобы избавить нас от этого опасного зла"⁴.

Подобные настроения разделял и Макинтош, предлагавший правительству добиваться принятия за основу в международных отношениях принципа национального су-

¹ Ibid. P. 462.

² Ibidem.

³ Ibid. P. 464.

⁴ Цит. по: *Emsley C. British Society and the French Wars 1793-1815. L., 1979. P. 19.*

веренитета и невмешательства во внутренние дела других государств. Правда, в таком случае пришлось бы смириться с существованием во Франции революционного режима, но зато была бы устранена угроза общеевропейского наступления реакции, перед которым, по опасению Макинтоша, могли не устоять гражданские свободы в Англии: "Выбор между каждым из этих страшных зол затруднителен и жесток, но при всем нашем искреннем стремлении к спокойствию каждого народа, при всем нашем желании мира и покоя, исходящем из личных привычек и особенностей характера, при всем нашем глубоком отвращении к преступлениям, бедствиям и ужасам гражданской смуты, мы не можем переубедить себя в том, что худшее из зол, какие только могут постичь человечество, это — раздел Европы (монархами коалиции — А. 4)... Все дикие эксцессы распушенности народа, все фантастические изменения формы власти, вся неистовая жестокость анархической тирании полностью меркнут перед ужасной мыслью о том, что весь цивилизованный мир может быть собран под ярмо военного деспотизма"¹.

Данное сочинение, таким образом, свидетельствует о серьезном пересмотре его автором своей прежней трактовки Французской революции. Однако, соглашаясь с тем, что при объяснении некоторых ее сторон исторический анализ Бёрка оказался точнее его собственного, Макинтош еще не связывал это с различиями в их общеполитических представлениях и по-прежнему оставался верен утилитаристскому подходу. Именно различия в методологии объяснения фактов обусловили, например, разную оценку каждым из них ситуации во Франции 1791 г. По мнению Макинтоша, "средний класс" имел тогда возможность удержать поток событий в рамках "политической революции", если бы не угроза извне. Бёрк же, как мы помним, считал дальнейшее углубление революционного кризиса закономерным следствием предпринятой во Франции попытки разрыва исторической преемственности.

О дальнейшем изменении взглядов Макинтоша на

¹ *Mackintosh J. Reasons against the French War of 1793. P. 464.*

Французскую революцию в 1794-1796 гг., мы можем лишь догадываться, поскольку в этот период он, отойдя от активной политической деятельности и не принимая участия, в отличие от других сторонников Ч. Дж. Фокса, в движении за парламентскую реформу, как правило, избегал публичных выступлений. В тех же его немногочисленных статьях, что анонимно появились в "Monthly Review" и в целом соответствовали политической линии фокситской оппозиции, французские события практически не обсуждались. Десять лет спустя Макинтош так объяснял этот добровольно наложенный на себя обет молчания: "Революция продолжала столь сильно владеть моими мыслями, что я не мог не думать о ней постоянно. Я не мог ни забыть ее, ни закрыть глаза на ее события... Она настолько занимала мой ум, что я не мог не видеть всех изменений в своих взглядах по отношению к ней. Эти изменения происходили медленно и еще более медленно мною признавались. Но они не были незаметными, и я не мог надеяться на то, чтобы убедить себя, будто остаюсь прежним. Я воздерживался объявлять о них, исходя из обычных для таких случаев соображений... Очень сильно мне в этом препятствовала принципиально оправданная, по моему убеждению, приверженность к партии. Как и большинству других людей, мне не слишком нравилось признаваться, что я ошибался, имею иные взгляды, чем мои друзья, и воспринял некоторые убеждения своих врагов"¹.

Только в конце 1796 г., когда движение за парламентскую реформу оказалось в полосе глубокого кризиса и наметился спад политической активности левых вигов, Макинтош очень осторожно, чтобы не повредить своей "партии", дал знать об существенных изменениях своих взглядов. На страницах трех номеров "Monthly Review" за октябрь-декабрь была анонимно опубликована его рецензия последних сочинений Бёрка — "Письма к благородному лорду" и "Писем о мире с цареубийственной Директорией". В конкретных вопросах текущей политики автор обзора выражал несогласие со своим прежним оппонентом и отстаивал точку зрения фокситов о необходимости ско-

¹ The Life of J. Mackintosh. Vol. 1. P. 131-132.

рейшего прекращения войны. Один из современников заметил по данному поводу: «"Письма о цареубийственном мире" наилучшим образом раскрывают взгляды м-ра Бёрка на войну с Францией. Критическая статья о них в ноябрьском и декабрьском выпусках "Monthly Review" за 1796 г., приписываемая сэру Джеймсу Макинтошу дает самое талантливое изложение противоположной им системы взглядов м-ра Фокса»¹. Однако, хотя Макинтош и выступал на стороне враждебной Бёрку партии, лично о нем он отзывался самым почтительным образом, отмечая "выдающийся гений" этого "великого государственного мужа" и прозорливость этого "мудрого философа"².

Выступление Макинтоша не осталось незамеченным. Бёрк, прежде считавший автора "Иска галлов" одним из крайних радикалов ("по сути своей тот же Пейн"³), теперь сообщил ему, что уважает его "честную искренность" и признает его способности⁴. Между бывшими противниками завязалась переписка. Макинтош признался, что с ранних лет изучал сочинения Бёрка, находя в них "источник наслаждений"⁵.

Отметив, что между ними еще есть разногласия по вопросам текущей политики, он тем не менее признал правоту Бёрка в их прежнем споре: "Некоторое время я, соблазненный любовью к тому, что считал свободой, осмеливался бороться против писателя, который своими самыми что ни на есть благотворными принципами политической мудрости способствовал формированию моего сознания и перед которым я не переставал благоговеть... С тех пор печальный опыт раскрыл мне глаза на многое, в чем я прежде заблуждался из-за своего энтузиазма. Не могу сказать, ...что даже сейчас я во всем согласен с вашим мнением относительно нынешнего состояния Европы, но могу честно заявить, что подписываюсь под вашими ос-

¹ Ibid. P. 87.

² Notice. P. 22-23, 26-28.

³ The Correspondence of Edmund Burke. Vol. 6. 1967. P. 312.
См. также: P. 273, 336.

⁴ The Life of J. Mackintosh. Vol. 1. P. 87.

⁵ The Correspondence of Edmund Burke. Vol. 9. 1970. P. 193.

новными принципами и готов пролить кровь в защиту законов и конституции моей страны”¹.

Поскольку Макинтош охарактеризовал собственную идейную эволюцию в самых общих выражениях, Бёрк довольно осторожно оценивал ее возможные пределы, однако все же решил воспользоваться благоприятным случаем, чтобы попытаться сделать бывшего оппонента единомышленником. “Я забыл вам сказать, — писал он своему другу Ф. Лоуренсу — о возможном изменении взглядов Макинтоша. По его письму я подозреваю, что оно не распространяется дальше внутренней политики на нашем острове; в отношении же Франции и многих других стран он остается таким же искренним якобинцем, как и прежде. Изменение его взглядов совсем незначительно, но мы должны поощрять даже небольшие колебания и думать о преимуществах, которые можем отсюда извлечь”². В тот же день Бёрк отправил Макинтошу письмо, выразив восхищение его “мудростью” и расценив его отказ от прежних взглядов как “великую победу над собой”: «То, что, хотя Вас признавали лучшим защитником поддерживаемого Вами дела, но Вы предпочли истину и зрелое размышление, намного увеличивает вашу славу»³. Заканчивалось послание приглашением посетить Бэконсфильд в рождественские праздники.

В последнюю неделю декабря 1796 г. Макинтош приехал к Бёрку и провел в его поместье несколько дней. Источники, к сожалению, не позволяют восстановить содержание их бесед во всех подробностях. Сохранились лишь краткие записи в “Дневнике любителя литературы” Т.Грина, которому Макинтош в 1799 г. рассказывал о своем пребывании в Бэконсфильде. Судя по ним, среди обсуждавшихся тем на первом месте стояла Французская революция. Макинтош был поражен, с каким вниманием Бёрк, уже неизлечимо больной, следил за развитием ее событий: он “ожидал надвигавшуюся кончину с подобающей торжественностью, но совершенно хладнокровно; ему по-

1 *Ibidem*.

2 *Ibid.* P. 204-205.

3 *Ibid.* P. 194.

дробно и регулярно сообщали о каждом факте, относившемся к Французской революции”¹.

Наибольшую опасность для Англии и других стран Бёрк видел в распространении рационалистической философии, направленной на подрыв христианских ценностей. “Говоря о безнравственных парадоксах философов новой школы, Бёрк заметил с негодованием: они заслуживают лишь того, чтобы их оппонентом в споре был обыкновенный палач... Их доводы в лучшем случае — лишь убогие словеса, непотребное проституирование данного Богом человеку дара разума и речи... Негодяи лишены даже такого смягчающего вину обстоятельства, как искренность, потому что если бы они действительно верили тому, о чем пишут, мы бы знали, как с ними обходиться и рассматривали бы их как сумасшедших. Нет, сэр, сочинения, содержащие такие взгляды, опубликованы с корыстной целью получить хотя бы небольшую выгоду от природной любви человечества к пагубным нововведениям. По их собственному признанию, эти взгляды — чистейший атеизм. Их цель — осквернить все, что есть хорошего в человеке, погубить его бессмертную душу, изгнать Бога из вселенной. Они появились на свет из смердящего тела прородительницы всякого зла — Французской революции”².

Мы ничего не знаем о непосредственной реакции Макинтоша на подобные высказывания Бёрка, но судя по тому, что в своих последующих работах он не раз апеллировал к авторитету этого мыслителя, красноречие хозяина Бэконсфильда произвело на гостя желаемое впечатление. Правда, Бёрку не удалось убедить своего бывшего оппонента, а ныне приверженца, перейти на сторону правительства. Однако в дальнейшем Макинтошу предстояло решать труднейшую задачу, доказывая и себе, и другим, что можно разделять мировоззренческие принципы автора “Размышлений о революции во Франции”, оставаясь в политике “истинным вигом”³. Таким образом, их заочный диалог с Бёрком должен был продолжаться и после смер-

¹ The Life of J. Mackintosh. Vol. 1. P. 91.

² Ibid. P. 93-94.

³ См. Deane S. Op. cit. P. 53.

ти последнего.

Только в 1797 г., когда вигская оппозиция фактически прекратила существование (Фокс, Грей и их сторонники, потерпев ряд крупных неудач в борьбе за реформы, покинули парламент), Макинтош решился, наконец, объявить о своих новых убеждениях. Впрочем, он хотел сделать это так, чтобы не казалось, будто он отрекается от вигов и заискивает перед правительством, чью репрессивную политику внутри страны он по-прежнему не одобрял. В конце 1797 г. Макинтош выдвинул план курса лекций на далекую от политических споров тему "Об естественном и международном праве". И все же репутация "якобинца" закрепилась за ним настолько прочно, что корпорация юристов, членом которой он был, отказалась предоставить ему зал для публичных выступлений. Дабы рассеять сомнения относительно своих намерений, Макинтош опубликовал вступление к курсу "Рассуждение об естественном и международном праве". Не затрагивая злободневных политических вопросов, и практически ни разу коснувшись событий Французской революции, он постарался дать исчерпывающее ясное представление о своем новом мировоззренческом кредо.

Если для его предыдущих работ был характерен преимущественно утилитаристский подход к трактовке социально-политических проблем, то в "Рассуждении" Макинтош открыто заявил о себе, как о стороннике идеи "естественного закона". Последний он определял следующим образом: "Это -данное свыше, неизменное и не подвластное человеческой воле (uncontrollable) правило поведения для всех людей, нарушив которое, естественным образом навлекаешь на себя возмездие, неизбежно вытекающее из общего устройства вещей; — правило, действие которого столь же постоянно и неотвратимо, как и действие существующего в природе порядка"¹. Признавая себя в данном вопросе последователем таких мыслителей, как Цицерон и Хукер, Макинтош присоединялся к их мнению о том, что высший закон, управляющий вселенной, имеет

¹ *Mackintosh J. A Discourse on the Law of Nature and Nations // Mackintosh J. The Miscellaneous Works. P. 29.*

божественное происхождение и этическую основу проявляясь в отношениях между людьми прежде всего в стихийно сложившихся нормах нравственности, обычаях, традиционных общественных институтах. Лишь изучая все это, полагал Макинтош, можно приблизиться к пониманию объективных закономерностей социальной жизни: "Традиции и законы народов, события истории, мнения философов, чувства ораторов и поэтов, а также наблюдения за повседневной жизнью — вот материал, на основе которого только и может создаваться наука морали (science of morality); тех же, кто им пренебрегнет, можно по справедливости обвинить в никчемной попытке заниматься абстрактными рассуждениями без учета фактов и опыта — единственного фундамента истинной философии"¹.

К числу подобных попыток спекулятивного рассуждения без учета реального положения дел Макинтош относил выступления философов-просветителей с рационалистической критикой традиционных институтов и ценностей, приведшие, по его мнению, к самым пагубным последствиям: "Недавние события содержат в себе больше ужасных примеров из всех областей политики, чем в другое время мог дать опыт многих веков. Разум людей, усиленный их страстями, проник до истоков почти всех вопросов политики. Даже фундаментальные нормы морали, к несчастью для человечества, впервые стали предметом сомнения и дискуссии. Я буду считать своим долгом воздерживаться (в курсе лекций - А. Ч.) от всякого упоминания об этих страшных делах и гибельных спорах. И все же только человек с тупым и косным умом мог либо не заметить их, либо, наблюдая за ними, ничему не научиться"².

Если в аргументации "Иска галлов" Макинтош охотно использовал руссоистские идеи, то теперь он рассматривает доктрину общественного договора как "фикцию", пригодную лишь для абстрактных рассуждений и способную стать обоснованием как для "всеобъемлющего деспо-

¹ Ibid. P. 31. См. также: P. 35, 40.

² Ibid. P. 34.

тизма Гоббса, так и для всеобъемлющей анархии Руссо¹.

Макинтош отныне полностью отрицает возможность разработать чисто рациональным путем применимую на практике схему идеального общественного строя: "Мы должны признать, что никакой человеческой проницательности не достаточно для введения подобной системы сразу, поскольку, даже будучи таким образом установлена, она в силу непредвиденных заранее обстоятельств все равно вскоре полностью изменится; и что есть лишь один путь создания системы законов, отвечающий здравому смыслу и постоянно применяющийся во всех государствах, а именно — путь постепенного принятия норм права в соответствии с фактическим состоянием дел, которые они должны регулировать"².

Радикальным образом по сравнению с "Иском галлов" изменились представления Макинтоша и о политическом идеале. Хотя он, как и раньше, главным критерием наилучшего государственного строя считает предоставление гражданам "свободы", само понятие "свободы" трактуется им теперь совершенно иначе. Она больше не отождествляется с политическим равенством, а определяется как "защита от произвола". Соответственно ни одно из реально существующих государств не заслуживает, по мнению Макинтоша, огульного осуждения, ибо даже при самом несовершенном из них люди лучше ограждены от произвола со стороны себе подобных, а значит и более свободны, нежели вообще без государственной власти. Наиболее же совершенным, согласно автору "Рассуждения", является тот строй, при котором подданные эффективно защищены также от произвола должностных лиц. Именно это, считал он, имеет место в Англии, где система разделения властей гарантирует права и свободы каждого индивида. Однако, отмечал Макинтош, "такое сочетание разума и удачи встречается не часто и, конечно же, может возникнуть не иначе, как в результате постоянных, но осторожных усилий мудрости и добродетели использовать для усовершенствования государственного строя последователь-

¹ Ibid. P. 37.

² Ibid. P. 40.

но возникающие на протяжении длительного времени на-
иболе благоприятные обстоятельства”¹.

Преобразование общества революционным путем, на-
рушающим историческую преемственность, представляется
Макинтошу абсолютно недопустимым: “Попытка, всегда
безуспешная, изменить путем насилия древние обычаи
людей и существующий общественный строй, либо при-
способить эти обычаи к совершенно новой системе госу-
дарственной власти, является результатом чрезмерной
самонадеянности и невежества; она требует жесточай-
ших тиранических мер и чревата непредвиденными для
тех, кто ее предпринял, последствиями; к тому же она,
как правило, ведет к появлению институтов совершенно
противоположных тем, какие предполагалось устано-
вить”. Свободный же строй, по словам Макинтоша, это —
“скорее порождение времени и природы, нежели плод че-
ловеческой изобретательности”².

Нетрудно заметить, что методологический подход ав-
тора “Расуждений” к трактовке социальных и политичес-
ких проблем практически полностью повторяет подход
Бёрка. Впрочем, и сам Макинтош прямо заявлял о том,
что преклоняется перед своим бывшим оппонентом не
только и не столько за его красноречие писателя, сколь-
ко за мудрость философа³. В то же время, стараясь со-
блюсти надлежащее равновесие, Макинтош подчеркивал,
что в политике относится к Фоксу с ничуть не меньшим
уважением, чем к Бёрку⁴.

И все же виги восприняли его сочинение как измену.
Зато члены правительства, лидеры тори У. Питт-мл.,
Дж.Каннинг, Г. Аддингтон, лорды Мелвил и Лауборо по-
спешили засвидетельствовать автору свое восхищение⁵.
Запрет на выступления был снят, и в феврале 1799 г. Ма-
кинтош начал чтение курса по естественному и междуна-
родному праву, который стал заметным явлением в обще-

1 Ibid. P. 38.

2 Ibid. P. 39.

3 Ibid. P. 41.

4 Ibid. P. 38.

5 The Life of J. Mackintosh. Vol. 1. P. 111.

ственной жизни страны. Правда, в зале не было видно никого из его бывших друзей по оппозиции, демонстративно проигнорировавших это событие, но зато присутствовали многие из членов обеих палат парламента от правящей партии.

Хотя ни одна из 39 лекций в дальнейшем не была опубликована, об их содержании в определенной степени можно судить по отрывкам, приведенным в биографии Макинтоша. По-видимому, он продолжал придерживаться той же линии, что и в опубликованном введении: не касаясь конкретных событий, теоретически обосновать жизненно важную роль в политике христианских мировоззренческих ценностей и одновременно выявить социальную опасность рационалистических теорий Просвещения.

Однако его попытка удержаться на уровне высокой теории, не "опускаясь" до злободневных вопросов, оказалась тщетной. Крайне правый журнал "The Anti-Jacobin Review" из номера в номер печатал специальные комментарии, в которых выдвинутые Макинтошем теоретические положения напрямую увязывались с текущей политической ситуацией¹. Например, в мартовском выпуске автор обзора советовал читателям обратить внимание на то, что критика лектором просветительских учений об обществе прямо относится к принципам английских радикалов: "Мы рекомендуем ознакомиться с ней тем, кто цитируя Пейна, Уолстонкрафт, Холкрофта и Годвина, думает, будто показывает знание философии, тогда как на самом деле всего лишь повторяет либо плагиат дрянной поэзии, либо такие фантазии, которые, хотя и оригинальны, но еще в большей степени экстравагантны, нелепы и вредны"². В февральском же номере, помимо редакционного комментария, было опубликовано открытое письмо некоего "Друга постоянства" (ехидный намек на перемену взглядов Макинтошем) с похвалами лектору, чье выступление "поможет исправить те заблуждения, которые обусловили нынешнее бедственное состояние Европы, и про-

¹ The Anti-Jacobin Review and Magazine. Vol. 2. 1799. February. P. 140-146; March. P. 275-278; April. P. 388-383.

² Ibid. March. P. 278.

тивостоять тем пагубным системам, которые больше, чем оружие, позволили французским революционерам подорвать мирное, процветающее и независимое существование стольких народов..."¹

После того, как Макинтош завершил свой курс, Каннинг передал ему предложение Питта войти в правительство. Но Макинтош, по-прежнему считая себя вигом, отказался поддержать подобным шагом внутреннюю политику тори, направленную на ограничение гражданских свобод. Вероятно, он не хотел связывать себя обязательствами, способными в дальнейшем помешать ему поддерживать новые реформаторские начинания сторонников Фокса, которых Макинтош продолжал считать своими единомышленниками. 13 июня 1799 г. он в беседе с Т. Грином поделился планами на будущее: "во-первых, уничтожение лживой, ужасной, фанатической философии, которая, если мы ее не погубим, несомненно погубит нас, а во-вторых, оживление и воспламенение старинного, благородного духа свободы, подавленного в настоящее время страхом, частично обоснованным, а частично умышленно раздуваемым..."² В одном из писем того времени Макинтош признавал, что Англию уже нельзя считать "прибежищем свободы", но в эпоху повсеместного краха общественных устоев она еще остается "прибежищем цивилизации", которому угрожают "погубители мира", то есть — французы³.

Переворот 18 брюмера потряс Макинтоша. Революция, начинавшаяся под лозунгами борьбы за свободу в результате привела к установлению, как он считал, еще более жестокой "тирании". 6 января 1800 г. Макинтош писал своему другу Дж. Муру: "Из вопросов общественной жизни нет ничего более достойного обсуждения, чем недавно происшедший поразительный переворот во Франции, начисто искоренивший там все принципы демократии и лишивший народ всякого участия в управлении, причем не на время, как пытались сделать прежние узурпаторы, а навсегда... Всей полнотой власти теперь откры-

¹ Ibid. February. P. 222.

² The Life of J. Mackintosh. Vol. 1. P. 93.

³ Ibid. P. 109.

то и навечно наделен Бонапарт и группа его приспешников, главных софистов и разбойников революции — новая знать, рожденная в бесчестии, патриции якобинизма, в рядах которых дворянством мантии являются теоретики грабежа, а дворянством шпаги — герои 2 сентября¹. Макинтош также сообщал Муру, что решился, наконец, публично осудить Французскую революцию. Видимо, он уже не боялся, что в новой ситуации, когда происшедшее в соседней стране стали гораздо чаще связывать со словом “деспотизм”, нежели “свобода”, его выступление может быть истолковано как признание несостоятельности программного для виггов принципа умеренной демократизации политического строя. “Мое намерение, — писал Макинтош, — зимой в лекциях признать открыто и недвусмысленно, что я ненавижу, порицаю и навсегда отвергаю Французскую революцию с ее кровавой историей, ужасными принципами и на веки проклятыми вождями. Надеюсь, я смогу смыть позор того, что, впад однажды в искушение, одобрил этот заговор против Бога и человека, это величайшее бедствие для мира и самое большое бесчестие для истории рода людского”².

Зимой 1800 г. Макинтош снова читал курс по естественному и международному праву, отказавшись на сей раз от намеков и недоговорок в отношении Французской революции и прямо заявив о ее неприятии³. У.Хэзлит, посещавший эти лекции, позднее вспоминал: «Современная философия, ее передовые бастионы, цитадель и другие укрепления рушились даже не от удара, а от одного лишь “дуновения его неистовой веры”, словно картонный домик. Вулкан Французской революции, казалось, догорал так же быстро, как костер из соломы; принципы реформы разлетались во все стороны, как мякина при резком порыве северного ветра»⁴.

Макинтош по-прежнему продолжал считать, что революция еще не закончилась и Бонапарт продолжает дело

1 Ibid. P. 124-125.

2 Ibid. P. 125.

3 Ibid. P. 123.

4 *Hazlitt W. The Spirit of the Age.* P. 134.

Робеспьера. 27 сентября 1800 г. он писал Муру: "Я знаю, вы полагаете, будто господство софистики уничтожено генералами, но взгляните на успешный захват и узурпацию власти, подумайте о популистских формах и названиях французской тирании, о непримиримой войне со всеми остатками древней системы Европы, на которую Францию обрекли ее новые традиции и институты..." Оценивая подобным образом бонапартистский режим, Макинтош продолжал бороться с призраком революции: "Что касается моих собственных чувств, то я не желаю ничего, кроме гибели Французской революции, но при всем моем желании у меня нет на это надежд"¹.

В этот период крайнего ожесточения идейно-политической борьбы Макинтош вынужден был балансировать между двумя враждующими лагерями. Оставаясь сторонником либеральных преобразований, о чем, в частности, свидетельствует неоднократно им высказываемая мысль о недостатке свободы в Англии, он, однако, категорически отвергал утилитаристские и естественноправовые теории просветителей в качестве идеологического обоснования реформ, каковым они были на протяжении всей второй половины XVIII в. Поэтому, хотя Макинтош так и не вошел в правящую коалицию тори и правых вигов, радикальные публицисты клеймили его как "предателя" за отказ от прежних взглядов. Например, Ч. Лэм в широко известной эпиграмме прямо уподоблял его "гнусному отступнику Иуде"².

Возможность выступить в защиту своей новой идейной позиции представилась Макинтошу в связи с "делом Холла". Его друг диссентерский священник Р. Холл, тоже вначале симпатизировавший Французской революции, а затем осудивший ее, опубликовал проповедь "Против современного безбожия", за что подвергся жестокой критике со стороны издателя "Cambridge Chronicle" Б. Флауэра, который обвинил Холла в отступничестве от прежних убеждений. Макинтош воспринял эти упреки едва ли не как личное оскорбление. Его ответ Флауэру в "British Critic" от-

¹ The Life of J. Mackintosh. Vol. 1. P. 143-144.

² См. *Dechamps J. Op. cit.* P. 189.

личался обычно ему не свойственной резкостью, порой граничившей даже с грубостью. Защищая Холла, Макинтош пытался оправдать прежде всего себя самого: "Первое его (Флауэра — А. Ч.) обвинение состоит в том, что м-р Холл говорит теперь о Французской революции иначе, чем в 1793 г. А много ли людей сохранило на сей счет свое прежнее мнение? Возможно, есть такие, и, видимо, м-р Бенжамен Флауэр один из них; это — те, чьи сердца слишком черствы, чтобы их могли тронуть преступления, или — те, чьи головы слишком тупы, чтобы опыт мог их чему-нибудь научить". Макинтош заявлял, что ни м-р Холл, ни он сам не принадлежат ни к первым, ни ко вторым, и возмущался тем, что "пылкие речи юности" противопоставляются "более зрелым взглядам".

Разделяя мнение Холла об опасности "безбожия", Макинтош подчеркивал, что распространение "безнравственного, антиобщественного и варварского духа атеизма" стало причиной "большей части ужасов последних лет". В подтверждение он ссылался на переписку Вольтера, Дидро и д'Аламбера. И хотя о "заговоре" Макинтош прямо не говорил, этот аргумент был явно позаимствован в только что вышедших и весьма популярных тогда "Мемуарах" Баррюэля. Если в "Иске галлов" Макинтош оспаривал мысль Бёрка о разрушительном воздействии атеистических идей на социальные устои, то теперь он ее полностью разделял, заявляя, что главная угроза Англии исходит от "последователей Кондорсе и Вольнея". О подобной опасности, считал он, свидетельствует то, что шахтеры Корнуолла готовы продать последнюю рубашку, лишь бы приобрести "нечестивые бредни Томаса Пейна", что многие, некогда религиозные шотландцы предали огню свои Библии, что влиятельная демократическая организация — Лондонское корреспондентское общество признало веру в Бога "вредным предрассудком". Именно угроза "мятежа против религии", утверждал Макинтош, и побудила Холла, и его самого, осудить "апостолов атеизма — союзников французских республиканцев"¹.

В 1802 г. Макинтошу, казалось, представилась хоро-

¹ Notice. P. 47.

шая возможность практически применить свои способности на реформаторском поприще. 7 июня он получил приглашение министра иностранных дел России графа Кочубея принять участие в составлении Свода законов империи¹. Макинтош, как свидетельствует его ответ, был немало польщен подобным предложением. "Невозможно... — писал он, — без радости думать об отмеченных такой полезностью и поразительным великодушием замыслах, вынашиваемых монархом, от которого зависит счастье величайшей державы в мире. Не буду притворяться, скрывая чувство удовлетворения от того, что признан достойным в той или иной степени содействовать выполнению столь благородной миссии"².

Макинтош советует молодому императору проводить политику постепенных и осторожных реформ, свободных от любых крайностей. Так, предупреждая монарха о сложностях, которые могут встретиться в ходе преобразований, он пишет: "Эти трудности, несомненно, очень велики. Но я горячо надеюсь, что они в данном случае будут побеждены силой и мудростью Его Императорского Величества; прежде всего его благим желанием не должны препятствовать два великих врага законодательства: суеверная боязнь усовершенствования и фанатическое стремление к новому. Он, как показывает сам замысел, выше первого, а опыт нынешнего времени достаточен, чтобы предостеречь от второго. Несомненно останется много сложностей, обусловленных существом предмета, но они не являются непобедимыми для сочетания благоволения к ближнему и осторожного благоразумия, образующего основу характера законодателя"³. Впрочем, до практической реализации этих советов дело не дошло. В связи с переменой внутреннего курса Александра I переписка "молодых друзей" царя с либеральным английским мыслителем прекратилась⁴.

1 РГАДА. Ф. 30. Новые дела. Д. 312. Лл. 1-8.

2 Там же. Л. 9.

3 Там же. Л. 9 об.

4 Подробнее см.: Чудинов А. В. Дж. Макинтош — защитник "галльских свобод" и кандидат в юрисконсульты русского

После подписания 25 марта 1802 г. Англией и Францией Амьенского мира Париж заполнили толпы любопытствующих англичан, желавших воочию ознакомиться с результатами великой революции. "Число путешественников, отправляющихся еженедельно из Дувра в Кале и из Кале в Англию, простирается до двух тысяч персон", — сообщали тогда "Московские ведомости"¹. Осенью 1802 г. приехал во Францию и Макинтош, чтобы провести месяц в ее столице². Парижане, еще не знавшие о его новых воззрениях, приветствовали его как автора "Иска галлов". Даже у Бонапарта, которому он вместе с другими европейскими знаменитостями был представлен на грандиозной и широко затем обсуждавшейся в прессе³ аудиенции, в списке гостей против фамилии Макинтоша стояло: "Человек, написавший неопровержимый ответ Бёрку"⁴. Впрочем, сам Макинтош таковым себя уже не считал и, как отметил в своем дневнике Дж. Мур, отвечал всем французам, хвалившим "Иск галлов": "Господа, вы так хорошо меня опровергли..."⁵

Время, проведенное в Париже, Макинтош использовал для углубления своих знаний о Французской революции. "Вид мест и людей, о которых я так много читал, думал, переживал, вновь вызвал у меня большой интерес. Детальное знакомство с революционной историей сделало исследование легким и успешным", — писал он другу⁶. Именно теперь Макинтош убедился, что 18 брюмера означало не продолжение революции, а ее конец. Правда, это открытие ничуть не изменило его критического отношения к бонапартистскому режиму, который он считал деспотическим.

императора // Великая французская революция и Россия. М., 1989.

¹ Московские ведомости. 1802. 26 ноября.

² The Life of J. Mackintosh. Vol. 1. P. 176.

³ См.: Moniteur. An XI. 16 vendemaire. (1802. 8 oct.); Journal de Paris. An XI. 17 vendemaire. (1802. 9 oct.); Московские ведомости. 1802. 5 ноября.

⁴ The Life of J. Mackintosh. Vol. 1. P. 177.

⁵ Ibid. P. 175.

⁶ Ibid. P. 177.

Впечатлениями от поездки Макинтош поделился с одним из своих друзей в письме от 14 декабря 1802 г.: "Как мне показалось, все элементы свободного строя или даже просто гражданского управления были разрушены и рассеяны во время революции. Признаюсь, ничто не удивило бы меня больше, чем увидеть какую-либо власть во Франции, не опирающуюся прежде всего на военную силу; революция единодушно порицается; боязнь изменений сильнее, чем стремление к ним в 1789 г.; народ надломлен и лишь немногие добродетельные, хорошо образованные люди, не имеющие ни последователей, ни согласия друг с другом, ни выдающихся талантов, живут тщетными надеждами на свободу, — таковы наиболее поразившие меня черты политической ситуации во Франции"¹.

Вскоре Макинтош публично выступил с критикой наполеоновской диктатуры в нашумевшей "Речи в защиту Ж.Пелтье". Воспользовавшись установлением мира, Бонапарт попытался нанести удар по выходящим в Англии изданиям роялистской эмиграции. Французское правительство потребовало у английских властей привлечь к суду по обвинению в клевете и подстрекательстве к покушению на Бонапарта известного роялистского журналиста Ж. Пелтье. Судебный процесс, состоявшийся 21 февраля 1803 г., привлек широкое внимание английской публики и подробно освещался в зарубежной печати². "Дело Пелтье" получило такой резонанс, что официально Парижу пришлось даже выступить с опровержением "слухов", будто оно было возбуждено по личному указанию Первого консула³. Обязанности государственного обвинителя исполнял будущий премьер-министр Англии С. Персеваль. Защищал подсудимого Дж. Макинтош, произнесший многочасовую речь, убеждая присяжных отвергнуть домогательства Бонапарта, как покушение на священную для англичан свободу слова.

¹ Ibid. P. 179.

² См., например: Journal de Francfort. 1803. 5, 8 mars; Journal de Paris. An XI. 9, 11 ventose. (1803. 28 fevr., 2 mars).

³ Moniteur. An XI. 12 ventose (1803. 3 mars); Journal de Paris An XI. 13 ventose (1803. 4 mars).

Поскольку конфликт, ставший причиной процесса, имел прямую связь с событиями революционного десятилетия, их анализу была посвящена значительная часть выступления Макинтоша. Он фактически разделил историю Франции конца XVIII столетия на три основных периода: "Французская революция началась с огромных и роковых ошибок. Эти ошибки вызвали ужасные преступления. Ограниченная и слабая монархия сменилась кровавой анархией, породившей затем военной деспотизм"¹. Таким образом Макинтош обозначил следующие этапы Французской революции: "период ошибок", "период анархии" и "период военного деспотизма". Нетрудно установить их хронологические рамки: первый длился с начала революции до падения монархии, т. е. до 10 августа 1792 г.; второй — с 10 августа до установления бонапартистского режима, т. е. до 29 ноября 1799 г.; после чего начался третий, который к февралю 1803 г. еще не закончился.

О первом периоде Макинтош больше не говорит ни слова, явно не желая критиковать (а по-другому, учитывая характер аудитории он просто не мог отозваться о деятелях революции) идейно близкую ему "партию" конституционалистов, игравшую на том этапе ведущую роль. По-видимому, он относил к их "огромным и роковым ошибкам" не столько само стремление к преобразованиям, сколько избранные для этого методы, так как себя он по-прежнему причислял к сторонникам реформ, которые должны, однако, осуществляться не путем насилия, а по требованию общественного мнения, способного, как он полагал, наложить "моральные ограничения" на самого могущественного из тиранов². Либеральные настроения Макинтоша проявились также в положительной оценке им польской революции и осуждении союзных Англии держав за раздел Польши³. Впрочем, в данном вопросе его точка зрения полностью совпадала с позицией Бёрка, ко-

¹ *Mackintosh J. A Speech in Defence of Jean Peltier // The Miscellaneous Works. P. 491.*

² *Ibid. P. 486.*

³ *Ibid. P. 501-502.*

торый еще в 90-е годы XVIII в., не скрывая симпатии к имевшим место в Польше осторожным и "реалистичным" преобразованиям "сверху", противопоставлял их Французской революции и порицал союзников за интервенцию польские дела¹.

Но если об отношении Макинтоша к деятелям первого этапа революции мы можем лишь догадываться с большей или меньшей степенью вероятности, то его враждебность к якобинцам не вызывает ни малейших сомнений. Он жестко критикует их за приверженность насильственным методам, ставшую, по его мнению, причиной "многих злодеяний, особенно пагубных из-за предлога, под которым их совершали, потому что тем самым был придан ужасный и отвратительный вид благороднейшей из целей, к коим стремится человечество; ведь эти злодеяния уже почти превратили понятия свободы, реформы и гуманности в синонимы анархии, грабежа и резни..."² К числу "якобинцев" Макинтош, подобно Бёрку, относил как жирондистов, так и монтаньяров, как робеспьеристов, так и термидорианцев. "Все эти Бриссо, Мараты, Робеспьеры, Бареры, Тальены, Ребелли, Мерлены, Баррасы" составляли, по его словам, "длинный ряд кровавых тиранов, угнетавших собственную страну и оскорблявших всякую другую, ограбить которую были не в силах"³. Макинтош считал всех их членами единой "республиканской партии", состоявшей из честолюбивых, "дерзких авантюристов" («они не имеют иных стремлений, целей и желаний — только кровь и власть»⁴) и из продажных "софистов", готовых служить любому хозяину. И те, и другие обманывали народ призраком свободы, превратив в "слепое и бездумное орудие многих преступлений"⁵.

Как видим, характеристика якобинцев Макинтошем практически полностью совпадает с оценкой их в поздних

¹ *Burke E. An Appeal from the New to the Old Whigs (1791). P. 243-246; Idem. Remarks on the Policy of the Allies (1793). P. 153.*

² *Mackintosh J. A Speech in Defence of Jean Peltier. P. 503.*

³ *Ibid. P. 489-490.*

⁴ *Ibid. P. 492.*

⁵ *Ibid. P. 491.*

работах Бёрка. Так же “по-Бёрку” Макинтош трактовал вопрос о взаимоотношениях революционного меньшинства и основной массы населения. “Дух якобинизма”, утверждал он, “не является духом спокойного и законопослушного большинства французов. Они скорее страдали, чем действовали во время революции”¹. И далее: “Несчастный народ всегда оказывается прикрытием, орудием и жертвой политических преступлений!”²

Одним из таких преступлений Макинтош считал неоднократно имевшие место в период якобинского правления посягательства на частную собственность и определял их как “узаконенный грабеж”³. Другим преступлением якобинцев был, по его убеждению, революционный террор, достигший своего пика в “царствование Робеспьера” (август 1792 — июль 1794 г.)⁴. На этот период пришлась “цепь кровавых злодеяний”, призванных запугать народ и в зародыше подавить попытку всякого сопротивления “самой постоянной, всепроникающей, разносторонней и вездесущей тирании, которая когда-либо только существовала, тирании, распространявшейся на все классы общества и имевшей в каждой деревне Франции своих исполнителей и свои жертвы.”⁵ Макинтош осудил, как произвол и беззаконие, деятельность революционных трибуналов;⁶ предложение же юриста М. Робеспьера казнить низвергнутого монарха без суда “по праву восстания” он считал просто кощунственным. В своей речи Макинтош также неоднократно приводил со ссылкой на французскую печать примеры террористической деятельности Ж. М. Колло д’Эрбуа, Ж. Фуше и Ж. Б. Карье⁷.

Не видя принципиальных различий между робеспьеристским и термидорианским режимами, Макинтош считал переворот 9 термидора результатом личных разногла-

1 Ibidem.

2 Ibid. P. 497.

3 Ibid. P. 492.

4 Ibid. P. 503.

5 Ibid. P. 492.

6 Ibid. P. 493.

7 Ibid. P. 496-497, 503.

сий лидеров “республиканцев”: «Примечательно, что сам Робеспьер находился в безопасности, пока не напал на своих приспешников. Воля добродетельных людей была сломлена и ни у кого не оставалось силы духа, чтобы свергнуть Робеспьера, кроме как у дерзких головорезов, соучастников его тирании»¹. Впрочем, по мнению Макинтоша, гибель Неподкупного практически не изменила характера режима: в Директорию вошли бывшие члены Конвента, которые после фрюктидора столь же решительно расправились с монархистами, отправив их “умирать на плантациях Гвианы”, как ранее это делали Робеспьер, Сэн-Жюст и Кутон, сотнями посылавшие их на гильотину. Кроме того, всей полнотой власти по-прежнему обладали исполнительные органы, а законодательные институты оставались всего лишь “насмешкой над представительными собраниями”². Исходя из всего этого, Макинтош объединял якобинский и термидорианский этапы революции в рамках одного периода “господства анархии”.

Впрочем, в его отношении к каждому из этих двух типов режимов все же были и свои нюансы. Если “царствование Робеспьера” Макинтош критиковал прежде всего за террор внутри страны, то Директорию — за внешнюю экспансию. В 1791 г. автор “Иска галлов” считал “деспотическими” государствами не только все абсолютные монархии Европы, но и аристократические республики Голландии и Швейцарии, теперь же он признавал те наиболее совершенными, после британской, формами правления и осуждал оккупацию их французскими войсками³. Особую опасность, по его мнению, представляли попытки французов высадиться в Ирландии и поднять местное население на восстание против англичан: “Их успех означал бы уничтожение последнего, еще сохраняющегося в Европе свободного государства — Англии, единственного оплота остатков независимости европейских народов. В качестве средства достижения своей цели они использовали ярость невежественного, варварского крестьянства и

¹ Ibid. P. 491.

² Ibid. P. 493-494.

³ Ibid. P. 486, 496, 502.

гражданскую войну, что не могло не вызвать ужасных преступлений и ужасного возмездия, сопровождающих наихудшее из всех бедствий, какие только могут пасть на человечество, — мятеж рабов”¹.

Как уже отмечалось, в ходе визита во Францию осенью 1802 г. Макинтош пришел к выводу, что переворот 18 брюмера положил конец революции. Ту же мысль он повторил и развил в “Защите Ж. Пелтье”: «В то время все принципы власти и гражданской дисциплины, уполномочившие одних управлять, а другим предписавшие подчиняться, были уничтожены в умах ужасными теориями и еще более ужасными примерами, каждый старый институт дерзко попирался, а каждый новый с рождения был покрыт кровью. Сам принцип собственности, последняя твердыня общества был ниспровергнут. Собственность оказалась осквернена тем, что новые владельцы, называть которых таким словом заставляет лишь бедность языка, приобретали ее посредством грабежа и убийства. Она была отделена от образования и хороших манер, не предполагая больше блестящих знаний и совершенной честности владельцев, что вообще-то только и давало им право на искреннее уважение. Народ приучали презирать все старое и вынуждали испытывать отвращение ко всему новому. И тогда остался лишь один принцип, достаточно сильный, чтобы сохранить целостность общества... Я имею в виду принцип военной власти, воплотившийся в жизнь в результате потрясений и кровопролитий, которые привели к распаду всех остальных элементов общества, и оказавшийся в этой ужасной, чрезвычайной ситуации единственным средством, предохраняющим общество от полного разрушения”². Однако, даже признавая необходимость установления в определенный момент военной диктатуры, Макинтош сохранил критическое отношение к режиму Бонапарта, существенно ограничившему гражданские права подданных.

Не удивительно поэтому, что его выступление одобрили не только антибонапартистски настроенные торы (по-

¹ Ibid. P. 496.

² Ibid. P. 491.

сле суда свои поздравления ему принес государственный обвинитель С. Персеваль¹), но и либеральные политики Англии и Франции, которые приветствовали защиту оратором гражданских свобод и умеренных реформ. Сторонник Фокса, известный адвокат Т. Эрскин в тот же день написал Макинтошу: "Никак не могу придти в себя, такое впечатление на меня произвела ваша изумительно яркая речь... Я полностью согласен с вердиктом (присяжные сочли Пелтье виновным, однако приговор ему не был вынесен — А. Ч.), но ваше сопротивление ему всегда буду рассматривать как один из прекраснейших памятников гения, литературного таланта и красноречия".² Находившаяся тогда в Англии Ж. де Сталь, идеолог французских конституционалистов, также оценила речь Макинтоша как одно из самых блестящих произведений ораторского искусства нового времени³. "Этот образец изумительного красноречия, — вспоминала она позднее, — взволновал меня до глубины души: выдающиеся писатели всегда и во всех странах способны, порой сами того не подозревая, дарить утешение несчастным"⁴.

Одобрение со стороны представителей либеральных кругов имело для Макинтоша чрезвычайно большое значение, поскольку он продолжал считать себя их единомышленником. Об этом, в частности, свидетельствовал и его отказ на полученное вскоре после процесса над Пелтье предложение тори войти в их правительство⁵.

И все же весной 1803 г. Макинтош, испытывая серьезные материальные трудности, принял пост судьи Бэмбея и рыцарское звание, что дало основание многим недоброжелателям обвинить его в измене делу оппозиции по корыстным соображениям⁶. Лишь немногие из современников понимали, что подобное назначение было в действи-

1 The Life of J. Mackintosh. Vol. 1. P. 181-182.

2 Цит. по: Goodrich Ch. Op. cit. P. 825.

3 Staël A. L. H. Dix années d'exil. P., 1904. P. 88.

4 Ibid. P. 96.

5 The Life of J. Mackintosh. Vol. 1. P. 189.

6 Deane S. Op. cit. P. 45-46.

тельности только почетной ссылкой.¹

Таким образом, спор Бёрка и Макинтоша о содержании и перспективах Французской революции в определенной степени разрешила сама же революция. Надежды Макинтоша на то, что принятие в 1791 г. Конституции приведет к постепенному прекращению “эксцессов”, потерпели полный крах. Его прогноз относительно будущего, в отличие от предсказаний его оппонента, не оправдался. Уже в статье “Доводы против войны с Францией в 1793 г.” Макинтош был вынужден признать правоту Бёрка по ряду ключевых вопросов интерпретации происшедшего, в частности, относительно того, что уникальность Французской революции и ее особая опасность для исторически сложившихся структур общества была связана прежде всего с доминирующей ролью в революционном процессе утопической идеологии.

К сожалению, имеющиеся у нас источники не позволили во всех подробностях проследить эволюцию философских взглядов Макинтоша в 1794-1796 гг. Можно лишь констатировать: в 1793 г. его трактовка французских событий еще строилась на утилитаристской основе, а уже в конце 1796 г. он говорил о себе, как о стороннике философских воззрений Бёрка. Более того, в 1799 г. в лекциях по международному и естественному праву, насколько можно судить по опубликованному введению в этот курс, Макинтош дал гораздо более систематизированное изложение принципов философской традиции “естественного закона”, нежели можно встретить в любом из произведений Бёрка, носивших, как правило, публицистический характер.

Не удивительно, что приняв, как и Бёрк, в качестве методологической основы анализа социальных явлений принципы христианского мировоззрения, Макинтош в своем наиболее значительном для данного периода произведении о Французской революции — “Защите Ж. Пелтье” — предложил трактовку революционных событий, во многом близкую интерпретации Бёрка. Так, мнения обоих мысли-

¹ *Hazlitt W.* The Spirit of the of the Age. P. 13.

телей практически полностью совпадали относительно исторического значения подрыва христианских ценностей просветительской философией, отсутствия необходимости революционного ниспровержения Старого порядка, социального и идеологического содержания феномена якобинизма, а также по многим другим вопросам.

В то же время нельзя согласиться и с широко распространенной в исторической литературе точкой зрения, что Макинтош в конце 90-х гг. XVIII в. безоговорочно принял берковскую концепцию в целом. Между бывшими оппонентами, ставшими затем единомышленниками, все же еще оставались определенные разногласия, выразившиеся, в частности, в разных оценках первого периода революции. В отличие от Бёрка, Макинтош никогда не критиковал конституционалистов, игравших на том этапе ведущую роль в революционных событиях. Это различие во взглядах было, однако, связано не с методологическими, а с политическими расхождениями. Бёрк так и не сумел убедить Макинтоша отказаться от поддержки реформаторского крыла вигов ("фокситов") и перейти в лагерь правительства. Оставаясь даже в период наибольшего поправления своих взглядов сторонником либеральных реформ, Макинтош неизменно сохранял симпатии близким себе по духу конституционалистам, выступившим в 1789-1791 гг. с программой достаточно умеренных преобразований, которую он сам некогда определил как "политическая революция".

3. Макинтош и либеральные движения в Европе первой трети XIX в.

26 мая 1804 г. Макинтош прибыл в Бомбей, где по условиям контракта ему предстояло провести не менее восьми лет. Здесь, за тысячи миль от Европы, вдали от сотрясавших Старый Свет политических бурь он получил возможность со стороны взглянуть на борьбу идей в предшествующие полтора десятилетия и более объективно оценить свою роль в ней. О его размышлениях на сей счет свидетельствует, в частности, письмо Р. Шарпу от 9 дека-

бря 1804 г., где Макинтош попытался объяснить другу (а в определенной степени, вероятно, и себе самому), каким образом от восторженного почитания Французской революции он пришел к почти полному ее неприятию. По-прежнему, как и в 1799 г., называя принципы "Иска галлов" ошибочными, он, однако, отзывался о них уже гораздо терпимее, называя их всего лишь "незрелыми суждениями", порожденными "пылким энтузиазмом юности и надеждой на установление лучшего общественного порядка"¹. Одновременно он выражал недовольство и своими высказываниями о революции последних лет: "Я хорошо вижу, что слишком сильно отклонился от первоначальных убеждений в противоположную сторону. Ведомый горячим желанием искупить прежние ошибки, я зашел слишком далеко. В борьбе против революционных принципов естественная для полемики запальчивость привела меня к крайностям"².

Макинтош писал, что отныне хотел бы придерживаться в политике некой "средней линии", свободной от резких колебаний, хотя и считал эту задачу весьма непростой: "Мне кажется, что сейчас я действительно нахожусь в условиях, больше располагающих к беспристрастности. Поэтому-то я и ставлю себе цель пересмотреть свои былые взгляды. Но могу ли я быть достаточно уверен в том, что установление во Франции деспотической монархии, а также ужасные последствия тирании и обмана, которые я сейчас вижу вокруг себя, опять не приведут к некоторой эволюции моих воззрений в демократическом направлении?"³

В Индии Макинтош мог более свободно высказываться в пользу курса умеренных либеральных реформ, приверженность которому он, как мы видели, сохранял даже в период своего наибольшего сближения с консервативными кругами. На открытии 26 ноября 1804 г. Литературного общества Бомбея Макинтош произнес речь, следующим

¹ The Life of J. Mackintosh. Vol. P. 130.

² Ibid. P. 133.

³ Ibid. P. 133-134.

образом сформулировав свое идейно-политическое кредо: "Стремление к преобразованию общества живет в моем сердце, несмотря на все несчастья, перенесенные Европой; оно не угасло даже в то особенно неблагоприятное для нововведений время, когда нашей стране угрожала опасность"¹. При этом он считал совершенно недопустимыми какие-либо насильственные изменения, почти дословно повторяя слова Бёрка из "Размышлений о революции во Франции": «Средством улучшения не может быть то, что не является также и средством сохранения»². Реформы, утверждал Макинтош, должны отвечать состоянию общества в целом и, в частности, общественного мнения, которое надо осторожно и кропотливо готовить к нововведениям.

Впрочем, его собственный опыт подготовки преобразований путем просветительской деятельности в Британской Индии оказался весьма плачевным. Созданное им Литературное общество не пользовалось популярностью среди чиновников колониальной администрации, составивших основную массу европейского населения Бомбея³. Они относились к Макинтошу с большим подозрением из-за его ярко выраженных антиторийских настроений. В письме Р. Шарпу от 16 июля 1806 г. Макинтош сообщал: "Здесь установился культ (У. Питта-мл. — А.Ч.)..., всякое несогласие преследуется. Местное общество имело глупость просить меня председательствовать на собрании в честь открытия статуи м-ра Питта и разгневалось, когда я не пришел. Они называли меня сторонником Бонапарта..."⁴

Разумеется, последнее являлось чистой воды вымыслом. Большинство встречающихся в письмах Макинтоша за тот период критических замечаний в адрес британских властей было вызвано именно неспособностью правительства воспрепятствовать наполеоновской экспансии. В том же самом послании от 16 июля 1806 г. Макинтош

¹ *Mackintosh J. Discourse, Read at the Opening of the Literary Society of Bombay // The Miscellaneous Works. P. 403.*

² *Ibidem.*

³ *The Life of J. Mackintosh. Vol. 1. P. 236-237.*

⁴ *Ibid. P. 294.*

заявлял: “Я достаточно рано предсказал, что результатом никуда не годных мер, предпринимаемых на континенте, будет всемирная монархия...”¹ Не меньшим пессимизмом дышат строки, написанные 20 февраля 1808 г.: “Я действительно не вижу для нас никакой надежды; передо мной — ряд сменяющих друг друга кабинетов, каждый из которых совершает более опрометчивые поступки и терпит более позорные неудачи, чем предшествовавшие; все они, подобно пьяным матросам, заняты перебранкой, хотя корабль почти разваливается на части”².

Постепенно Макинтош приходит к мнению, что победить Наполеона можно, лишь подняв на борьбу с ним весь народ Англии, для чего необходима хотя бы некоторая демократизация политической жизни страны, к чему правящие круги были явно не готовы. Сравнивая главу правительства тори с Вильямом III Оранским, взошедшим на трон в результате Славной революции и сумевшим организовать отпор агрессии Людовика XIV во многом благодаря проведенным в Англии либеральным преобразованиям, Макинтош писал в 1805 г.: “Я убежден, что придя к власти со своими ставленниками и подчинив страну королю и его советникам, он (У. Питт-мл. — А. Ч.) принес больше вреда, чем король Вильям пользы...”³

В 1807 г., после отставки “правительства всех талантов”, куда входил и ряд левых вигов, одно время включая даже Фокса, Макинтош с горечью заметил: “Обстоятельства позволили им быть слишком демократичными для того, чтобы их пребывание у власти оказалось продолжительным, но все же недостаточно демократичными... для того, что в данной ситуации могло бы дать единственный, на мой взгляд, шанс спасти страну”⁴. Еще более категорично Макинтош высказался в письме Ф. Сайерсу 20 февраля 1808 г.: “Вы говорите, что являетесь тори потому, что желаете сохранить независимость и государственный строй своей страны. Позвольте же мне попросить вас задумать-

1 Ibidem.

2 Ibid. P. 375.

3 Ibid. P. 235.

4 Ibid. P. 273.

ся над тем, какая общая, по мнению всех, опасность угрожает и тому, и другому. Разумеется, одно лишь иностранное завоевание. Теперь, по крайней мере, вы можете не боятся демократии. Однако до сих пор ни у кого не вызывало сомнений, что именно демократическое государство лучше других приспособлено к организации обороны. Только демократия смогла оказать сопротивление Ксерксу... Несомненно, при прочих равных условиях привязанность масс к своей форме правления служит лучшей защитой от иностранного завоевания... Вот почему именно принципы виггизма способны создать наиболее надежный оплот против нынешней опасности"¹.

Впрочем, сам Макинтош довольно пессимистично смотрел на перспективы либеральных преобразований в Англии, полагая, что опыт Французской революции надолго отбил у политиков желание проводить реформы. В письме Дж. Тэйлору от 10 октября 1808 г. он признавал: "Ужасное разочарование во Французской революции и вызванная ею всеобщая реакция сделали непопулярными не только идею свободы, но и многое другое... Благотворительность частных лиц высмеивается, как лицемерие или непрактичность, а благотворительность власть имущих осуждается как первый шаг к анархии. Красноречие порицают как искусство демагогов, а над всяким проявлением чувств..., особенно если их устно или письменно выражают в художественной форме, смеются как над сентиментальностью"².

Да и сам Макинтош, как свидетельствуют дневниковые записи и корреспонденция индийского периода его жизни, все еще находился под сильным впечатлением от событий Французской революции, по-прежнему отвергая даже мысль о возможности эффективного изменения общества путём насилия: "...Чем больше крови будет пролито во время резни и террора, тем меньше останется шансов на установление свободного строя. Корень зла в том, что выжившие, привыкнув к жестокости и обману, окажутся

¹ Ibid. P. 377-378.

² Ibid. P. 440.

неспособны к жизни в условиях свободы”¹. Осуждая предпринятую во Франции попытку разрыва исторической преемственности, Макинтош в своих общеполитических представлениях, как он и сам признавал, полностью разделял взгляды Бёрка, хотя не всегда соглашался с его трактовкой некоторых конкретных вопросов истории и политики². Любопытно, что тогда он даже вынашивал идею написать биографию Бёрка и провел для этого большую подготовительную работу³.

Тема Французской революции по-прежнему находилась в центре научных интересов Макинтоша. Пытаясь понять причины происшедшего, он обратился к воспоминаниям современников о последних годах Старого порядка. Истоки революционного кризиса он видел прежде всего в “моральном состоянии” французского общества, в разрушении просветительской философией традиционных норм нравственности, особенно заметно, по его мнению, проявившемся в сфере частной жизни.⁴ Наиболее характерной фигурой в данном отношении он считал графа Мирабо. Тщательно ознакомившись с дневниками этого выдающегося деятеля первого этапа революции, Макинтош 30 октября 1807 г. записал в дневнике: “Мстительность, честолюбие и вызванный философией энтузиазм возбуждали его ум. Уверенность в приносимом им неоценимом общественном благе, похоже, позволяла ему применять любые средства, даже явно преступные. Он, по-видимому, не признавал никаких моральных норм и не уважал никаких моральных принципов. Единственной добродетелью, сохранившейся у него, было всепоглощающее желание свободы и счастья в обществе, которые, как он полагал, должны установиться в результате революции”⁵.

Разделяя в значительной степени точку зрения Бёрка о роли философии в подготовке революции, Макинтош, однако, отверг концепцию “заговора” в интерпретации

¹ Ibid. Vol. 2. P. 107.

² Ibid. Vol. 1. P. 314-315.

³ См.: *Deane S. Op. cit.* P. 52.

⁴ Подробнее см.: Ibid. P. 53-55.

⁵ The Life of J. Mackintosh. Vol. 1. P. 352.

Баррюэля. В письме от 19 января 1809 г. он посоветовал Ч.Батлеру, автору книги "Революции в империи Карла Великого", отказаться от ссылок на работу Баррюэля, как недостаточно обоснованную с научной точки зрения¹.

Стремление к большей объективности при рассмотрении событий и результатов революции проявилось также и в положительной оценке Макинтошем наполеоновского законодательства. "Уголовное право Англии, к нашему стыду и огорчению, значительно уступает этому кодексу. В то время, как английский парламент отвергает билль Ромилли (о смягчении некоторых видов уголовных наказаний — А. Ч.), Наполеон стремится произвести все возможные реформы в управлении и законодательстве, какие только не противоречат его единовластию. Мы сохраняем не приносящие никакой пользы недостатки ради них самих, — он отменяет инквизицию, феодальные держания, личную зависимость крестьян в Польше; он делает суд открытым и ограничивает применение смертной казни, он приносит в жертву разуму и гуманности нашего века все, кроме собственной власти. Тщетно ожидать, что такой контраст, разительный даже при сравнении с Англией, не говоря уже о других странах, не будет способствовать успеху его армий", — отметил Макинтош в дневнике 27 сентября 1810 г.²

Стремясь к объективному изучению Французской революции и отказавшись как от ее апологии, так и от огульного порицания, он явно хотел бы забыть о своих прежних филиппиках в ее адрес и очень раздражался, когда о них вспоминали другие. Вот, например, что он записал в дневнике 14 ноября 1811 г., прочитав изложение Т. Грином его (Макинтоша) разговоров с Бёрком в Бэконсфильде: "Я не столько польщен, сколько рассержен тем, что он опубликовал беседы со мною. Сделав это, он еще раз показал, что мои убеждения находились в разных состояниях, поочередно сменявших друг друга под влиянием Французской революции"³.

¹ Ibid. P. 448.

² Ibid. Vol. 2. P. 57-58.

³ Ibid. P. 147-148.

Таким образом, Макинтош вернулся в Англию весной 1812 г., будучи приверженцем той самой "средней линии", свободной от прежних крайностей, которую он наметил для себя еще в первые месяцы пребывания в Индии. Сторонник умеренных и постепенных реформ, он отныне считал своим долгом равно бороться против принципов как революции, так и реакции.

Возвращение на английскую политическую сцену известного публициста и оратора не осталось незамеченным обеими партиями. Менее, чем через две недели после появления Макинтоша на родине, с ним встретился его старый знакомый, ныне премьер-министр С. Персеваль и предложил стать членом парламента от партии тори. Макинтош вежливо отказался, а некоторое время спустя принял аналогичное предложение от вигов. Однако прежде, чем в июне 1813 г., он занял в палате общин место на скамье оппозиции, тори еще неоднократно предлагали ему различные государственные должности¹.

По мере того, как неизбежность краха наполеоновской империи становилась все более очевидной, между различными политическими силами Англии усиливались противоречия по вопросу о будущем устройстве Европы. Либеральная оппозиция требовала от правительства не допустить восстановления Старого порядка в освобожденных от французов странах. Самое активное участие в борьбе против наступления европейской реакции принимал и Макинтош. В декабре 1813 г. он сообщал дочери: "Мы, виги, боимся слишком больших успехов союзников. Мы не думаем, что хоть одна страна останется в безопасности, если они смогут дать Франции короля"².

В первой же своей парламентской речи Макинтош подверг критике союзные державы за посягательства на нейтральный статус Швейцарии и Голландии, а также осудил антидемократический переворот, совершенный в Голландии принцем Оранским³. В том же духе были вы-

¹ Ibid. P. 159-163.

² Ibid. P. 267.

³ The Parliamentary Debates. Ser. 1. Vol. 27. Col. 301-317.

держаны имевшие широкий международный резонанс¹ его выступления по вопросам внешней политики весной и летом 1814 г., когда после падения Наполеона началось переустройство Европы победителями². 1 и 22 марта 1815 г. Макинтош потребовал наказать английского губернатора Гибралтара за то, что он выдал Мадриду нескольких деятелей испанской либеральной оппозиции, искавших политического убежища во владениях британской короны. Он также предложил разрешить беспрепятственный въезд в Англию всем "жертвам деспотизма"³.

21 февраля 1815 г. Макинтош выступил против насильственного присоединения Генуэзской республики к Сардинскому королевству⁴. Этот его демарш был также отмечен зарубежной печатью⁵. Однако еще большую известность получила вторая речь Макинтоша об аннексии Генуи, произнесенная 27 апреля 1815 г.⁶ Лейтмотивом ее была мысль о том, что монархи не имеют права делить между собою народы, поскольку те собственно и были подлинными победителями Наполеона: "Длительное угнетение (французами — А. Ч.) Германии, вероломная оккупация Испании и ужасный разгром в России неизбежно должны были вызвать народное восстание против общего поработителя... Государи призвали свои нации к оружию и фактически встали во главе народного восстания против Наполеона"⁷. Только тогда империя Бонапарта рухнула. "Но разве это произошло лишь для того, чтобы на смену

¹ См.: The Life of J. Mackintosh. Vol. 1. P. 182; Vol. 2. P. 273-274; Moniteur. 1814. 25 mai, 16 août; Journal de Francfort. 1814. 6 août.

² См.: The Parliamentary Debates. Ser. 1. Vol. 27. Col. 845-850; Vol. 28. Col. 849-850.

³ Ibid. Vol. 29. Col. 1136-1151; Vol. 30. Col. 327.

⁴ Ibid. Vol. 29. Col. 933-940.

⁵ Moniteur. 1815. 28 fevr.

⁶ *Mackintosh J.* Speech on the Annexation of Genoa to the Kingdom of Sardinia // The Miscellaneous Works. P. 508-524. См. также: The Parliamentary Debates. Ser. 1. Vol. 30. Col. 841-939, 946-953. О международном значении этого выступления см.: *Зак Л. А.* Монархи против народов. М., 1966. С. 171-172.

⁷ The Parliamentary Debates. Ser. 1. Vol. 30. Col. 948-949.

одним хозяевам пришли другие и три министра иностранных дел распорядились в Париже генуэзской территорией? Разве для этого юноши Европы взяли за оружие от Москвы до Рейна? ...По-видимому, народы Европы были подняты на борьбу не для свержения тирании, а для передачи ее в другие руки," — заявлял Макинтош¹. По его мнению, "Венский конгресс, очевидно, полностью воспринял французскую систему, за исключением того, что диктаторскую власть над Европой теперь имеет не одно лицо, а триумvirат"².

В перерыве между парламентскими сессиями Макинтош во второй половине 1814 г. совершил поездку на континент. В последних числах августа он приехал в Париж, где провел две недели, а затем отправился в путешествие по Швейцарии. К концу октября он уже снова был в столице Франции. Два месяца он собирал материал для своей будущей книги о "Славной революции", работая в парижских архивах, доступ к которым получил по личному разрешению Ш. М. Талейрана³. И хотя на этот раз Макинтош не занимался специально изучением Французской революции, он, несомненно, пополнил свои знания о ней, благодаря многочисленным встречам с ее современниками и участниками.

Имя Макинтоша было достаточно широко известно во Франции и пользовалось значительным авторитетом, особенно в либеральных кругах. Перед самым его приездом французские либералы переиздали "Защиту Ж. Пелтье", как образец блестящей аргументации в пользу свободы печати⁴. Однако сам Макинтош был подчеркнуто сдержан в выражении своих политических взглядов и старался избегать любых дискуссий ("господин Согласие" — назвала его Ж. де Сталь⁵). Такая линия поведения обеспечила ему свободный доступ в различные политические круги. Макинтош познакомился с такими видными сторонниками

1 *Mackintosh J. Speech on the Annexation of Genoa.* P. 520.

2 *Ibid.* P. 522.

3 *The Life of J. Mackintosh.* Vol. 2. P. 308.

4 *Ibid.* P. 295.

5 *Ibid.* P. 324.

легитимизма, как английский главнокомандующий, герцог Веллингтон, французские общественные и государственные деятели Талейран, Ф. Р. Шатобриан, Ф. Барбе-Марбуа, Т. Ж. Лалли-Толландаль и др.

И все же гораздо более тесные связи он поддерживал с представителями французской либеральной оппозиции. Его старые друзья госпожа де Сталь и Бенжамен Констан представили Макинтоша маркизу Лафайету, беседа с которым произвела на него большое впечатление. После нее Макинтош записал в дневнике: "Это, по моему личному и теперь не модному убеждению, один из самых почтенных людей Европы. Он скромнен, безупречен, бесстрашен, несгибаем и неподкупен. Правда, он недостаточно учитывает опыт прошлого, но с другой стороны, пройдя через тяжкие испытания, он сохранил честность и твердость характера"¹.

Тогда же Макинтош познакомился с Ф. Гизо, ставшим в дальнейшем выдающимся историком и государственным деятелем. В дневнике Макинтош пометил: "Гизо — человек умный и много знающий"².

Живя в Париже и встречаясь с представителями различных социальных групп, Макинтош очень скоро обратил внимание на растущее в обществе недовольство политикой Людовика XVIII. Уже 31 августа он сделал в дневнике следующую запись: "Я не возьмусь предсказать, что здесь будет дальше. Армия и население городов настроены в пользу Наполеона; провинция, уже долгое время находящаяся под оккупацией союзных армий, недовольна; восстановленная династия непопулярна, но к миру, похоже, привыкают все сильнее... Друзья свободы ненавидят Бонапарта и недовольны Бурбонами. Восстановление ордена иезуитов и инквизиции — это слишком много для одного месяца, считают все"³.

25 ноября Макинтош снова отмечал: "Кажется, что правительство здесь презирают, а англичан с каждым

¹ Ibid. P. 309-310.

² Ibid. P. 321.

³ Ibid. P. 296.

днем ненавидят все больше”¹. Далее он подчеркнул, что усиление бонапартизма обусловлено прежде всего растущим “анти-бурбонизмом”.

Макинтош пытался понять, почему во французском обществе, еще недавно отвернувшемся от Наполеона, снова распространяются пробонапартистские настроения, почему многие предпочитают “деспотическую” власть Наполеона конституционной монархии Бурбонов. Легче всего ему было найти объяснение действиям армейской верхушки, изменившей императору весной 1814 г., но к осени уже оказавшейся в оппозиции королю: “Все на какое-то время устали от Наполеона. Эта усталость и еще больше успехи союзников бросили маршалов в объятия Бурбонов, но для короля было естественным почитать лишь Вандею, Киберон и т.д.”² В какой-то степени, считал Макинтош, подобные настроения свойственны и обществу в целом: “Французы, по моему мнению, негодуют больше из-за того, что Бурбоны лишили Францию величия, а не из-за того, что они отняли у нее свободу”³.

Уже перед самым отъездом на родину Макинтош записал 23 декабря 1814 г.: “Взаимная враждебность партий растет прямо на глазах и партия Наполеона явно набирает силу. Похоже, близится какая-то катастрофа... Бог знает, чем все это кончится. Возвращение Бонапарта уже не кажется столь же невероятным, как в августе, когда я только что сюда приехал”⁴.

Результатом размышлений над увиденным стала статья Макинтоша в “Edinburgh Review” “О положении Франции в 1815 г”, вышедшая в период Ста дней Наполеона, что придавало ей особую актуальность. Фактически это была третья (после “Иска галлов” и выступлений 1799-1803 гг.) попытка интерпретации Макинтошем революционных событий во Франции конца XVIII в. В определенной степени эту статью дополнили парламентарские речи Макинтоша за тот же период, в которых он несколько более

1 Ibid. P. 314.

2 Ibidem.

3 Ibid. P. 312.

4 Ibid. P. 324-325.

подробно рассмотрел ряд недостаточно освещенных в ней сторон революционной истории.

В этих работах Макинтош впервые после долгого перерыва вернулся к идее о праве народа на сопротивление гнету деспотической власти: "Не уважать чувства народа безнравственно, ибо это унижает его. Но подобное поведение еще и опасно, потому что в таком случае смелые и разумные люди неизбежно будут считать себя вправе выбирать подчиняться им или нет правителям, пренебрегающим той единственной обязанностью, для исполнения которой они только и существуют"¹.

Однако в своей трактовке проблемы революции он все же был весьма далек от подхода, некогда изложенного им в "Иске галлов", и фактически полностью присоединился к точке зрения на этот счет Э. Бёрка. Вооруженная борьба подданных с сувереном, утверждал Макинтош в 1815 г., допустима лишь с целью восстановления поправленных монархом реальных прав народа, как это имело место в ходе английской Славной и Американской революций, "произведенных с умеренностью, гуманностью и уважением к существующим властям и институтам, независимо от того, насколько те были необходимы для сохранения свободы"². В то же время он считал невозможным и недопустимым прибегать к насилию ради обновления общественного строя. Макинтош особо подчеркивал, что указанные революции "были совершены во имя защиты законного права, а не из-за стремления к политическим улучшениям. Они были необходимы как средство самообороны и не вышли за ее пределы"³.

Отстаивая принцип исторической преемственности и постепенности общественного развития Макинтош крайне критически отзывался об идее установления нового, совершенного строя: "Единственная причина, по которой нельзя искусственно создать государственный строй, это — невозможность создать новую нацию. Государственный

¹ *Mackintosh J. Speech on the Annexation of Genoa.* P. 520.

² *Mackintosh J. On the State of France in 1815// The Miscellaneous Works.* P. 471-472.

³ *Mackintosh J. Speech on the Annexation of Genoa.* P. 522.

строй не может быть кем-то установлен, так как весь его дух и принципы определяются характером нации". Единственно возможным способом усовершенствовать общество Макинтош признавал "внешне малозаметные, осторожные усилия по закладке определенных основ, на которых постепенно может быть возведено здание свободного общества"¹.

Участники же Французской революции совершили, по его мнению, "роковую ошибку", веря, что им по силам создать новой совершенный строй: "Правда, в 1789 г. заблуждение французских революционеров разделяла вся Европа. Лишь печальный длительный опыт избавил нас от него. Мы узнали или, скорее, увидели и почувствовали, что государственный строй есть продукт природы, подобно прекрасным творениям растительного и животного мира, которые человек может улучшить и даже уничтожить, но не в силах создать. Нам пришлось долго учиться презирать невежество или лицемерие тех, кто говорит о возможности дать народу свободную конституцию"². Попытка применить такие идеи на практике, отмечает Макинтош, привела именно к тем многочисленным бедствиям, которые пророчески предрекал Э. Бёрк³.

Макинтош, как, впрочем, и Бёрк, отнюдь не отрицал, что Франция Старого порядка нуждалась в серьезных преобразованиях. Но способ их осуществления в ходе революции представлялся ему совершенно недопустимым: "Французская революция — это уничтожение великих недостатков, произведенное с великой же несправедливостью, насилием и жестокостью. Уничтожение недостатков — само по себе такое большое благо, что несправедливость и жестокость можно было бы не считать злом, если бы они не принесли столь огромных бед обществу"⁴.

Так же, как и в "Иске галлов", Макинтош при рассмотрении вопроса о причинах и предпосылках революции внимательно изучает интересы и требования различных

¹ Ibidem.

² Ibidem.

³ Ibid. P. 523.

⁴ Mackintosh J. On the State of France in 1815. P. 466.

социальных слоев Франции, стремясь понять истоки недовольства каждого из них Старым порядком. И вновь его внимание его обращено прежде всего к "средним классам": «Привилегии дворянства особенно оскорбляли, унижали и раздражали представителей средних слоев города. Для них революция стала триумфом над теми, кто в повседневной жизни относился к ним с неизменным презрением. Благодаря революции они получили государственные посты после изгнания деятелей, ранее их занимавших. Честолюбие этой многочисленной и активной части общества: купцов, банкиров, мануфактуристов, торговцев, адвокатов, судей, ученых, врачей, художников, актеров, писателей — не находило удовлетворения при монархии и восторжествовало во время революции. Они рванулись к должностям, занимать которые эмигрировавшие, разоренные или поставленные вне закона дворяне больше не могли. Все управление оказалось у них в руках»¹. Присвоение же данным "классом" большей части земельной собственности, перераспределявшейся в ходе революции, придало его власти особую прочность, считал Макинтош. В то же время, он отмечал, что "торговцы, промышленники и чиновники" участвовали лишь в "ранних движениях" революции, после чего ее "ужасы" оттолкнули многих из них.

В отличие от "Иска галлов", Макинтош больше не объединял "низы" третьего сословия под общим понятием "народ", а делил их на крестьянство и городской плебс, имевшие, по его мнению, разные интересы. У крестьян, полагал он, были достаточно веские основания желать ниспровержения Старого порядка, поскольку они хотели уничтожения феодальных повинностей и сеньориальных прав, а также передела земли в свою пользу. Однако, даже признавая это, Макинтош все равно подчеркивал свое негативное отношение к совершенным ими "эксцессам" и заявлял, что первое время после освобождения действия "невежественной толпы" напоминали вакханалию².

Отмечая материальную заинтересованность крестьян

¹ Ibid. P. 467.

² Ibid. P. 466-467.

в революционных преобразованиях, Макинтош фактически отрицал ее у городских "низов", для которых, по его словам, основным побудительным мотивом действий было во все времена присущее "черни" стремление к новшествам и развлечениям: "Любовь к зрелищам или изменениям; увлечение свободой или рабством, войной или миром, быстро переходящее в усталость и отвращение; обожествление демагогов, вскоре отвергаемых и в конце концов жестоко преследуемых; зависть к богатству или раболепное преклонение перед ним — все это всегда и везде, от Афин до Парижа отличало население городов, не имеющее ни привычки уважать законы, ни общих интересов с другими классами свободного государства... То увлечение общественными делами, которое беднякам, когда они бездельничают и особенно когда собираются вместе, присуще, по-видимому, в большей степени, чем другим классам, постоянно занятым полезными делами, может иметь самую различную направленность. Они с той же готовностью приветствуют генерала или тирана, с какой прежде рукоплескали Робеспьеру или почитали Марата"¹.

По-разному оценивает Макинтош и роль в революции различных политических "партий". Он не скрывает своих симпатий к конституционалистам, хотя и полагает, что они слишком радикально попытались изменить прежний строй и тем самым "совершили большие ошибки в начале революции, что в сочетании с колебаниями контрреволюции, переходившей от сопротивления к уступкам, породило те несчастья, последствия которых мы и сейчас ощущаем и опасаемся. Впрочем, за это их можно простить, учитывая, что они не имели опыта создания законов и что ошибочные мнения преобладали тогда среди наиболее просвещенной части всего европейского общества. Эти люди, выдающиеся лидеры Учредительного собрания, никогда не предавали дела свободы и не порочили его подчинением тирании или участием в преступлениях"². Лучшим из них Макинтош называет Лафайета и высказывает надежду, что тот когда-нибудь вновь окажется у власти

¹ Ibid. P. 468.

² Ibid. P. 469.

во Франции, дабы “обеспечить великой нации блага свободы”¹.

В статье Макинтоша ничего не говорилось о якобинском периоде, однако, судя по его парламентским выступлениям, он продолжал считать Революционное правительство “кровавой тиранией, осквернившей славное имя Республики”². При этом он больше не отождествлял робеспьеристский и термидорианский режимы, утверждая, что Барер, Тальен, Фуше и им подобные, “которые под именем якобинцев или террористов участвовали в жестокостях 1793-1794 годов, при тирании (Наполеона — А.Ч.) основательно забыли ранее разделявшиеся ими незрелые представления о свободе”³. Макинтош даже берет термидорианцев под защиту, пытаясь “реабилитировать” их в глазах либерального общественного мнения, что особенно ярко проявилось в его отзыве о Фуше. Если в “Защите Ж. Пелтье” он упоминал об этом деятеле революции как об одном из самых закоренелых убийц, то теперь заявил, что “Фуше, один из наиболее жестоких террористов, стал постепенно хорошим администратором при цивилизованном деспотизме”, и его служба у Наполеона “искупила ошибки прежней жизни”⁴.

Макинтош оправдывал даже “цареубийц” — голосовавших за казнь короля депутатов Конвента, к расправе над которыми призывали теперь многие легитимисты: “Казнь Людовика XVI, будучи несправедливой и незаконной, являлась, бесспорно, жесточайшей расправой, но не понимать, что многие из поддержавших ее рассматривали этот акт совершенно с иных позиций — значит проявлять тупоумие и незнание человеческой природы... Некоторые из тех, кто голосовал за смерть Людовика XVI, своей добродетельной жизнью доказали, что поступили так, исходя из ошибочных суждений”⁵.

¹ Ibid. P. 470.

² The Parliamentary Debates. Ser. 1. Vol. 29. Col. 1145. См. также: Vol. 29. Col. 1149; Vol. 30. Col. 327.

³ Mackintosh J. On the State of France in 1815. P. 469.

⁴ Ibidem.

⁵ Ibidem.

Впрочем, темные стороны Французской революции уже стали достоянием прошлого, а потому, заявлял Макинтош, в первую очередь необходимо изучать не столько революционные события, сколько их последствия, хотя бы в той степени, в какой это возможно, поскольку для исчерпывающего анализа ни один из его современников "не имеет ни достаточного материала, ни достаточной беспристрастности, даже если и обладает достаточными способностями"¹. Основным результатом революционных потрясений Макинтош видел в глубочайших изменениях, происшедших в сфере социально-экономических отношений, наиболее важным из которых он считал передел земельной собственности. И хотя историк резко ссуждал способ осуществления подобного передела², тем не менее отмечал, что, по его мнению, производство во Франции сельскохозяйственной продукции после революции заметно возросло, а условия жизни земледельцев явно улучшились³. Новые отношения собственности, утверждал Макинтош, определили и политические симпатии различных слоев общества. Так, французское крестьянство, многие представители которого приобрели землю из фонда национальных имуществ, оказалось напрямую заинтересовано в прочности установленного революцией порядка: "Единственной гарантией сохранения этих изменений им казалось правительство, имеющее так же, как их собственность и права, революционное происхождение"⁴.

То же самое, по мнению Макинтоша, относится и к "средним слоям", которым досталась основная часть бывших земельных владений короля, церкви и дворянства: "Их не удовлетворяли заявления (Людовика XVIII — А.Ч.), какими бы многократными они не были, что проданные национальные имущества останутся неприкосновенными.

¹ Ibid. С. 466.

² "Всякие конфискации несправедливы. Французские конфискации, имевшие самый широкий размах, являются наиболее отвратительным примером подобной разновидности узаконенного грабежа". Ibid. P. 467.

³ Ibid. P. 466.

⁴ Ibid. P. 467.

Необходимость подобных заверений постоянно напоминала им, что эти приобретения сделаны незаконно и что правительство именно так к ним и относится. Их собственность щадили как зло, неисправимое из-за своей величины. Поэтому они хотели бы иметь правительство, для которого не было бы необходимости в подобных заверениях”¹.

Изменения в имущественных отношениях привели к появлению новых политических институтов. Так, доминирующее положение “средних слоев” в послереволюционном обществе было закреплено созданием наполеоновского дворянства и Ордена Почетного легиона, куда вошла “революционная аристократия”, а также “многие юристы, литераторы, купцы, ученые”. “Все эти институты, — указывал автор статьи, — стали оплотом новых честолюбцев против старых, бывших простолюдинов против бывшей знати. Знаки отличия и титулы постоянно напоминали новым рыцарям и дворянам, что в их интересах сопротивляться восстановлению того строя, при котором они были бы унижены”².

Кроме того, писал Макинтош, политические лидеры “средних классов” опасались мести Бурбонов за свое участие в революции³. Богатая и многолюдная протестантская община, которую революционные законы уравниали в правах с католиками, боялась восстановления привилегий галликанской церкви⁴. Таким образом, подводит итог автор статьи, “многие крупные и наиболее влиятельные классы нового французского общества неразрывно связывают свое благосостояние и высокое положение с вышедшим из революции правительством”⁵.

Бурбоны, полагал Макинтош, могли бы удержаться у власти только в случае безоговорочного признания всех изменений, происшедших в обществе за время революции: “Если бы формы свободной конституции можно было

1 Ibidem.

2 Ibidem.

3 Ibid. P. 469.

4 Ibid. P. 468-469.

5 Ibid. P. 470.

сохранить при контрреволюционном правительстве, то враждебное отношение к нему крестьян и новых собственников, по-видимому, могло бы со временем уменьшиться"¹. Но уступки, неохотно сделанные королем, оказались недостаточными, чтобы обеспечить ему прочную социальную опору. С нескрываемой досадой Макинтош отмечал, что Людовик сумел оттолкнуть от себя даже либералов, готовых поддержать ограниченную монархию и конституцию 1814 г. Эту партию, наиболее выдающимися лидерами которой Макинтош называл Лафайета и Констанана, он считал наиболее близкой себе по убеждениям, хотя и признавал, что пока ее влияние во Франции незначительно². Так или иначе, реставрированная монархия, подчеркивал автор статьи, оказалась в полной изоляции: подавляющее большинство населения Франции поддержало возвращение Бонапарта, потому что рассматривало революционное происхождение его власти, как самую надежную гарантию завоеваний революции.

В дальнейшем Макинтош не изучал специально историю Французской революции. Однако мировоззренческие принципы, которые он сформулировал в результате ее интерпретации в работах 1815 г., и позднее широко использовались им для идеологического обоснования либеральных движений в различных странах Европы.

Так, 19 февраля 1816 г. он произнес в парламенте речь о договорах с иностранными державами, осудив "белый террор" во Франции и подвергнув критике принцип легитимизма как не соответствующий требованиям высшей справедливости, которую христианская мысль считала одним из важнейших проявлений "естественного закона". «Лишь то правительство легитимно, — заявлял Макинтош, — чьи полномочия определены законом, а власть осуществляется не только в соответствии с нормами права, но и в соответствии с нерушимыми принципами справедливости и гуманности... Нет ничего более священного, чем легитимная власть, понимаемая подобным образом, но при этом нет более опасной ошибки, чем использовать

¹ Ibid. P. 467.

² Ibid. P. 470.

почтенное имя легитимного правительства так, как это делается в последнее время во Франции, где софистика прикрывает им ничем не ограниченные права тирании... Законная власть, используемая во благо обществу, имеет полное право требовать повиновения себе, но самое законное право на власть может быть утрачено, если им злоупотребляют. Следовательно, существует не только законная власть, но и законное сопротивление»¹. Оратор предостерегал державы Священного союза, что, если они не хотят новой революции, то должны сдерживать тиранические поползновения французского монарха².

Мысль о допустимости применения силы в качестве последнего средства самозащиты подданных от явных злоупотреблений правителей неоднократно повторялась Макинтошем и в парламентских выступлениях периода либеральных революций в Южной Европе 1820-1823 гг. Одновременно он каждый раз подчеркивал, что такое средство можно использовать только для устранения самого зла, но ни в коем случае не для введения демократических институтов. Позитивные преобразования, предупреждал Макинтош, необходимо осуществлять крайне осторожно, с учетом исторических реалий. Они должны носить скорее реформистский, нежели революционный характер, ибо опыт Французской революции убедительно продемонстрировал опасность чрезмерно радикальных новшеств.

Так, 11 июля 1820 г. он говорил о событиях в Испании: «Я знаю, дух политической реформы слишком могуч, чтобы с ним можно было бороться: он сокрушил всех своих открытых врагов. Грозная опасность для него может возникнуть лишь из-за несдержанности или ошибок народных вождей. Ничто иное не способно ни подавить дух преобразований, ни даже воспрепятствовать его распространению: погибнет любое правительство, которое посмеет противиться ему. Испанцы давно уже доказали свою великую добродетель и мудрость, поэтому я верю в их способность воспользоваться опытом борьбы человечества

¹ The Parliamentary Debates. Ser. 1. Vol. 32. Col. 714-715.

² Ibid. Col. 716.

за свободу. Из него испанский народ узнает: в такой борьбе очень легко зайти дальше, чем необходимо; свободный строй отделен от различных форм тирании лишь тонкой перегородкой и может превратиться в одну из них при нарушении разумного предела действий. Я убежден, что испанский народ будет проводить преобразования, уважая старинные принципы своей конституции, распространяя свободу на все классы общества, дабы они были заинтересованы в ее сохранении. Я уверен, что испанцы не пополнят скорбный список наций, которые, будучи ослеплены радостью избавления от рабства, нанесли свободе тяжкие раны, не заживающие веками¹. Хотя Французская революция прямо не называлась, не трудно заметить, что именно ей оратор противопоставил, как принципиально иную, умеренно-либеральную революцию в Испании.

Ограниченность и "реалистичность" преобразований, произведенных в ходе либеральных революций 20-х годов XIX в., постоянно подчеркивались Макинтошем как их серьезное преимущество по сравнению с французскими событиями конца XVIII столетия. Это сопоставление было одним из основных аргументов его парламентских речей, имевших широкий международный резонанс, в защиту революционных правительств от интервенции держав Священного союза.

21 февраля 1821 г. Макинтош произнес в палате общин "длинную филиппику" (по выражению французской газеты "Moniteur") против действий Священного союза по отношению к революционному Неаполю и потребовал расследовать участие правительства Англии в подготовке австрийского вторжения². Он заявил о надуманности предлогов, использованных для оправдания иностранного вмешательства: неаполитанская революция отличалась от Французской крайней умеренностью и не угрожала

¹ The Parliamentary Debates. Ser. 2. Vol. 2. Col. 389-390.

² Речь Макинтоша привлекла к себе внимание не только английской, но и зарубежной общественности. См.: Moniteur. 1821. 26 fevr.; Journal de Francfort. 1821. 2, 3 mars.; Ковальская М. И. Движение карбонариев в Италии. М., 1971. С. 144-146.

спокойствию соседних государств¹. Однако, с возмущением отмечал Макинтош, Священный союз, похоже, не видит между ними никакой разницы и готов использовать в качестве повода для вмешательства "любое революционное движение Европы"². Интервенция в Италии, подчеркивал он, "это — открытая война против свободы, даже той, что упорядочена наилучшим образом. Что хотят уничтожить объединенными усилиями союзные державы? Что дает основание считать народ Неаполя неспособным пользоваться той свободой, к которой он стремится? Ни анархия — результат беспорядков, ни военное правительство — обычное средство для ее прекращения, не взошли там на свежевспаханной почве"³.

21 июня 1821 г. Макинтош выступил в парламенте с осуждением принципов Декларации, принятой на Лайбахском конгрессе Священного союза и ставшей идеологическим обоснованием вооруженного вмешательства Австрии во внутренние дела итальянских государств. Здесь же он четко определил свою личную позицию и позицию английских либералов в целом по отношению к революционным движениям в Европе: "Я не поклонник революций как таковых, но я — сторонник тех людей, кто способен установить порядок без злоупотреблений. Я не могу признать, что революция — худшее из зол. Худшее из зол — вечное рабство"⁴. Повторив мысль о допустимости вооруженного сопротивления политическому гнету, когда иных средств не остается, Макинтош подчеркнул: "Декларация монархов не делает различия между полностью оправданным восстанием против жестокой, кровавой тирании и беспричинным мятежом против милосердного, хорошо организованного правления... Разве нападение на Неаполь не нацелено против всех стран, где пытаются исправить недостатки государственного строя?"⁵.

По мнению оратора, подобная политика опасна преж-

1 The Parliamentary Debates. Ser. 2. Vol. 4. Col. 856.

2 Ibid. Col. 855.

3 Ibid. Col. 860.

4 Ibid. Vol. 5. Col. 1258.

5 Ibid. Col. 1259.

де всего для самих монархов: "Крайности, как правило, порождают другие крайности. Союзные монархи в последнее время действуют вопреки своим интересам. Осуждая все демократические (popular) принципы, они сделают несовместимыми со своей властью даже те из них, которые сейчас ее прямо не затрагивают. Если короли считают, что свобода не может быть установлена без уничтожения монархии, то народы, в свою очередь могут объявить монархию несовместимой со свободой. Англия, имеющая столь долгий опыт сочетания свободы с монархическими институтами, должна вмешаться и показать миру, как много благополучие и безопасность наций теряют от каждой из этих крайностей"¹.

Доказывая преимущества умеренной, либеральной революции как "среднего пути" между "народной анархией" и реакцией, Макинтош в 1822 г. опубликовал на страницах "Edinburgh Review" очерк "История раздела Польши", где вновь противопоставил "эксцессам" Французской революции польское национально-революционное движение 1789-1792 гг., возглавлявшееся просвещенным деорянством: "Хотя тогда повсюду преобладало восхищение Французской революцией, эти реформаторы имели мужество и благоразумие отвергнуть те из ее принципов, что были утопическими, и те из ее методов, что были сопряжены с насилием. Они отказались от использования такого мощного, но опасного средства, как революционный фанатизм, порожденный Французской революцией задолго до того, как ее эксцессы и жестокости вызвали к нему отвращение. Они были довольны тем, что друзья упрекают их за медлительность в преобразованиях и что многие из благородных людей, стремившихся тогда дать человечеству новую и более совершенную свободу, презирают их за ограниченность реформ"². Именно такой путь постепенных и частичных преобразований представлялся Макинтошу наиболее оптимальным. В особую заслугу он ставил польским реформаторам то, что "эта славная революция

¹ Ibid. Col. 1260.

² Mackintosh J An Account of the Partition of Poland// The Miscellaneous Works. P. 210-211.

не была опозорена ни народным мятежом, ни кровавыми эксцессами, ни казнями по политическим мотивам"¹.

В том же 1822 г. Макинтош от имени вигской оппозиции неоднократно выступал с парламентской трибуны в поддержку либеральных движений Европы: он требовал остановить репрессии против участников итальянских революций, прекратить преследование политических эмигрантов на территории нейтральных стран, покончить с вмешательством Священного союза во внутренние дела малых государств, а также призывал оказать помощь освободительной борьбе греков². Пропагандируя либеральные принципы, он даже предлагал воздать дань уважения памяти Наполеона, который "стремился поощрять все возможные улучшения, какие только не затрагивали его власти"³.

29 апреля 1823 г. Макинтош в палате общин осудил "беспринципную и жестокую агрессию Франции против храброго и ни в чем не повинного народа Испании"⁴. Он даже призвал правительство Англии оказать помощь Мадриду "теперь, когда права свободного народа могут быть нарушены, когда принципы, на которых основана и английская конституция, подверглась нападению"⁵. Особенно Макинтош восхищался "умеренностью и милосердием" испанских либералов и предостерегал их от покушения на жизнь короля Фердинанда VII, сохранив которую они, по мнению оратора, навсегда прославили бы свое "великодушие, благородство и мужественную выдержку". Он также выразил надежду, что революционеры одержат победу над интервентами и сумеют завершить начатое "славное дело", но, что бы ни случилось, они должны оставаться "чистыми, незапятнанными, непорочными, добрыми, милосердными, сдержанными и снисходительными"⁶.

¹ Ibid. P. 212.

² The Parliamentary Debates. Ser. 2. Vol. 7. Col. 636-638, 810-815, 1029-1105.

³ Ibid. Col. 795.

⁴ Ibid. Vol. 8. Col. 1400.

⁵ Ibid. Col. 1401.

⁶ Ibid. Col. 1414.

Осенью 1824 г. Макинтош вновь посетил Париж. И хотя со времени начала Французской революции прошло уже более трех десятилетий, многое по-прежнему напоминало о ней. Так, наблюдая за торжествами по случаю коронации Карла X, проходившими на площади Людовика XV, Макинтош подумал, что многие из убеленных сединами национальных гвардейцев, находившихся в оцеплении, тридцать два тому назад так же стояли вокруг эшафота, ожидая казни короля Франции¹.

Большое впечатление на него произвели встречи с молодыми либеральными историками и чтение их работ. В Париже Макинтош возобновил знакомство с Гизо и провел с ним немало времени в беседах об Английской и Французской революциях². Близко сошелся он и с автором "Истории Французской революции" А. Тьером³. Встречи с Гизо и Тьером, знакомство с их трудами, а также с книгой Ф. Минье "История Французской революции", побудили Макинтоша вновь сформулировать свое видение проблемы якобинизма. 3 октября 1824 г. он записал в дневнике: "Я с сожалением замечаю, что среди восходящих здесь талантов преобладает стремление рассматривать политику террора, как необходимую для обороны Франции. Это особенно бросается в глаза в работе Минье — человека, имеющего логический ум и невозмутимый характер... Террор может быть средством ниспровергнуть тиранию или защитить страну от интервентов, но он полностью противоречит цели создания свободного народа... Одна часть нации приобретает качества тиранов, другая — малодушие рабов, и обе оказываются неспособными к свободе"⁴. Как видим, он почти дословно повторил точку зрения, сформулированную им еще в индийский период своей жизни. И теперь он вновь подчеркнул, что революционное насилие, по его убеждению, не может и не должно быть средством построения нового общества, как это имело место во Франции конца XVIII в.

¹ The Life of J. Mackintosh. Vol. 2. P. 414.

² Ibid. P. 412-414.

³ Ibid. P. 417, 421.

⁴ Ibid. P. 421-422.

И хотя для стран с откровенно “тираническими”, авторитарными режимами Макинтош допускал возможность “умеренной”, чисто политической революции, целью такой революции, по его мнению, должно было быть лишь устранение явных злоупотреблений властей и обеспечение условий для осторожных и постепенных реформ, проводимых либеральными политиками при строгом учете исторических особенностей данной страны. Исходя из этого, он во второй половине 20-х — начале 30-х годов XIX в. неоднократно с парламентской трибуны выражал солидарность с португальскими либералами¹ и греческими повстанцами.²

В 1830 г., когда виги после долгого перерыва пришли к власти и пост премьера занял бывший “фоксит” лорд Грей, считавший своей задачей проведение парламентской реформы, до которой сам Фокс не дожил, другой бывший “фоксит” — Дж. Макинтош получил в правительстве должность уполномоченного по делам Индии.

В борьбе за демократизацию избирательной системы Макинтош принимал самое деятельное участие. Важное значение для идеологического обоснования реформы имела его речь в палате общин 4 июля 1831 г. В ней он связал необходимость преобразований с коренными изменениями социально-экономической ситуации в Англии за предшествующие десятилетия. Быстрое развитие промышленности и торговли, говорил оратор, определило возросшее значение новых крупных городов, которые, однако, при старой избирательной системе не имели права посылать депутатов в парламент: “В результате социальной революции последних шестидесяти лет условия жизни в стране изменились сильнее, чем за предыдущие три столетия: неизменной осталась одна лишь система представительства”³.

¹ The Parliamentary Debates. Ser. 2. Vol. 17. Col. 1178-1190; Vol. 19. Col. 1205, 1545-1552; Vol. 20. Col. 143-144; Vol. 21. Col. 1601-1624; Vol. 24. Col. 178-183; Ser. 3. Vol. 10. Col. 126-130.

² Ibid. Ser. 2. Vol. 18. Col. 399-410, 1440-1441; Vol. 22. Col. 556-558.

³ Mackintosh J. Speech on the Second Reading of the Bill to

Подобная ситуация, отмечал оратор, чревата большой опасностью для существующего строя, поскольку доступа к политической власти оказались лишены наиболее подвижные и энергичные элементы общества — обладатели предпринимательского капитала и те, кто зарабатывает на жизнь своим интеллектом и знаниями. Макинтош прямо не ссылаясь на опыт Французской революции, но явно имел его в виду, делая следующее утверждение: “Я считаю одним из наиболее неизменных принципов законодательства то, чтобы обеспечивать через предоставление политических прав заинтересованность в прочности конституции всех, кто выдвинулся благодаря своему богатству, таланту или иному законному достоянию”¹.

“Собственность — это кормилец человечества”, а потому необходимо поддерживать к ней почтение всех членов общества, полагал Макинтош. Те же, кто пытается наделить политическими привилегиями владельцев лишь одного из ее видов, а именно — земли, больше подрывает уважение к собственности, чем все последователи А.Сен-Симона и Р.Оуэна вместе взятые². По мнению оратора, парламентская реформа, расширяющая число избирателей, должна обеспечить гармоничное сосуществование различных интересов общества, не доводя противоречия между ними до взрыва³.

В качестве примера неудачных действий властей, пренебрегавших реальным состоянием дел в обществе, Макинтош указывал на попытку французского короля Карла X резко ограничить гражданские права подданных, что шло в разрез со сложившимися во Франции демократическими традициями и в конечном счете привело к революции 1830 г. и новому изгнанию Бурбонов⁴.

Призывая строить политику в соответствии с историческими реалиями, Макинтош подчеркивал, что при столь

Amend the Representation of the People of England and Wales // The Miscellaneous Works. P. 584.

¹ Ibid. P. 585-586.

² Ibid. P. 586-587.

³ Ibid. P. 588.

⁴ Ibid. P. 581.

существенном изменении социальной ситуации, как это имело место в Англии, частичное обновление политических институтов должно послужить гарантией сохранения государственного строя в целом¹. Данный принцип, как мы помним, был одним из определяющих в социально-политической философии и общественной деятельности Эдмунда Бёрка. Не удивительно поэтому, что на протяжении всей речи Макинтош в подтверждение своих идей раз за разом обращался к авторитету бывшего оппонента².

Эта речь стала для ее автора своего рода политическим завещанием. Повредив за едой горло, он не послушался совета врачей воздержаться от публичных выступлений и продолжал участие в парламентских дискуссиях в самый ответственный для прохождения билля о реформе период. 30 мая 1832 г. Макинтош умер от воспаления гортани, совсем немного не дожив до победы своей партии в "третьей английской революции".

* * *

Итак, анализ творчества Макинтоша за 1804-1832 гг. — наименее изученный исследователями период его жизни — позволяет утверждать, что именно тогда он сформулировал ряд концептуальных идей, определивших его особое место в истории общественной и, в частности, исторической мысли и имевших наибольшее значение для ее последующего развития.

Изложенная Макинтошем в работах 1815 г. трактовка французских событий конца XVIII — начала XIX вв. представляла собой попытку научного объяснения Французской революции на основе тех общефилософских представлений, к которым он пришел в результате диалога-poleмики с Э. Бёрком в 1791-1797 гг. Ее отличали те же черты, что были присущи подходу Бёрка к анализу социальных проблем в целом: историзм, стремление рассматривать в тесной связи и неразрывном единстве все сферы общественного бытия (экономику, политику, обществен-

¹ Ibid. P. 590.

² Ibid. P. 581, 585, 588, 590.

ное сознание), повышенное внимание к различиям интересов и противоречиям разных социальных групп. При этом указанные работы были в гораздо большей степени свободны от чрезмерной полемичности, обусловленной политической конъюнктурой периода революции и отличавшей как сочинения Бёрка 90-х годов, так и выступления самого Макинтоша в 1799-1803 гг.

Эти особенности предложенной Макинтошем интерпретации революционных событий определили ее оригинальный и в значительной степени уникальный для той эпохи характер. В самом деле, отрицая, как некогда Бёрк, необходимость революционного переворота и считая роковой ошибкой предпринятый во Франции эксперимент по осуществлению на практике теоретически разработанной схемы совершенного строя, Макинтош тем не менее приходил к выводу о необратимости реально получившихся (вопреки субъективным намерениям участников) результатов революции, главным из которых он считал перераспределение собственности. Применяя в новых условиях неизменно повторявшееся Бёрком требование строить политику на учете объективно существующей реальности, Макинтош доказывал, что упрямое желание легитимистов полностью реставрировать в 1815 г. Старый порядок фактически столь же утопично, как намерение революционеров в 1789 г. построить царство Разума.

Ранняя историография Французской революции насчитывает сравнительно немного работ со столь же ярко выраженным интересом к социально-экономической проблематике, как статья Макинтоша "О положении Франции в 1815 г." Кроме произведений Бёрка, это, пожалуй, еще "Введение во Французскую революцию" А. Барнава. Однако труды Бёрка, хотя во многом и определили пути последующего изучения данной темы, все же еще не были собственно историческими исследованиями. Что же касается сочинения Барнава, то написанное в 1792 г., оно увидело свет лишь полвека спустя, а потому не было известно современникам и не оказало какого-либо влияния на развитие общественной, в частности исторической, мысли начала XIX в.

Впрочем, оригинальность указанного произведения

Макинтоша, как и его парламентских выступлений в данный период, определяется не только этим. В отличие от большинства либеральных мыслителей первой трети XIX в. (прежде всего последователей И. Бентама), Макинтош практически полностью отказался как от утилитаристской, так и от естественноправовой аргументации, и старался доказать необходимость либеральных преобразований и в Англии, и других европейских странах потребностями объективного исторического развития, понимаемого им в духе традиции "естественного закона". Если в XVIII столетии Бёрк, исходя из аналогичных представлений об установленном свыше мировом порядке, критиковал абстрактное теоретизирование рационалистов естественноправовой и утилитаристской школ, как опасную попытку пренебречь естественным ходом вещей, то в начале XIX в. Макинтош с тех же мировоззренческих позиций осудил принцип легитимизма, считая его безжизненной философской абстракцией, применение которой на практике может оказаться не менее пагубным. Предлагая исходить из исторически сложившихся реалий (экономических, социальных, культурных), он доказывал, что в большинстве европейских стран те или иные, в зависимости от конкретной ситуации, либеральные преобразования стали уже насущным требованием времени и сопротивление им чревато социальной катастрофой — неуправляемым взрывом "анархии", роковые последствия которого наглядно продемонстрировала Французская революция на якобинском этапе. Рассматривая подобную перспективу как несомненное зло, Макинтош предлагал в качестве альтернативы "средний путь" постепенных и осторожных реформ.

Таким образом, историческое осмысление французских событий конца XVIII в. позволило Макинтошу сформулировать систему принципов, послуживших идейным обоснованием внутренней и внешней политики партии вигов 1814-1832 гг., направленной на поддержку либеральных, включая революционные, движений в Европе и проведение умеренно-демократических преобразований в самой Англии, вершиной которых стала парламентская реформа 1832 г.

Глава III. Уильям Годвин (1756-1836)

Шел четвертый год Французской революции. Казалось, уже не осталось ни одного сколько-нибудь значительного английского литератора, философа, историка, не принявшего участия в спорах о ней, когда вышло свет крупнейшее философское произведение, своим появлением оязанное этой дискуссии, — фундаментальный трактат “Исследование о политической справедливости”. Почти неизвестное до той поры широкой публике имя автора прогремело на всю Англию. Звали его Уильям Годвин.

Родившись 3 марта 1756 г. в одном из небольших местечек Кембриджшира, он был седьмым ребенком в семье кальвинистского проповедника¹. Строгое религиозное воспитание в пуританском духе, когда высшей ценностью считались мирской аскетизм и вера в божественное предопределение, наложило неизгладимый отпечаток на его характер. Уильям рос замкнутым, сдержанным на эмоции мальчиком. Он рано начал читать и мог подолгу задумавшись сидеть над книгой. В детстве он не имел друзей и уже тогда испытал горькое чувство одиночества, не покидавшее его всю жизнь. Еще ребенком он научился стройно, последовательно и убедительно излагать свои мысли, но при этом весьма болезненно относился к любой критике своих суждений.

Будучи кальвинистом, Годвин не мог учиться в университете, доступном только для приверженцев англиканской церкви. И когда ему исполнилось 18 лет, он поступил в одну из диссентерских академий, являвшихся в то вре-

¹ Существует целый ряд подробных биографий Уильяма Годвина, освещающих его жизнь и литературную деятельность во всех тех деталях, которые мне по необходимости пришлось опустить в данной работе. См., например: *Paul K. C. William Godwin: His Friends and Contemporaries*. L., 1876. 2 vols.; *Brown F. K. The Life of William Godwin*. L., 1926; *Marshall P. H. William Godwin*. L., 1984; *St. Clair W.* Op. cit.

мя не только учебными заведениями, но и центрами политического радикализма. Закон ограничивал гражданские права диссентеров, многие из которых поэтому участвовали в движении за демократические реформы. Хотя Годвин держался в стороне от любых политических группировок, за время учебы он имел хорошую возможность ознакомиться с идеями радикалов.

В 22 года Годвин стал проповедником в одном из местечек Хэртфордшира. Он продолжал много читать, в том числе сочинения французских просветителей, которые-то и изменили решающим образом его мировоззрение. Труды Гольбаха, Руссо, Гельвеция произвели на Годвина сильнейшее впечатление, пошатнув его религиозные убеждения¹. В 1783 г. он оставил кафедру проповедника.

Перебравшись в Лондон, Годвин в поисках средств существования и способа наилучшим образом применить свои способности для достижения "всеобщего блага и счастья" обратился к литературе. Из-под его пера вышли историческая биография видного государственного деятеля У.Питта-старшего, несколько памфлетов в поддержку парламентской оппозиции, ряд новелл. Эти первые опыты позволили приобрести навыки литературной работы и завязать знакомства в кругу левых вигов и радикалов. С 1784 г. он стал заниматься журналистикой, сотрудничая с вигскими изданиями — ежегодником "New Annual Register" и ежемесячником "Political Herald". Встречаясь с политиками, писателями, историками, журналистами, не оставляя без внимания ни одного значительного произведения политической, философской, художественной литературы, Годвин расширял свой кругозор, много размышлял. Взгляды его претерпевали дальнейшую эволюцию. К концу 80-х годов этот некогда фанатичный приверженец кальвинизма превращается в атеиста.

Французская революция вызвала у него самые горячие симпатии², однако он не бросился сразу же защищать ее

¹ См.: Paul K. C. Op. cit. Vol. 1. P. 26, 61

² Подробнее см.: Решетов В. Г. Вильям Годвин и французская революция // Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. № 382. М., 1970; Макарова Е. А. Отношение У. Годвина к Великой французской

от критики Бёрка в разгоревшейся после выхода "Размышлений" памфлетной войне. Дискуссия о революции побудила его приступить к работе над философским трактатом, который, как надеялся автор, вообще должен был положить конец спорам, открыв истинный путь к решению всех социальных проблем¹. Годвин начал писать "Политическую справедливость" в сентябре 1791 г., в сравнительно спокойный период развития революции. Однако вышла в свет книга лишь в январе 1793 г. — далеко не лучшее время для выражения радикальных взглядов. Власти обрушили репрессии на радикально-демократическую оппозицию. Впрочем, Годвина не тронули. Правительство решило, что из-за высокой цены и очень большого объема его сочинение все равно не будет прочитано "черню". Справедливости ради надо признать: далеко не все образованные люди смогли осилить толстый (около 900 страниц) теоретический трактат. Фоксу, например, работа совершенно не понравилась, и он вернул ее книготорговцу; довольно критически к ней также отнеслись радикалы Дж. Пристли и Дж. Горн Тук².

И все же поклонников у трактата оказалось гораздо больше. За короткий период было продано 4 тыс. его экземпляров — цифра просто уникальная для столь дорогого и сложного для восприятия сочинения. Свидетельством популярности книги стало и появление в Англии и Ирландии ряда "пиратских" изданий³. Особой любовью она пользовалась у просвещенной молодежи, которая сочла вполне реальной возможность грядущего торжества "политической справедливости"⁴. Начинаящие поэты Кольридж и Саути собирались даже отправиться в Америку для организации там колонии, жизнь в которой должна была строиться в соответствии с принципами годвинов-

революции и его деятельность в Англии в тот период // Французский ежегодник 1985. М., 1987.

¹ Paul K. C. Op. cit. Vol. 1. P. 67.

² Brown F. K. Op. cit. P. 60; Locke D. A Fantasy of Reason. The Life and Thought of William Godwin. L., 1980. P. 62.

³ Brown F. K. Op. cit. P. 56-59; Locke D. Op. cit. P. 60-61.

⁴ Locke D. Op. cit. P. 64-65.

ского учения¹. А такие приверженцы "новой философии", как видные деятели демократического движения Дж. Джеральд и Дж. Тельвол, надеялись политическим путем достичь тех же результатов в масштабе всей Англии.

Для дальнейшей популяризации своих идей Годвин написал... остросюжетный криминальный роман "Приключения Калеба Уильямса"², где в художественной форме изложил основные мысли "Исследования о политической справедливости". Столь необычная форма пропаганды "новой философии" оказалась на редкость удачной. Только при жизни автора роман издавался 28 раз на многих языках³. В театрах Европы с большим успехом шла пьеса "Железный ларец", написанная по мотивам этого произведения.

"Калеб Уильямс" еще выше поднял репутацию Годвина как властителя дум молодого поколения. Своего же пика она достигла в 1795 г. после того, как его выступления в печати против преследований правительством лидеров движения за реформу помогли спасти тех от виселицы. Сам же Годвин ни в какие политические организации не входил, полагая, что подобные объединения ограничивают возможности человека рассуждать свободно и независимо, однако принимать у себя философа в то время считали за честь и лидеры левых вигов и руководители демократических обществ. Никто тогда не мог предвидеть скорое падение кумира, происшедшее столь же стремительно, как и недавнее вознесение его на гребень славы.

Разочарование во Французской революции привело к серьезным изменениям в общественном мнении Англии второй половины 90-х годов XVIII в. Как мы видели на примере Макинтоша, те, кто ранее восхищался "зажженным во Франции светочем свободы", теперь искали возможности продемонстрировать свой отказ от прежних взглядов. Критикуя Годвина это можно было сделать наиболее заметным и безопасным способом. Знаменитый фи-

¹ Подробнее см.: *Roussin H. William Godwin (1756-1836)*. P., 1913. P. 187-188; *Brown F. K. Op. cit.* P. 62-63.

² Русс. пер.: *Годвин У. Калеб Уильямс*. М., 1961.

³ *Locke D. Op. cit.* P. 70.

лософ, не примыкавший ни к одной из партий и открыто проповедывавший атеизм и веру в разум, лучше всего подходил на роль жертвы во искупление прежних “заблуждений”.

С 1796 г. в английской печати все чаще стали появляться острые выпады против автора “Политической справедливости”. Среди тех, кто выступил против него, оказались и бывшие поклонники — Кольридж и Саути. Каждое его последующее произведение: сборник очерков “Исследователь”, трагедия “Антонио”, роман “Сен-Леон” — принималось все более холодно. Положение Годвина усугублялось тем, что он лишился поддержки своих сторонников из демократического движения. Джеральд был осужден и сослан в заморскую колонию, откуда уже не вернулся. Тельвол пришел к убеждению в необходимости более решительных методов политической борьбы, чем предлагал Годвин, из-за чего тот с ним поссорился.

Годвин пытался направить полемику в русло чисто философского спора. В 1796 и 1798 годах он выпустил второе и третье издания “Политической справедливости”, каждый раз дополняя и перерабатывая их в надежде усилить аргументацию там, где она оказывалась наиболее уязвимой. Но время академической дискуссии уже прошло. Нападки переросли в откровенную травлю, тон которой задавал журнал “Anti-Jacobin Review”.

Дополнительный повод для злословия дал брак Годвина с Мэри Уолстонкрафт. Парадоксальность ситуации заключалась в том, что и создатель “новой философии”, и знаменитая защитница прав женщин в своих теоретических работах выступали против брачных уз. Однако забота об ожидаемом ребенке, желание уберечь его от горькой судьбы незаконнорожденного заставили их поступить вопреки принципам, что дало идейным противникам основание обвинить обоих в лицемерии.

Вскоре, однако, Годвин опять остался один. После тяжелых родов Мэри Уолстонкрафт скончалась. Много лет спустя их дочь станет женой поэта П. Б. Шелли и войдет в историю литературы как Мэри Шелли, автор знаменитого романа “Франкенштейн”.

Нападки на философа продолжались и после смерти

жены. Еще одним потерянным другом стал Дж. Макинтош. Посетив его на шумевшие лекции об естественном и международном праве в начале 1799 г., Годвин услышал резкие слова осуждения "появившейся во всех странах Европы группы писателей, которая изображала все древние обычаи, все общепризнанные мнения, все фундаментальные принципы, все самые святые устои человечества как нечто основанное на глупости, навязанное силой и обманом, ведущее к вырождению и прозябанию рода людского"¹. И хотя лектор не называл имен, ни для кого не было секретом, что он имел в виду прежде всего автора "Политической справедливости", утверждавшего, что имущественное неравенство и государственная власть — результат заблуждений человеческого разума. Понял это и Годвин. У.Хэзлит позднее вспоминал: «Бедный Годвин, по натуре добродушный и искренний, пришел послушать, какой такой новый свет снизошел на его старого друга, но был вынужден покинуть поле боя и бежать прочь после торжествующей насмешки над "такими фантастическими химерами, как ... совершенный человек"»².

В письме Макинтошу от 27 января 1799 г. Годвин горько сетовал на нетерпимый тон оратора и подчеркивал чисто абстрактную форму своих теоретических построений³, но на следующий день получил сухой ответ: "Вы выполнили свой долг, сделав общим достоянием собственные мысли. Я выполняю свой, пытаюсь опровергнуть их, и одним из основных средств опровержения является показ того, какие, по моему мнению, пагубные последствия они могут иметь"⁴.

Другой бывший друг Годвина, известный диссентерский богослов Парр в одной из проповедей также подверг суровой критике идеи "Политической справедливости". В 1801 г. Годвин ответил прежним единомышленникам, а ныне противникам блестящим памфлетом⁵, заявив,

¹ The Life of J. Mackintosh. Vol. 1. P. 111.

² Hazlitt W. The Spirit of the Age. P. 134.

³ Godwin W. Uncollected Writings (1785-1822). P. 302-304.

⁴ Paul K. C. Op. cit. P. 329.

⁵ Godwin W. Thoughts Occasioned by the Perusal of Dr. Parr's

что в отличие от них не изменил своим убеждениям и продолжает верить в способность человечества к совершенствованию. Впрочем, это был уже последний залп тонущего корабля. Как крупный политический мыслитель Годвин навсегда сходил со сцены общественной жизни.

Ему еще предстояло прожить почти в полной неизвестности долгие 35 лет. Его еще ожидали малоудачный второй брак с грубой и недалекой женщиной, разорение, бедность, случайные заработки литературной поденщиной. Он еще напишет ряд художественных произведений, экономических и философских трудов, четырехтомную историю английской революции, но ни одна из последующих его книг не будет иметь успеха, хотя бы отдаленно сравнимого с триумфом "Политической справедливости" и "Калеба Уильямса". 7 апреля 1836 г. маленький человек Уильям Годвин тихо и незаметно уйдет из жизни в возрасте 80 лет. Но выдающийся философ Годвин будет к тому времени уже давно мертв. Рожденный XVIII столетием, он умер вместе с ним, оставив потомкам один из последних величественных памятников общественной мысли века Просвещения — "Исследование о политической справедливости".

К изучению жизни и творчества этого философа исследователи приступили в 70-е годы XIX в., когда К. Пол издал его первую биографию. С тех пор о Годвине были написаны десятки книг и сотни статей специалистами по истории, праву, философии, литературоведению¹. Только во второй половине 80-х годов за рубежом вышло по меньшей мере четыре монографии о нем². Казалось бы, при

Spital Sermon, Being a Reply to the Attacks of Dr. Parr, Mackintosh, Malthus and Others.

¹ Только за рубежом к 1967 г. насчитывалось около четырех тысяч работ о Годвине. - См.: *Pollin B. Godwin Criticism: A Synoptic Bibliography*. Toronto, 1967. Наиболее подробная библиография исследований, появившихся позднее, включая начало 80-х годов см.: *Marshall P. H. Op. cit.* P. 455-467. О трудах отечественных авторов см.: *Дунаевский В.А., Кучеренко Г.С.* Западноевропейский утопический социализм в работах советских историков. М., 1981. С. 97-98, 138-139, 313.

² *Philp M. Godwin's Political Justice*. Ithaca, 1986; *Proske H. J.*

такой интенсивной разработке темы едва ли в ней могут остаться какие-либо недостаточно изученные аспекты. Однако ситуация в действительности несколько сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Более ста лет исследователи творчества Годвина работают примерно с одним и тем же, четко очерченным и крайне медленно расширяющимся кругом источников¹. Рукописный архив мыслителя, хранящийся в Бодлеанской библиотеке практически не систематизирован, поэтому в научном обороте находится лишь малая его часть. Соответственно основным источником для изучающих идейное наследие философа остаются его произведения. Но если внимание первых годвинистов привлекал в основном важнейший труд мыслителя — трактат “Исследование о политической справедливости”, то примерно с середины этого века ученые в поиске новых ракурсов освещения темы все больше обращаются к другим, менее известным его работам. Когда же речь заходит о “Политической справедливости”, собственно и составляющей главный вклад Годвина в сокровищницу мировой общественной мысли, то при ее характеристике нередко ограничиваются повторением нескольких, прочно устоявшихся стереотипов, наиболее часто из которых встречаются следующие: “неприятие насильственных форм социального преобразования”, “анархизм”, “апология общественной собственности”. Но так ли бесспорны эти определения? Присмотримся к ним повнимательней.

Die Szene wird zum Tribunal: tragischer Mythos und Prozesshandlung in Godwins Caleb Williams. Köln, 1988; *Farinella C.* Il governo più semplice: il mito democratico-republicano in William Godwin. Napoli, 1988; *St. Clair W.* Op. cit.

¹ Ср., например, источниковые базы вышедшей более ста лет назад книги К. Пола и фундаментальной монографии Д. Локка, одной из лучших за последнее время: *Paul K.C.* Op. cit.; *Locke D.* Op. cit.

1. Годвин и революция

Мысль о том, что Годвин отвергал революционное переустройство общества, пожалуй, особенно широко распространена в историографии. Еще в 1876 г. Л. Стивен писал: "Это был по сути своей кабинетный философ и по своим принципам и темпераменту — скорее сторонник убеждения, нежели физической силы"¹. А вот мнение Н.И.Кареева, высказанное полвека спустя: «Автор "Политической справедливости" был очень далек от революционного метода осуществления политического идеала...»² И по словам Ф. Брауна, "Годвин, будучи осторожным политиком, не признавал никакого принуждения и сопротивления с применением силы..."³ В дальнейшем тезис том, что Годвин отвергал революционный путь общественных преобразований, также продолжал кочевать из работы в работу вплоть до наших дней⁴.

Очень часто авторы, пишущие о Годвине, анализируют "Политическую справедливость" в некотором отрыве от современной ей общественной мысли, давая той лишь самую общую характеристику. Однако это чревато опасностью несколько упрощенного понимания сложного и противоречивого содержания трактата. Ведь поскольку он был рассчитан на "образованных и мыслящих"⁵ людей, прекрасно осведомленных о том, какие темы занимали в те годы внимание политических писателей, Годвин далеко

¹ *Stephen L. Op. cit. P. 265.*

² *Кареев Н. И. Вильям Годвин и его "Политическая справедливость" // Учен. зап. Ин-та истории РАНИОН. М., 1929. Т. 3. С. 333-334.*

³ *Brown Ph. Op. cit. P. 44.*

⁴ См.: *Priestley F. E. L. Introduction // Godwin W. Political Justice. Vol. 3. Toronto, 1946. P. 49-50; Rodway A. E. Introduction // Godwin and the Age of Transition. L., 1952. P. 29; Pollin B.R. Education and Enlightenment in the Works of William Godwin. N.Y., 1962. P. VII; Clark J. P. The Philosophical Anarchism of William Godwin. Princeton, 1977. P. 280; Locke D. Op. cit. P. 48, 53; Marshall P. H. Op. cit. P. 115-116.*

⁵ *Godwin W. Political Justice. P. XII.*

не всегда находил нужным подробно раскрывать и специально комментировать те принципы, о которых читатели и так должны были знать из работ других, популярных тогда авторов.

Вот почему сравнительный анализ "Политической справедливости" и наиболее известных в конце XVIII в. сочинений, посвященных проблемам философии, политики, истории может пролить дополнительный свет на некоторые положения теории Годвина. Об этом писал еще Н.И.Кареев: «Тщательное сравнение произведений Годвина, Мери Уолстонкрафт, Пейна, Макинтоша и др. могло бы вскрыть многое в генезисе идей, изложенных в "Политической справедливости"». Хотя Кареев и не имел возможности ознакомиться с архивными материалами, характеризующими круг чтения мыслителя в период создания трактата, он интуитивно обозначил верное направление поиска: «Многое в "Политической справедливости" было, конечно, результатом бесед и споров о событиях революции и особенно о ее принципах»¹. Впрочем, на эту мысль историка навел, вероятно, сам Годвин, признававший: «Меня воодушевляли... политические труды ученых Англии и других стран Европы, кои предшествовали сим событиям (революциям в Америке и во Франции — А.Ч.), подготовили их, сопутствовали им и последовали за ними. Я считал возможным объединить все, что было в политической науке самого лучшего и наиболее свободолобивого, выявить ее основные принципы, свести их в систему и развить несколько дальше, чем сделали мои предшественники»².

Одним из таких предшественников был Дж. Макинтош. Любопытно, что из всех сочинений, появившихся в ходе дискуссии о Французской революции, именно "Иск галлов" Годвин читал в сентябре 1791 г., начиная писать "Политическую справедливость"³. В марте 1792 г. они познакоми-

¹ Кареев Н. И. Вильям Годвин... С. 333.

² Godwin W. Of Population. P. 1.

³ Godwin's Diary. No 4. 1791. September 13, 14. Кроме Макинтоша Годвин в тот месяц штудировал Платона, Юма, Пэли, Гельвеция, Рейналя, Кондильяка, историческую работу Бёрка о Юж-

лись, и с той поры Макинтош стал одним из наиболее близких друзей Годвина, в кругу которых тот обсуждал идеи, излагавшиеся затем на страницах трактата¹. Иногда в дневнике Годвина отмечаются темы их бесед. Например, 4 марта (день их знакомства) — “эгоизм, законы, ответственность, мятеж”; 21 апреля — “Встретил Макинтоша в Стратфорде, говорили о войне, необходимости и Боге”. Вероятно, под впечатлением от этой беседы Годвин два дня спустя опять перечитывает “Иску галлов”, а еще через день обсуждает со своим другом Дайсоном, помимо прочего, проблему революций².

О личных отношениях Годвина и Макинтоша — их дружбе, разрыве и, наконец, примирении уже на склоне лет — писали практически все биографы автора “Политической справедливости”³, сравнительного же анализа их взглядов никто из исследователей не проводил. Именно это я и попытаюсь сделать в данной главе, обращая особое внимание на их представления о путях социально-политических преобразований.

Хотя “Исследование о политической справедливости” — философский трактат, излагающий в достаточно абстрактной форме учение о развитии общества и практически никак не затрагивающий конкретных политических событий, многие его идеи, как признавал сам автор, стали результатом размышлений над происходившим во Франции⁴. Вероятно, “Иск галлов” тем и привлек внимание Годвина, что являлся практически первым историческим исследованием о Французской революции. Содержавшийся в этой работе обильный фактический материал мог послужить автору “Политической справедливости” основой для теорических выводов.

ной Америке, некоторых других менее известных авторов и особенно много — Руссо.

¹ Ibid. 1792. March 4, 14, 19; April 21, 26; No 5. 1792. July 10; October 5.

² Ibid. April 23, 24.

³ Подробнее об этом см.: Чудинов А. В. У. Годвин и Дж. Макинтош // История социалистических учений. М., 1988.

⁴ Godwin W. Political Justice. P. VIII.

Рассматривая проблему причин Французской революции, Макинтош, как мы помним, считал таковыми прежде всего развитие философии Просвещения и усвоение ее принципов широкими массами. Именно литература, утверждал он, разрушила фундамент деспотизма¹, а искусство печати проложило канал, “по которому идеи просвещенных людей незаметно проникают в общественное сознание”².

Годвин возвел эту мысль, относившуюся у Макинтоша к конкретному событию в определенной стране, на более высокий уровень обобщения. Открытие истины всеобщим человеческим разумом и избавление людей от заблуждений он считал необходимым условием прогресса человечества в целом³. Если Макинтош рассматривал суеверие и предрассудок как одну из опор “деспотического” строя, то Годвин видел в них источник всех социальных пороков вообще: “Любое зло — не что иное, как заблуждение и ошибочные идеи, претворенные в действие и ставшие руководящим принципом поведения”⁴. Важнейшим средством улучшить социальные порядки Годвин, подобно Макинтошу и в полном соответствии с просветительской традицией, признавал литературу: “Если мы хотим усовершенствовать социальные институты человечества, мы должны писать, мы должны доказывать, мы должны спорить”⁵.

Однако он также прекрасно понимал, что при помощи одного только убеждения переделать мир невозможно. “Деспотизм”, согласно теории Годвина, — результат заблуждений человеческого разума, а потому прямо заин-

¹ *Mackintosh J. Vindiciae Gallicae // Mackintosh J. The Miscellaneous Works.* P. 407.

² *Ibid.* P. 424.

³ Подробнее см.: Чудинов А. В. Политическая справедливость Уильяма Годвина. М., 1990; Просветительское движение в Англии. С. 401-407; Макарова Е. А. Общественно-политические взгляды английского социального утописта, историка и писателя Уильяма Годвина (1756-1836). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1989.

⁴ *Godwin W. Political Justice.* P. 31.

⁵ *Ibid.* P. 202. См. также: P. 20-23, 63, 176-178, 186.

тересован в их сохранении¹. Следовательно, чтобы люди в полной мере усвоили великие принципы справедливости и равенства, нужно сначала покончить с "тиранией", к чему общественное сознание может быть подготовлено за более короткий срок, чем тот, что требуется для создания идеального общества, утверждал Годвин: "Некоторой доли истины будет достаточно для низвержения тирании и узурпации; а оно, умножив силы нашего разума, поможет ему в дальнейшем постижении истины"². Иначе говоря, Годвин признавал необходимым условием социального прогресса революционное преобразование политического строя.

Представления Годвина о том, кто должен выполнить эту задачу, также весьма напоминают предложенное Макинтошем объяснение событий Французской революции. Автор "Иска галлов" делил ее движущие силы на "средний класс" и "народ" ("чернь"), отводя первому руководящую роль в преобразованиях, поскольку "черни" доступны лишь те "политические и моральные истины", что лежат недалеко от поверхности. Участие же в революционном перевороте "народа", по мнению Макинтоша, с одной стороны, было необходимо для победы над "деспотизмом", но с другой — чревато "эксцессами".

Годвин тоже делил силы, способные покончить с "тираническим" строем на "мыслящее и образованное меньшинство" и темные народные массы. Простой люд, утверждал он, не способен под гнетом "деспотического" правления полностью усвоить идеи свободы и видит лишь общие очертания политических истин, "а те абстрактные и смелые рассуждения, в которых и заключается основная ценность литературы, должны неизбежно остаться уделом избранного меньшинства"³. Именно на него, согласно Годвину, возлагается миссия просвещения народа и руководства им: "Внесите справедливые представления об обществе в умы определенного числа либерально образованных и мыслящих людей, дайте народу руководителей и учите-

¹ Ibid. P. 30-32.

² Ibid. P. 23.

³ Ibid. P. 188.

лей — и дело сделано»¹. Следовательно, познание истины прежде всего образованной частью общества — непременное условие его преобразования: «Революции обязаны своим происхождением не столько энергии народа в целом, сколько убеждениям лиц, имеющим определенную степень образования и способность к размышлению. Я говорю “ происхождением”, так как надо признать, что совершаться они должны по воле всей нации»².

Поясняя, кто входит в число этих избранных, автор “Политической справедливости” дает им следующее определение: это — те, кто имеет досуг для размышлений и пополнения собственных знаний, те, кому не приходится ежедневно в поте лица трудиться ради хлеба насущного³. То есть речь идет явно о людях имущих. Однако это — отнюдь не аристократия, к которой Годвин относился крайне отрицательно⁴. Очевидно, он имел в виду ту же социальную группу, что фигурировала в “Иске галлов” как «средний класс» и играла ведущую роль во Французской революции (на начальном этапе) и в движении за реформы в Англии⁵.

Как и для Макинтоша, весьма непростой для Годвина была проблема возможного способа революционных преобразований, в частности, вопрос о допустимости насилия. Мы видели, что автор “Иска галлов” приветствовал вооруженные выступления масс в поддержку Национального собрания, но самостоятельные действия “низов” считал вредными “эксцессами”. Правда, он полагал, что последние, видимо, неизбежны из-за низкого уровня просвещенности народа, подражающего худшим образцам поведения деспотов: “Нравы страны свидетельствуют скорее о систематическом проявлении жестокости госуда-

1 Ibid. P. 69.

2 Ibid. P. 206.

3 Ibidem.

4 Ibid. P. 465-466.

5 Характерно, что в 1791 г. Годвин признавал левых вигов Фокса и Шеридана “самыми лучшими и наиболее просвещенными” вождями народа. См.: *Paul K. C. Op. cit.* P. 67.

рем, чем о безнравственности толпы”¹. Однако Макинтош был твердо убежден, что сколь бы отвратительными ни казались “эксцессы черни” «истинным друзьям свободы», временное, быстропроходящее зло (а именно так он расценивал “эксцессы”) не должно пугать людей, стремящихся навеки осчастливить общество. Нельзя винить патриота, “если он, взвесив беды кратковременной анархии и бесценное благо постоянной свободы, обнаружит, что вторая чаша весов перетягивает”² — утверждал Макинтош.

Когда же речь заходила о политических изменениях в Англии, он проявлял еще большую осторожность, неоднократно подчеркивая, что “друзья британской свободы” хотели бы предотвратить революцию реформой, пока еще возможно устранить имеющиеся на их родине недостатки без насильственных действий. Макинтош предлагал избежать роковой дилеммы “деспотизм или революция”, избрав третий путь: демократические реформы (прежде всего парламентская), проводимые правительством по единодушному требованию нации: “Объединенные усилия многочисленных групп граждан должны разбудить народ и он заговорит голосом, которому будут внимать добродетельные правители и которого будут страшиться тираны. Невозможно предположить существование столь явной испорченности, способной пренебречь недвусмысленно выраженной волей народа”³. Подобные быстрые и решительные преобразования Макинтош по существу приравнивал к революции, противопоставляя их постепенным и частичным улучшениям, предлагавшимся Бёрком.

Мысль о возможности мирного революционного переворота Макинтош вывел из опыта французских событий. Так, по его словам, оппозиция короля слиянию трех палат Генеральных штатов в единое Национальное собрание была сломлена именно благодаря единодушному требованию подавляющего большинства нации, которому мо-

¹ *Mackintosh J. Vindiciae Gallicae // Mackintosh J. The Miscellaneous Works.* P. 434.

² *Ibid.* P. 430.

³ *Ibid.* P. 456.

нарх не осмелился противиться: "Возбуждение народа достигло такой степени, что появилась тревога — у одних искренняя, у других притворная — за жизнь короля, если объединение палат и далее будет откладываться. Поэтому оно было разрешено"¹.

Если же "испорченность" власть имущих окажется выше ожидаемой, и они не прислушаются к голосу нации, тогда автор "Иска галлов" предрекал Британии судьбу Франции: "Если наши правители подражают ей в политике, то наше государство должно пережить такие же потрясения. Человек — везде человек; старая обида наконец вырвется наружу, и государственные институты — эта возведенная в закон глупость — будут сметены бурей народного гнева"².

Ту же последовательность методов политических преобразований — от убеждения к принуждению — предлагал и Годвин. Разумеется, он отдавал предпочтение первому, исходя из основного положения рационалистической теории прогресса: к совершенству через просвещение: "Мы должны тщательно избегать насилия; сила — не убеждение, она не достойна дела истины"³. Переход от старого политического строя ("деспотизма") к новому, демократическому представлялся ему следующим образом: когда истина в достаточной степени овладеет умами большей части нации, угнетатели окажутся в столь незначительном меньшинстве, что не отважатся противиться требованию народа. "Если подавляющее большинство членов какого-либо общества решило обеспечить себе некое благо, то для достижения его нет необходимости ни в мятеже, ни в насилии"⁴.

Дабы более наглядно проиллюстрировать эту мысль Годвин нарисовал такую гипотетическую ситуацию. Представьте себе, говорил он, десять тысяч здравомыслящих людей, находящихся в доме для умалишенных под надзором трех-четырёх надзирателей, которые постоянно твер-

1 Ibid. P. 412.

2 Ibid. P. 457.

3 Godwin W. Political Justice. P. 887. См. также: P. 202-203.

4 Ibid. P. 64. См. также: P. 222-223.

дят им, что без подобного контроля мнимые сумасшедшие себе же наделают беды. Веря этому (а ничего другого узники отродясь не слышали), обманутые люди мирятся с тяжкими условиями заточения, тогда как надзиратели живут припеваючи. Именно такой порядок, объяснял Годвин, существует повсюду. Если же несчастным сообщить, что они достойны свободы, угнетатели не осмелятся воспротивиться воле подавляющего большинства¹.

Предложенный Годвином план мирного переворота имел много общего с идеей Макинтоша о реформе, проводимой по требованию "голоса нации". И так же, как автор "Иска галлов", оставлявший за народом право на применение оружия, если правители не внимают голосу масс, Годвин, предполагая возможность противодействия "деспотизма" воле нации, при всем своем отрицательном отношении к насилию считал, что в подобном случае народ просто обязан прибегнуть к этому средству. Сила, по мнению философа, "должна использоваться при таких обстоятельствах, когда все другие средства оказываются неэффективными. Следовательно при сопротивлении властям сила никогда не должна применяться без самой крайней необходимости, а лишь в случаях, подобных защите своей жизни от разбойника, когда времени ни на что другое не остается, а последствия бездействия могут оказаться самыми печальными"².

Такое количество оговорок относительно возможности использовать насильственные меры объясняется тем, что Годвин, как и Макинтош, весьма негативно отнесся к "эксцессам черни". Еще в 1789 г. он, под впечатлением от событий Французской революции, записал в дневнике: "Я никогда не переставал осуждать власть толпы и насилие"³. Ту же мысль он повторил в "Политической справедливости": «Нет ничего более варварского, жестокого и кровавого, чем триумф толпы»⁴. "Эксцессы" философ считал результатом недостаточной просвещенности масс

¹ Ibid. P. 63-64.

² Ibid. P. 196. См. также: P. 639.

³ Paul K. C. Op. cit. P. 61.

⁴ Godwin W. Political Justice. P. 208.

и жестокости их прежних угнетателей, а потому неоднократно подчеркивал: любым нововведениям должно предшествовать познание истины. Годвин даже полагал, вероятно, под впечатлением от кровавых событий, связанных с мятежом рабов во французской Вест-Индии, что неграм, например, лучше оставаться в рабстве до тех пор, пока они не станут достаточно мудры для перехода в свободное состояние¹.

Впрочем, его подход к проблеме революционного насилия все же оставался достаточно гибким. Если уж революция началась раньше срока, необходимого для подготовки к ней общественного сознания, то она в конечном счете все равно благо². "Тираническое" правление в любом случае хуже "анархии"³, утверждал автор "Политической справедливости": «Даже если бы народ повел себя несколько несдержанно, применяя на практике идеи мыслителей, то вызванные этим несчастья оказались бы совсем незначительными по сравнению с теми, которые ежедневно происходят по вине бессердечного деспотизма»⁴. Подобно Макинтошу, Годвин полагал, что за кратковременным эпизодом "анархии" наступит общественное спокойствие: "Можно допустить, что первое пробуждение и просветление ума будут сопровождаться беспорядком. Но всякий, рассуждающий правильно, должен признать, что на смену тому придут порядок и счастье"⁵.

Нетрудно заметить, что аргументация Годвина во многом повторяет доводы Макинтоша. Они даже пользуются схожими аналогиями, доказывая, что не следует бояться временных бед "анархии". Макинтош: "Чувствительность, заставляющая отступить перед существующим в настоящую минуту злом, невзирая на благо в будущем, не есть добродетель, поскольку не является качеством, полезным для человечества. Она могла бы остановить руку хи-

1 Ibid. P. 599.

2 Ibid. P. 204.

3 "Любая всеобъемлющая (total) революция - вид анархии" (Ibid. P. 739)

4 Ibid. P. 620. См. также: P. 10, 548-549.

5 Ibid. P. 877. См. также: P. 593, 735-740.

рурга, ампутирующего пораженную гангреной конечность...”¹ Годвин: “Отказ от такого средства (от революции — А.Ч.) достичь счастья, даже если бы оно вызвало описанное действие (разгул “анархии” — А. Ч.), напомнил бы случай, когда человек, повредивший конечность, отказался бы подвергнуться мучению, связанному с ее вправлением”². Подобно Макинтошу, Годвин указывает и на значительно меньшее число жертв Французской революции по сравнению с английской, видя в этом подтверждение того, что со временем, по мере развития просвещения, революции должны стать совсем бескровными³.

Подведем итог. Сравнение взглядов указанных мыслителей дает нам достаточные основания полагать, что имевшее абстрактно-универсальную форму учение Годвина о путях достижения социального идеала, очевидно, являлось результатом теоретического осмысления философом трактовки Французской революции, предложенной автором “Иска галлов”.

Подобно Макинтошу, признававшему главной причиной революции прогресс Просвещения, Годвин утверждал, что распространение идей свободы и справедливости является для любого народа необходимым условием радикального улучшения общественного строя.

Если Макинтош, отразив преобладание на первом этапе Французской революции политических лозунгов над социальными, интерпретировал ее как “политическую революцию”, то по теории Годвина, революционное преобразование, принимающее в случае необходимости насильственную форму “анархии”, также должно носить именно политический характер, поскольку имеет целью смену “деспотического” строя демократическим. Установление же социального равенства автор “Политической справедливости” связывал с дальнейшим просвещением, для которого, утверждал он, потребуются более длитель-

¹ *Mackintosh J. Vindiciae Gallicae // Mackintosh J. The Miscellaneous Works. P. 430.*

² *Godwin W. Political Justice. P. 877.*

³ *Ibid. P. 203.*

ное время (подробнее об этом в следующей главе).

Согласно Макинтошу, роли участников Французской революции распределялись следующим образом: созидательную функцию выполнял "средний класс", делом же народа было сломить возможное сопротивление "деспотизма". Именно такую расстановку сил Годвин и признавал наиболее оптимальной, видя в массах только разрушительную стихию. Страшась "эксцессов", он хотел, чтобы процессом усовершенствования общественных институтов руководили люди "мыслящие и образованные". Стремясь избежать "анархии", и Макинтош, и Годвин предлагали путь революционного по существу, но мирного по форме, изменения государственного строя по требованию "голоса народа". Эта идея была навеяна им опытом первых двух лет Французской революции, когда Людовику XVI под давлением масс неоднократно приходилось идти на уступки представителям третьего сословия. Но даже отдавая предпочтение мирным преобразованиям и желая по возможности обойтись без насилия, Годвин, как и Макинтош, выступал за революционную смену "деспотического" строя демократическим.

Таким образом, сравнительный анализ политической теории Годвина и интерпретации французских событий Макинтошем дает основание усомниться в правомерности широко распространенного стереотипа изображения автора "Политической справедливости" сторонником "постепенности" (*graduality*) в деле усовершенствования общества. Подобная точка зрения, на мой взгляд, грешит односторонностью. Годвин действительно приверженец постепенности, когда речь идет о просвещении народа при подготовке ниспровержения "деспотизма". Постепенность, по его мнению, необходима и для убеждения граждан демократического государства в преимуществах социального равенства. Но переход от "деспотической" формы правления к демократической должен, как полагал Годвин, произойти в результате революционного переворота, сопровождающегося ломкой старых политических институтов и имеющего вид либо добровольного отказа от власти прежних правителей по требованию подавляющего большинства народа, либо насильственного сверже-

ния ("анархии"). Иными словами, философ предлагал использовать в преобразовании общества и эволюционные, и революционные методы.

2. Годвин и анархизм

Рассмотрев представления Уильяма Годвина о политической революции, как первом шаге к идеальному царству Разума, мы перейдем теперь к вопросу о том, каким выдилось ему это совершенное общество.

Даже при беглом ознакомлении с литературой, характеризующей творчество нашего героя, бросается в глаза то редкое единодушие, с которым самые разные авторы определяют его социальный идеал как "анархический". Так, еще в 1909 г. крупнейший теоретик и практик революционного анархизма и одновременно выдающийся историк Французской революции П. А. Кропоткин подчеркивал, что "Исследование о политической справедливости" проникнуто "духом свободного, анархического коммунизма"¹.

Однако кто же первый признал Годвина идеологом анархизма? Во всяком случае не сам Годвин². Термина "анархизм" он не знал, ибо тот появился лишь после смерти философа. При его жизни политики широко пользовались термином "анархия", который имел крайне отрицательный оттенок, поскольку означал полное отсутствие какого-либо порядка в стране и социальный хаос. Годвин, как мы видели, тоже с неодобрением отзывался о таком состоянии общества: "Первой жертвой на ее алтаре становится личная безопасность. Каждый, кто имеет тайного врага, должен опасаться его кинжала. Несомненно, что даже при наихудшей из анархий большинство людей будет спать спокойно, благодаря своей неприметности. Но

¹ Кропоткин П. А. Великая Французская революция. С. 257.

² Только оговоркой можно объяснить утверждение известного специалиста, что Годвин, подобно Прудону, Штирнеру и Бакунину, заявлял "о своей приверженности анархизму, как социально-философскому учению" (Мндоянц С.А. П.А.Кропоткин // Кропоткин П. А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. М., 1990. С. 6.)

горе тому, кто чем-либо вызвал ревность, зависть или подозрение своего соседа! Необузданная жестокость тут же сделает его своей жертвой”¹.

Правда, деспотизм, как мы имели возможность убедиться, Годвин считал еще более пагубным, чем анархию. “Она, — писал философ, — разумеется, страшное зло, но все же менее страшное, чем деспотизм... Конечно, ужасно средство спасения, в результате применения которого народ остается во власти своих неистовых страстей до тех пор, пока созерцание результатов их разгула не вернет ему разум; но все же такое средство хотя и ужасно, зато надежно”². Впрочем, эти высказывания Годвина нельзя истолковывать ни как поддержку³, ни как осуждение идеи анархизма в ее нынешнем понимании⁴, ибо под “анархией” мыслитель, как видим, понимал не такой порядок, что существует без государства, а отсутствие всякого порядка вообще.

Пьер Жозеф Прудон, с чьей легкой руки термин “анархизм” вошел в обиход политиков и философов, не только не признавал Годвина своим предшественником, но даже не имел сколько-нибудь ясного представления о сути его теории. В многочисленных трудах Прудона имя Годвина встречается лишь однажды в связи с полемикой против Мальтуса, причем упоминается он там вместе с Оуэном как один из сторонников коммунизма⁵, из чего следует, что работ его Прудон, по всей видимости, не читал, и судил о нем с чужих слов.

Два других классика анархизма — М. Штирнер и М. Бакунин, вероятно, тоже не были знакомы с сочинениями английского философа, во всяком случае на них не ссылались. И лишь в произведениях таких выдающихся предста-

1 *Godwin W. Political Justice. P. 735.*

2 *Ibid. P. 549.*

3 См.: *Эльцбахер П. Анархизм. М., 1906. С. 41.*

4 См.: *Золотухина Н. М. Политические воззрения Уильяма Годвина: Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 1966. С. 14.*

5 *Proudhon P. J. Système des contradictions économiques ou Philosophie de la misère // Proudhon P. J. Oeuvres complètes. P., 1923. T. 1. Vol. 2. P. 342.*

вителей анархической мысли, как П.А.Кропоткин и Л.Н.Толстой, Годвин появляется в качестве одного из основателей анархистской традиции. Впрочем, это произошло уже в начале XX в., в поздних трудах обоих мыслителей, когда их собственные взгляды давно сформировались, а подобное определение Годвина стало поистине общим местом для пишущих на данные темы. Иными словами, истоки представления о Годвине-”анархисте” бесполезно искать в творчестве истинных основоположников анархизма, ибо явно не они провозгласили этого философа своим предшественником.

Сейчас уже трудно, если вообще возможно, с абсолютной точностью установить, кто и когда первым так охарактеризовал Годвина. С известной долей осторожности могу предположить, что это сделали германские и австрийские историки анархизма во второй половине 80-х и в 90-е годы XIX в. В то время активизация анархистов в Европе и Америке, выражавшаяся, в частности, в многочисленных террористических актах, привлекла к их идеям внимание исследователей социальной мысли, среди которых немецкие ученые традиционно пользовались высоким авторитетом. Действительно, написанные тогда труды А.Менгера, Р.Штаммлера, Г.Адлера, М.Неттлау и ряда других авторов доныне не утратили своей научной значимости.

Поиск исторических корней анархизма велся исследователями в самых разных направлениях, и вот тут-то в их поле зрения и попала теория Годвина. Наиболее раннее из обнаруженных мной высказываний о причастности его к истории анархических учений находится в книге австрийского социолога и юриста А.Менгера “Право на полный продукт труда в историческом освещении”, которая получила в свое время немалую известность, выдержав несколько переизданий. Менгер, хорошо знавший теорчество английских социальных мыслителей конца XVIII — начала XIX в., высоко отзывался об учении Годвина: “Вообще можно рассматривать Годвина как первого научного социалиста новейшего времени; у него находятся в заро-

дыше все идеи современного социализма и анархизма¹. Как видим, здесь связь теории английского философа с анархической традицией констатируется в весьма осторожной форме. К тому же далее автор подчеркивает, что такая связь носила скорее косвенный характер: "Анархические идеи Годвина не имели непосредственного влияния на развитие социализма; лишь два поколения спустя анархизм ожил благодаря Прудону, Штирнеру и Бакунину, как кажется, без связи с Годвином"².

Э.Ценкер, хотя и включил сюжет о Годвине в свою работу об анархистских учениях, также не считал возможным отнести этого философа к числу идеологов собственно анархизма и дал краткую характеристику его взглядов в главе "Предшественники и предыстория". Суть годвиновской теории Ценкер видел в призыве к "устранению всякого правительства, общности имущества, отмене брака и самоограничению людей во имя справедливости"³.

А вот по мнению авторов других работ, появившихся в то же время, Годвина безо всяких оговорок следовало считать первым из анархистов. Так, Г.Адлер в статье, написанной для "Словаря общественных наук"⁴, утверждал, что именно английскому философу принадлежит честь быть создателем первой анархистской доктрины⁵. Макс Неттлау включил "Исследование о политической справедливости" в свою знаменитую "Библиографию анархии"⁶. Очень быстро подобная трактовка теории Годвина получает самое широкое распространение и уже в начале XX в. воспринимается как самоочевидная и не требующая доказательств. Теперь уже и А.Менгер, отбросив

¹ Menger A. Das Recht auf den vollen Arbeitstag. Stuttgart, 1886. S. 39. (Русс. пер.: Менгер А. Право на полный продукт труда. М., 1905. С. 46).

² Ibid. S. 46 (С. 52).

³ Zenker E. V. Der Anarchismus: Kritische Geschichte der anarchistischen Theorie. Jena, 1895. S. 13. (Русс. пер.: Ценкер Э. Анархизм: История и критика анархических учений. М., 1906. С. 13).

⁴ Adler G. Anarchismus // Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Jena, 1891. Bd. 1.

⁵ См.: Адлер Г. Анархизм. СПб., 1906. С. 10.

⁶ Nettlau M. Bibliographie de l'Anarchie. Bruxelles, 1897. P. 4-5.

прежние сомнения, стал причислять Годвина наряду с Прудоном и Штирнером к “представителям старого анархизма”¹.

Весьма характерно, что, когда П.Эльцбахер попытался выявить основополагающие черты анархизма путем сравнительного анализа доктрин, анархическая направленность которых, по его убеждению, **общепризнанна и несомненна**, то он отнес к таковым и теорию Годвина. «Из тех учений, которые признаются анархическими, — писал Эльцбахер, — особенно выделяются семь доктрин: Годвина, Прудона, Штирнера, Бакунина, Кропоткина, Тэккера и Толстого. Все они признаются за анархические большинством существующих определений понятия “анархизм” и других научных суждений о нем. Все они обладают признаками, указанными для анархических доктрин в большинстве трактатов об анархизме. То одни из них, то другие выдвигаются на первый план в различных трудах, посвященных анархизму. Ни разу не возникало маго-мальски серьезного спора по вопросу о том, что которая-нибудь из них не принадлежит к анархистским доктринам»². Таким образом, ссылка на распространенность представления о Годвине как об “анархисте” уже подменила собой доказательство данного тезиса по существу. Впрочем, проанализировав взгляды названных мыслителей, Эльцбахер пришел к выводу, что единственной универсальной характеристикой анархистских теорий является требование ликвидации государства в относительно недалеком будущем, а учение Годвина, по мнению этого историка, вполне отвечало подобному критерию.

Работа П.Эльцбахера имела широкий резонанс, выдержала множество переизданий (последнее — в 1987 г. в Берлине) и оказала большое влияние не только на концепции ученых, но и на освещение истории анархической

¹ *Menger A. Neue Staatslehre. Jena, 1902. S. 9.* (Русс. пер.: Менгер А. Анархизм, индивидуалистическое и коммунистическое государство. Одесса, 1905. С. 10).

² *Eltzbacher P. Der Anarchismus: Eine ideengeschichtliche Darstellung seiner klassischen Strömungen. B., 1900. S. 11* (Русс. пер.: Эльцбахер П. Анархизм. С. 11).

мысли самими ее представителями. Так, высокую оценку этой книге дали Л.Н.Толстой и П.А.Кропоткин¹. Есть основания полагать, что именно из нее Толстой узнал о таком своем "предшественнике", как Годвин. Только после знакомства с сочинением Эльцбахера имя английского философа впервые появляется в произведениях Толстого, а именно — в статье "К политическим деятелям" (1903), где Годвин упомянут в числе мыслителей, мечтавших об уничтожении государства². Несколько позднее Толстой использовал одно из высказываний Годвина в качестве эпиграфа к статье "О присоединении Боснии и Герцеговины к Австрии" (1908)³. При этом понравившееся писателю место цитировалось не по оригиналу, с которым он, по-видимому, не был знаком, а по русскому изданию работы Эльцбахера⁴.

Возможно, благодаря книге этого историка "открыл" для себя Годвина и П. А. Кропоткин. Во всяком случае, в программных сочинениях, написанных князем-бунтовщиком в 80-90-е годы XIX в. имя английского философа не встречается, тогда как в вышедших "после Эльцбахера" произведениях Годвин уже фигурирует в качестве "первого теоретика анархизма"⁵. Причем характеристика его взглядов Кропоткиным дает достаточно веские основания предположить, что тот работу Годвина скорее всего не читал, поскольку приписывал ему мысли, которых в "Политической справедливости" просто не было, но которые, видимо, должны были там быть согласно представлениям Кропоткина о политической ситуации конца XVIII в.

¹ См.: *Эльцбахер П.* Анархизм. С. V-VII. Позднее Кропоткин вспоминал: "Один из нас поспешил написать автору. Заяззалась переписка сначала о методах, а потом о результатах. Обменялись письмами по двадцать и по сорок страниц..." (*Кропоткин П. А.* Честная книга об анархизме // *Эльцбахер П.* Анархизм. Берлин, 1922. С. 16).

² *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. М., 1950. Т. 35. С. 205-206.

³ Там же. 1956. Т. 37. С. 222. См. также: Т. 44. С. 159

⁴ Там же. Т. 44. С. 489.

⁵ *Кропоткин П. А.* Современная наука и анархия // *Кропоткин П. А.* Хлеб и воля... С. 242, 255-256, 284; *Он же.* Великая французская революция. С. 146.

Так, ни одно из немногочисленных высказываний Годвина о французских событиях не дает повода утверждать, что он “видел собственными глазами, как правительственная власть, созданная во время революции и силами Революции, сделалась в свою очередь препятствием к развитию революционного движения”. Не касался английский философ и таких вопросов, как “грабеж общинных земель, продажа выгодных правительственных должностей, охота на детей бедняков, которые отнимались специальными агентами... и посылались на фабрики в Ланкашир”. И уж совсем непонятно, как в книге, завершенной к концу 1792 г., могло проявиться “понимание” ее автором того, «что правительство, будь это даже правительство “Единой и Нераздельной Республики” якобинцев, никогда не сможет совершить необходимую революцию — социальную, коммунистическую революцию»¹, поскольку никакого “правительства якобинцев” к моменту публикации годвиновского трактата еще просто не существовало. Не менее произвольным является утверждение, что Годвин “вдохновлялся” идеей национализации торговли и организацией обмена продуктов по стоимости, выдвигавшейся во Франции 1793 (!) года движением “бешеных”².

Таким образом, П.А.Кропоткин отнес теорию Годвина к анархистской традиции, очевидно, не в результате изучения трудов философа, а с чужих слов. Есть все основания полагать, что основным его источником была монография Эльцбахера. Характерно, что, написав предисловие к одному из ее переизданий, Кропоткин уделил в нем Годвину больше внимания, чем всем остальным персонажам книги вместе взятым³. Возможно, он сделал это именно потому, что при первом чтении работы материал об английском мыслителе произвел на него наибольшее впечатление, став своего рода открытием. Причем, подводя итог данной части вступительной статьи, Кропоткин прямо указал, откуда он подчерпнул приведенные там сведения: “Мы здесь только коротко резюмируем изложе-

¹ Кропоткин П.А. Современная наука и анархия. С. 284.

² Кропоткин П.А. Великая французская революция. С. 291-292.

³ Кропоткин П.А. Честная книга об анархизме. С. 10-12.

ние Эльцбахера, посвятившего Годвину двадцать две страницы, сплошь составленные из прекрасно выбранных цитат, которые притом так расположены, что дают полное и последовательное представление системы Годвина¹.

Видный теоретик российского индивидуалистического анархизма А.А.Боровой в популярном очерке развития анархистской мысли изложил взгляды Годвина как одного из ее "выдающихся представителей" исключительно "по Эльцбахеру", полностью доверившись его мнению².

Правда, надо признать, что отнюдь не все идеологи анархизма согласились с концепцией Эльцбахера. Так, резкой критике ее подверг Лев Черный (П.Д.Турчанинов), который, в частности, писал: «Под анархизмом понимали и понимают только политическое учение — учение о безвластии. И когда Эльцбахер смешивает в одну кучу Годвина, Прудона, Толстого, Кропоткина, Штирнера и др., то он находится во власти этого вульгарного понимания анархизма. Что общего действительно "во всех анархистах" у Эльцбахера — только вражда к государству, и больше ничего». По убеждению Л. Черного, анархизм — это прежде всего целостное мировоззрение, лучше всего раскрытое Прудоном³.

И все же после того как вслед за немецкими учеными многие анархисты⁴ признали Годвина своим единомышленником, определение его в качестве одного из первых теоретиков данного течения общественной мысли получает широкое распространение в исторической литературе. Причем большинство авторов характеризуют его подобным образом, ссылаясь как на соответствующую историографическую традицию, так и на высказывания само-

¹ Там же. С. 12-13.

² Боровой А. А. Анархизм. М., 1918. С. 141.

³ См.: Черный Л. Несколько этапов в развитии анархического самосознания // Анархист: Еженедельник Ярославской федерации анархистов. 1918. 7 июня. № 3.

⁴ Ср., например, анархистскую прессу начала и конца XX в.: Вольный труд. 1918. № 2. С. 10; 1919. № 78. С. 17-18; Казанский анархист. 1990. № 1. С. 3-4.

го Годвина, содержащие критику государства¹.

Действительно, автор "Исследования о политической справедливости" весьма негативно относился к государственным институтам. Если общество, по его словам, возникло из-за свойственного человеку от природы стремления установить социальные связи, то государство есть прямое следствие исторически обусловленного несовершенства людей и соответственно порочности установившихся между ними отношений. "Люди сначала объединились для взаимной помощи. Они не предполагали, что потребуются какие-либо ограничения, призванные регулировать поведение членов общества по отношению друг к другу или к обществу в целом. Необходимость ограничений возникла вследствие заблуждений и испорченности немногих", — полагал Годвин².

И хотя появление государства имело, по его мнению, свои объективные причины, тем не менее любую политическую власть он считал социальным злом, ибо она не только удерживает отдельных индивидов от антиобщественных поступков, но и серьезно мешает познавательной деятельности всех без исключения людей, а, соответ-

¹ См., например: *Диль К.* О социализме, коммунизме и анархизме. М., 1906. С. 43-44; *Туган-Барановский М. И.* Современный социализм в своем историческом развитии. СПб., 1906. С. 193, 196; *Бер М.* История социализма в Англии. М., 1923. Т. 1. С. 140; *Волгин В. П.* История социалистических идей (До возникновения марксизма). М., 1928. Ч. 1. С.280; *Кареев Н. И.* Вильям Годвин и его "Политическая справедливость". С. 327, 337-339; *Алексеев М. П.* Вильям Годвин // Учен. зап. ЛГПИ им. А.И.Герцена. Л., 1939. Т. 26. С. 122; *Кан С.Б.* История социалистических идей (До возникновения марксизма). М., 1967. С. 87-94; *Compare-Morel A.* Grand Dictionnaire Socialistes. P., 1924. P. 332; *Gray A.* The Socialist Tradition: Moses to Lenin. L., 1947. P. 114, 128, 132, 134; *Cole G.D.H.* A History of Socialist Thought. L., 1953. Vol. 1. P. 25, 31; *Maccoby S.* English Radicalism. 1786-1832. L., 1955. P. 469; *Preu J. A.* The Dean and the Anarchist. Tallahassee, 1959. P. 59, 63, 39; *Pollin B. R.* Education and Enlightenment... P. VII; *Histoire generale du socialisme.* P., 1972. T. 1. P. 262; *Bernstein S.* French Political and Intellectual History. L., 1984. P. 46.

² *Godwin W.* Political Justice. P. 79.

венно, и социальному прогрессу. Признавая пороки общества результатом невежества и заблуждений, Годвин видел спасение от них в познании всемогущим человеческим разумом вечных и неизменных моральных принципов, для чего требуется не стесняемый никакими искусственными препонами поиск истины и свободное следование ей в своих поступках. Государство же в силу самой своей природы даже при наилучшем устройстве сдерживает творческую активность людей. "Предположим, — писал Годвин, — я серьезно размышлял над природой добродетели и пришел к выводу, что обязан поступить определенным образом, но палач, опираясь на акт парламента, уверяет меня, что я ошибаюсь. Если я в результате его диктата изменю свои убеждения, мое поведение станет иным и характер тоже. Подобное воздействие совершенно несовместимо с благородным великодушием, с искренним бескорыстием в поиске истины и негибавшей стойкостью в ее защите. Страны, где вместо аргументов постоянно прибегают к помощи декретов, населены не людьми, а призраками. Мы никогда не узнаем из наблюдения за их обитателями то, какими могли бы стать люди, если бы им не мешали следовать требованиям разума и если бы они не боялись говорить и делать то, что думают"¹.

В данном отрывке речь идет о политической власти вообще. Что же касается реально существовавших государств, то их негативное воздействие на общество, по мнению Годвина, усугублялось исторически сложившимися недостатками их устройства. Любая политическая система рассматривалась им как результат сознательного творчества индивидов. Ну а поскольку их сознание одурманено предрассудками и поскольку невежество и заблуждения мешают видеть в истинном свете реальное положение вещей, то созданное людьми не может не страдать серьезными изъянами. В свою очередь несовершенное государство, обязанное своим происхождением предрассудкам, не только способствует их сохранению, но и порождает новые, являясь обильным источником социальных пороков. «Заблуждение всегда спешит обнару-

¹ Ibid. P. 127. См. также: p. 185.

жить себя. Порочность поведения быстро становится очевидной, как только оно влечет за собой пагубные последствия. Несправедливость, таким образом, по самой своей природе не приспособлена к длительному существованию. Однако власть «налагает руку на движитель общества и останавливает его»¹. Это обеспечивает прочность и постоянство нашим заблуждениям»².

Государство, по мнению Годвина, неизменно играло отрицательную роль в истории, способствуя укоренению и развитию человеческих пороков, навлекавших на народы такие бедствия, как войны³, несправедливое распределение собственности, вызывающее нищету одних и вырождение других, и т.д. Осуждению, хотя и далеко не в равной степени, Годвин подверг все формы государственного устройства без исключения.

Его критика монархии, аристократии и демократии далеко не всегда оригинальна и во многом традиционна для века Просвещения. Монархию философ порицал за чрезмерную концентрацию власти в руках одного человека, часто порочного, глупого и невежественного. К тому же сама природа неограниченной власти, утверждал Годвин, ведет к нравственному разложению того, кто ею обладает («каждый монарх в глубине души — деспот»), и к деградации подданных. «Поскольку неизменная политика дворов — интрига и поскольку интрига имеет неизменное свойство подавлять таланты и лишать добродетели, учит подменять хитростью искренность, раболепием и услужливостью — решительность и принципиальность, наставляет, что гибкая мораль лучше строгой, а изучение иерархии чинов лучше изучения путей к общественному благу, постольку монархия будет самым зловредным и самым сильным из противников подлинных интересов человечества» — говорилось в «Исследовании о политической спра-

¹ Logan J. Elements of the Philosophy of History. Edinburgh, 1781. P. 69. (Примеч. Годвина).

² Godwin W. Political Justice. P. 31.

³ Подробнее см.: Чудинов А. В. Уильям Годвин о проблемах войны и мира // Новая и новейшая история. 1988. № 6.

ведливости"¹.

Аристократию он критиковал за насаждение имущественного и политического неравенства, за наследственные привилегии и порождаемую ими моральную испорченность. "Человечество, — писал Годвин, — никогда не достигнет высокой степени добродетели и счастья, пока каждый человек не будет обладать только теми стличиями, которые обусловлены его личным достоинством. Отмена аристократических привилегий равно отвечает интересам угнетателя и угнетаемого. Один избавится от равнодушия тирании, другой — от рабства, прееращающего человека в животное"².

По сравнению с двумя вышеназванными формами правления демократия, полагал философ, имеет чамного меньше недостатков, но все же и она далека от идеального устройства общества. Для прямой демократии, утверждал Годвин, характерны такие негативные черты, как преобладание невежественной массы над просвещенным меньшинством, изменчивость и непостоянство политики, подверженной влиянию эмоций толпы, нетерпимость и подозрительность к выдающимся людям³. Хотя представительной демократии такие пороки свойственны в гораздо меньшей степени, она тоже, как и любая власть вообще, оказывает вредное воздействие на умственные и моральные качества людей. "Прежде всего существование национального собрания создает порок мнимого единодушия. Члены общества, управляемого таким собранием, действуют в видимом согласии друг с другом, иначе собрание оказалось бы бесполезным органом. Однако невозможно, чтобы такое единодушие могло существовать в реальности... На самом деле вопросы, обсуждаемые в собрании, решаются большинством голосов, и меньшинство после того, как оно со всей силой красноречия и убеждения доказывало несправедливость и глупость принимаемых мер, оказывается вынужденным в некотором роде содействовать проведению их в жизнь. А ведь ничто больше

¹ Ibid. P. 434.

² Ibid. P. 473.

³ Ibid. P. 489-498.

этого не способствует разращению человеческого разума и личности. Это неизбежно делает людей робкими, лицемерными и порочными. Кто не привык действовать, подчиняясь исключительно требованиям собственного разума, бесконечно будет испытывать недостаток той энергии и искренности, на которые способна наша натура", — утверждал Годвин¹.

Идеальное состояние общества в его представлении, было абсолютно несовместимо с государственными институтами. «Всякая власть, — писал он, — в некоторой степени связана с тем, что греки называли "тиранией". Различие состоит лишь в одном: в деспотических странах способности разума подавляются постоянным гнетом со стороны государства, тогда как в республиках, где разум сохранил бо́льшую часть своей активности, такой гнет легче приспособляется к колебаниям общественного мнения»². Естественно, что после перехода к совершенному строю государство, по убеждению философа, должно было исчезнуть, ибо власти разума и рациональной морали оказалось бы достаточно для регулирования всех отношений в совершенном обществе. «С какой радостью должен каждый просвещенный друг человечества ожидать наступления того прекрасного времени, когда исчезнет политическая власть, эта жестокая машина, являющаяся единственным неиссякаемым источником людских пороков...!»³

Если бы взгляды Годвина на проблему взаимоотношений государства и общества сводились только к вышеназванным положениям, то он вполне заслуживал бы звания "первого анархиста", так как схожие идеи были свойственны практически всем представителям анархической мысли XIX в., которых объединяло стремление покончить с государством в ближайшем будущем. Однако, продолжив рассмотрение политического кредо английского философа, мы можем легко убедиться, что о быстрой отмене государственных институтов у него речь не шла.

1 Ibid. P. 569.

2 Ibid. P. 572.

3 Ibid. P. 380.

Между началом социальных преобразований в духе "политической справедливости" и конечной их целью должен пройти долгий переходный период постепенных реформ, считал Годвин. Люди, развращенные реально существующим состоянием общественных отношений, не способны, по его мнению, сразу же начать новую жизнь, в которой им придется подчиняться только требованиям разума без какого-либо внешнего принуждения. Поэтому, хотя мыслитель и отмечал негативное в конечном счете влияние государства на общество, тем не менее настойчиво подчеркивал, что при современном ему положении дел государство является необходимым злом и не может быть немедленно устранено. "Если бы государственная власть в Великобритании, — писал он, — исчезла уже завтра, что еще не стало бы результатом распространения и прочного усвоения ее жителями принципов политической справедливости, то это отнюдь не привело бы к прекращению насилия. Индивиды, которые были бы освобождены от сдерживавшего их ранее страха, но при этом не поставлены под какой-либо более приемлемый и разумный общественный контроль и еще не прониклись бы пониманием необходимости взаимной сдержанности, совершили бы акты несправедливости, тогда как другие, желающие одного лишь избавления от подобного беспорядка, сочли бы необходимым объединиться для его насильственного подавления"¹.

Простым людям не по силам сразу же и в полном объеме усвоить те великие принципы, на которых будет основан идеальный строй, считал Годвин. Поэтому он и предлагал сохранить государственную власть в национальном масштабе на протяжении всего переходного периода, сведя, однако, ее функции к минимуму. Из всех форм правления Годвин больше других предпочитал демократическую, хотя и отнюдь не идеализировал ее. Именно демократия, утверждал он, способна воспитать у граждан те качества, которые в дальнейшем окажутся необходимыми для жизни в безгосударственном обществе: "демократия восстанавливает у человека понимание собствен-

¹ Ibid. P. 734.

ной ценности, избавляя от авторитетов и угнетения, учит его прислушиваться лишь к голосу разума, дает ему уверенность в том, что все остальные люди — ближние его, убеждает больше не считать их врагами, от которых ему нужна защита, а видеть в них братьев, коим надо оказывать помощь”¹.

Предложенный Годвином проект демократического федерального государства характеризовался стремлением максимально ограничить возможность и необходимость вмешательства властей в жизнь индивида. Задачи общенационального органа управления — избираемой всеобщим равным голосованием и созываемой раз в год, либо в случае необходимости, ассамблеи — ограничивались бы организацией обороны страны и разрешением споров между отдельными общинами. На местах выборные советы должны были следить за порядком и осуществлять правосудие. Не существовало бы ни налогов, ни писанных законов. Государство Годвина, таким образом, значительно отличалось бы от всех известных в то время форм правления, но все же по сути своей оставалось тем, чем и должно быть любое государство — орудием принуждения, хотя число случаев, когда требовалось бы прибегать к насилию, было бы очень и очень невелико. “Власть, — считал философ, — имеет лишь два законных предназначения: пресекать несправедливость по отношению к отдельным лицам внутри общины и обеспечивать совместную защиту против внешнего вторжения”².

В таком состоянии обществу предстояло оставаться до тех пор, пока люди, просветившись в достаточной степени, не научатся наконец обходиться без государства, руководствуясь исключительно требованиями рационалистической морали. Когда именно это произойдет, Годвин не загадывал, но надеялся, “что, если мы предоставим индивидам свободу интеллектуального развития, не пытаюсь его регулировать никакими установленными общественными ограничениями, человечество быстро пришло бы к

¹ Ibid. P. 494.

² Ibid. P. 564.

признанию над собой власти истины"¹. Вот тогда-то и произошло бы постепенное отмирание государственных институтов. Сначала решения законодательного собрания и местных выборных советов из директивных превратились бы в рекомендательные, а затем и вовсе отпала бы нужда в подобных органах².

Такова была политическая доктрина Годвина. Может ли она быть определена как анархическая? В литературе предлагаются разные дефиниции анархизма, впрочем по существу мало отличающиеся друг от друга. Г.Адлер признавал таковым "общественный строй с мыслимо широкой автономией индивидуумов и возможно полным отсутствием правительственного принуждения"³. По мнению П.Эльцбахера, "анархизм есть философско-правовое отрицание государства"⁴. Э.Ценкер утверждал, что "идея анархии предполагает абсолютное, неограниченное самоуправление индивида и соответственно отсутствие какой-либо внешней власти"⁵. Перечень подобных определений может быть бесконечен, но принципиальных расхождений в них, как видим, нет. Основной чертой любой анархической теории признается требование ликвидации государственной власти.

Соответствует ли годвиновское общество переходного периода этому критерию? Некоторые авторы положительно отвечали на данный вопрос. Анархист П.Рамус (П.Гроссман) утверждал, что в понимании Годвина термин "демократия" означал не "политическую государственную систему", а общество, близкое анархическому идеалу⁶. И.Крамник предполагал, что, согласно теории Годвина, центральные и местные выборные органы имели бы в основном совещательные функции, а их решения носили бы

1 Ibid. P. 495-496.

2 Ibid. P. 576-578.

3 Адлер Г. Указ. соч. С. 3.

4 Эльцбахер П. Анархизм. С. 306.

5 Zenker E. V. Op. cit. S. 3.

6 См.: Рамус П. Вильям Годвин, как теоретик коммунистического анархизма. М., 1925. С. 148.

рекомендательный характер¹. Однако у Годвина есть прямое указание на то, как в действительности должно было обстоять дело. "Нам остается рассмотреть, — писал он, — в какой степени необходимо наделить властью национальные собрания того обновленного вида, который мы допускаем для нашей системы. Должны ли они приказывать различным членам конфедерации? Или достаточно приглашать тех к взаимовыгодному сотрудничеству лишь при помощи доводов и обращений, убеждающих в разумности предлагаемых мер? Сначала будет необходимо первое. Позднее окажется достаточным и второе". То же самое относилось и к местным выборным советам: "Мы предполагаем, что сначала будет необходима определенная степень власти и принуждения"². Одним словом, государство в переходный период сохранялось, а следовательно никакого анархического идеала там не было.

Но, быть может, здесь надо провести такое же разграничение, какое предложил английский историк Д.Флейшер: "Конечная цель этого длительного процесса — анархизм, промежуточная стадия — демократия"³ И тогда признание Годвином необходимости государства в переходный период не будет препятствовать определению его теории как в целом анархической?⁴ Но и такой подход отнюдь не ведет к решению проблемы. Если к числу анархических относить все учения, конечной целью более или менее длительного переходного периода считающие отмирание государства, то само понятие "анархизм" утратит всякую определенность, ибо подобный взгляд на перспективу общественного развития был присущ целому ряду социальных теорий, никогда не считавшихся анархическими, например, коммунистической доктрине Жан-Жака Пийо или учению Карла Маркса. Иначе говоря, если тре-

¹ *Kramnick I. On Anarchism and the Real World: William Godwin and the Radical England // The American Political Science Review. 1972. Vol. 66. N 1. P. 118.*

² *Godwin W. Political Justice. P. 576-577.*

³ *Fleischer D. William Godwin: A Study in Liberalism. L., 1951. P. 87.*

⁴ *См.: Joll J. The Anarchists. L., 1964. P. 36.*

бование относительно быстрого установления безгосударственного общества — это анархизм, то требование безгосударственного общества плюс идея переходного периода — это уже нечто другое. Таким образом, главный аргумент сторонников определения Годвиновской теории как анархической, основанный на том, что философ осуждал все виды государства, оказывается далеко не безупречным.

Нельзя считать достаточным и такой иногда используемый довод: Годвин — анархист, поскольку проводил различие между обществом и государством, противопоставляя их¹. Но ведь эта действительно присущая его теории черта была свойственна не только идеологам анархизма, но и целому ряду других мыслителей XVIII-XIX вв., особенно в Англии. Например, широко известное цитируемое, кстати, и Годвином, высказывание Т.Пейна, которого, конечно, никак нельзя отнести к анархистам: "Общество и правительство... это вещи не только разные, но и разного происхождения. Общество создается нашими потребностями, а правительство — нашими пороками... Общество в любом своем состоянии есть благо, правительство же и самое лучшее есть лишь необходимое зло"². Аналогичный взгляд на данную проблему характерен и для либеральной традиции общественной мысли.

Несколько иную аргументацию предложил американский историк Дж. П. Кларк, посвятивший целую монографию доказательству анархистской направленности воззрений Годвина: "Итак, надо выяснить, в каком смысле Годвин должен рассматриваться как анархист. Если под анархизмом понимается абсолютное и безоговорочное неприятие всех видов власти в любой ситуации и любой ценой, ответ будет отрицательным... Если же под анархизмом понимается убеждение, что власть во всех ее формах, даже ограниченных, несет в себе немалую долю зла и что необходимы энергичные усилия, дабы свести ее

¹ Marshall P. H. Op. cit. P. 2-3, 113, 117, 399; Cappelletti A. J. La ideologia anarquista. Barcelona, 1985. P. 75.

² Пейн Т. Здравый смысл // Пейн Т. Избр. соч. С. 21. См. также: Godwin W. Political Justice. P. 79.

к минимуму, то Годвин — анархист”¹.

То есть, чтобы признать английского философа сторонником анархизма автор существенно расширяет пределы этого понятия. Но здесь вновь возникает опасность утраты четких критериев, ибо стремление к максимальному ограничению государственной власти — черта, присущая не столько анархизму, желавшему полного уничтожения государства, сколько либерализму. В рамки же распространенного понимания анархизма вписать Годвина едва ли возможно. Тот же Кларк в несколько иной связи высказывает следующую мысль, невольно подтверждая это: «Нельзя назвать анархистом того, кто защищает сохранение доминирующей роли политической власти в централизованной нации-государстве даже на период “перехода”»². И хотя данное высказывание направлено прежде всего против марксизма, косвенно оно подтверждает наш вывод, поскольку Годвин тоже сохранял государственную власть на время “перехода”, правда, в гораздо меньших размерах. Характерно, что, когда Кларк сравнивает воззрения Годвина со взглядами анархистов XIX в., ему приходится гораздо чаще отмечать различия, нежели сходство³.

Таким образом, у нас, думаю, имеется достаточно оснований усомниться в правомерности столь распространенного в историографии стереотипа, в соответствии с которым учение Годвина о совершенном общественном строе следует рассматривать как одно из проявлений анархизма.

¹ Clark J. P. Op. cit. P. 201-202.

² Ibid. P. 202 n.

³ Ibid. P. 84-85, 161, 187 n, 267.

3. Годвин и социализм

Знакомясь с обширной научной литературой, посвященной творчеству Уильяма Годвина, нетрудно заметить, что при характеристике его социально-политического идеала определение "коммунистический" встречается не менее, а, пожалуй, даже более часто, чем "анархический". Известный французский социалист и одновременно автор солидного исторического труда о революционных событиях конца XVIII в. Ж. Жорес писал о трактате Годвина: "...Политическое и социальное влияние Французской революции на английские умы... нашло яркое выражение в замечательном и смелом произведении, где крайняя политическая демократия приводит в конечном счете к самой оригинальной и смелой форме коммунистического социализма"¹. И по мнению Г.В.Плеханова: "Результаты, полученные Годвином очень близки к тому, что называется теперь анархическим коммунизмом"².

Впрочем, еще задолго до Жореса и Плеханова подобное мнение высказывалось и некоторыми другими социалистами XIX столетия. Ранее уже отмечалось, что П.Ж.Прудон тоже называл Годвина "коммунистом". А в одном из писем юного Фридриха Энгельса утверждалось, что "Политическая справедливость" содержит "многие прекрасные места, где Годвин граничит с коммунизмом"³.

Определение Годвина в качестве сторонника общест-

¹ Жорес Ж. Указ. соч. С. 447. Жорес также характеризовал учение Годвина как "коммунистическую систему" (С. 488), "анархистский коммунизм" (С. 476) и "революционный социализм" (С. 483).

² Плеханов Г. В. Утопический социализм XIX в. // Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. М., 1957. Т. 3. С. 568.

³ Энгельс Ф. — Марксу К. 17 марта 1845 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1962. Т. 27. С. 26. Правда, ниже автор письма признавал: "Впрочем, я делал выписки из этой книги давно, когда мне самому многое еще было неясно, и во всяком случае должен ее еще раз основательно перечитать". Мы не знаем, осуществил он это намерение или нет, но в дальнейшем Энгельс уже никогда не говорил о близости Годвина коммунизму.

венной собственности давно уже получило широкое распространение и в историографии¹. Ограничусь лишь двумя цитатами. Вот точка зрения авторитетного американского специалиста по истории общественной мысли С.Бернстайна: "Политические преобразования без изменения системы собственности окажутся бесполезными, утверждал Годвин. В данном вопросе он пришел к коммунистическим выводам, к которым никогда не приходили со своими философскими построениями ни Гольбах, ни Гельвеций. Все социальные пороки он ставил в вину частной собственности. ...Он был одновременно коммунистом и анархистом"². А вот мнение П.Х.Маршалла, автора одной из новейших биографий английского мыслителя: "Взамен преобладающей системы собственности Годвин предлагает форму добровольного коммунизма"³. Однако необходимо подчеркнуть, что подобные высказывания обычно носят чисто аксиоматический характер и не подкрепляются анализом воззрений философа по вопросам собственности. Более того, в зарубежной научной литературе мне вообще не удалось обнаружить такого исследования или хотя бы упоминаний о нем других авторов.

А как обстояло дело с освещением этой проблемы в советской историографии? Ведь она-то традиционно уделяла большое внимание отношению того или иного мыслителя к собственности, поскольку данный аспект был принят в трудах академика В.П.Волгина, а вслед за ним и в работах большинства других исследователей, в качестве основного признака, позволяющего делить социально-критические теории на "эгалитарные (уравнительные)" и "утопически-коммунистические" (или "утопически-социалистические" — В.П.Волгин нередко использовал эти понятия как синонимы). Эгалитаризм, согласно классификации Волгина, осуждая социальное неравенство и даже призывая к экспроприации богатых, "не поднимался" до идеала

¹ См., например: *Бер М.* Указ. соч. С. 140, 145; *Рамус П.* Указ соч. С. 14 и далее; *Comptère-Morel A.* С. А. Op. cit. P. 332; *Priestley F. E. L.* Op. cit. P. 72; *Histoire générale du socialisme.* P. 262.

² *Bernstein S.* Op. cit. P. 46.

³ *Marshall P.H.* Op. cit. P. 110.

общественной собственности на средства производства и предлагал установить лишь "равенство имуществ", не покусаясь на принцип частной собственности. Коммунистические же теории непременно выдвигали требование общности средств производства¹. И хотя целиком классификация Волгина из-за ее чрезмерной абстрактности сравнительно нечасто применялась в специальной литературе, критерий отношения к собственности довольно широко использовалось различными авторами при определении места того или иного мыслителя в истории социальных учений.

Естественно предположить, что при том количестве работ, которое советские историки, философы, литературоведы и юристы посвятили воззрениям Годвина, его концепция собственности должна быть ими хорошо изучена. Однако в действительности его взгляды получили в их трудах весьма разноречивые, а часто и прямо противоположные оценки.

В.П.Волгин в общем обзоре истории социалистических идей в Англии XVIII в., впервые опубликованном еще в конце 20-х годов, довольно значительное место отвел теории Годвина, охарактеризовав ее как "мелкобуржуазное учение"². "Годвин — крайний индивидуалист. Он — против общественной организации потребления и еще больше — против общественной организации труда. Он — враг всякой кооперации... Будущее представляется Годвину, в соответствии с потребностями его мировоззрения, развитием от кооперации к индивидуальному хозяйству. Идеальное общество в системе Годвина, это — анархическое общество независимых работников, Годвин стремится не к объединению, не к обобществлению средств производства, а только к более правильному их распределению, и в этом смысле он является крайним представителем уравнительной школы, а отнюдь не школы коммунистической,"

¹ См.: Волгин В.П. История социалистических идей. Ч. 1. С. 12-26; Он же. Социализм и эгалитаризм // Он же. Очерки истории социалистических идей. М., 1975. С. 254, 258-259.

² Волгин В.П. История социалистических идей. Ч. 1. С. 282.

— писал Волгин¹.

Три десятилетия спустя он вновь обратился к трактату Годвина, опубликовав в 1958 г. вступительную статью к переводу восьмой книги “Политической справедливости” — “О собственности”, вышедшей в серии “Предшественники научного социализма”². И хотя автор расширил анализ некоторых положений теории английского мыслителя, вопросы собственности освещены в данной работе весьма туманно. Рассмотрев значительно подробнее критику Годвином права собственности, Волгин на этот раз не дал ей столь же определенной характеристики, как ранее. Более того, появился ряд высказываний даже затрудняющих понимание годвиновской концепции. Так, без ссылки на источник неоднократно утверждается, что Годвин осуждал порядок, основанный на частной собственности и выступал за ее уничтожение³. Это может навести читателя на мысль о том, английский мыслитель, вероятно, требовал обобществления имуществ. Однако уже через несколько страниц автор отмечает, что Годвин желал лишь справедливого перераспределения собственности. Подобная неточность формулировок делает менее убедительным вывод, оставшийся в сущности прежним: “Анализ утопии Годвина дает достаточные основания, чтобы отнести его к числу крайних представителей уравнительной школы”⁴.

Близкая к этой оценка содержится в учебном пособии С. Б. Кана: Годвин — “отнюдь не коммунист и вовсе не стремится к обобществлению средств производства”⁵.

Однако во второй половине 60-х — начале 70-х годов в нашей стране появился ряд исследований, авторы которых стремились доказать “утопически-коммунистическую” (“утопически-социалистическую”) направленность взгля-

¹ Там же. С. 289.

² Волгин В. П. Социальные идеи В. Годвина // Годвин В. О собственности. М., 1958. Позднее эта статья была перепечатана в книге: Волгин В. П. Очерки... С. 196-212.

³ Волгин В. П. Социальные идеи В. Годвина. С. 34, 37, 46.

⁴ Там же. С. 47.

⁵ Кан С. Б. Указ. соч. С. 92.

дов Годвина. В первую очередь здесь необходимо упомянуть статьи и диссертационную работу Н.М.Золотухиной¹. По ее мнению, "учение Годвина является наиболее глубоким и систематичным изложением социалистической мысли Англии второй половины XVIII в."² Особое внимание Н.М.Золотухина уделила трактовке им проблемы имущественных отношений, заявив, что "строим, наиболее отвечающим интересам народных масс, Годвин считал строй, основанный на общественной собственности"³. В подтверждение она ссылалась на соответствующие высказывания Годвина, что делало данный вывод внешне достаточно убедительным.

Однако при более внимательном ознакомлении с приведенной ею аргументацией, такое впечатление существенно ослабевает. Так, Н.М.Золотухина приводит следующую цитату из первого издания "Политической справедливости": "Никакое воображение не может дать полного представления о том умственном развитии и исключительной добродетели, которые наступят, когда собственность будет общей"⁴. Но обратившись к подлиннику, мы увидим, что конец фразы переведен неверно, так как у Годвина нет никакого упоминания об общей собственности: "...которые наступят, когда собственности однажды будет позволено покоиться на ее истинной основе" (...that would succeed, were property once permitted to rest upon its genuine basis)⁵.

Далее Н.М.Золотухина пишет, что "успешное развитие сельского хозяйства и мануфактуры Годвин считал также возможным лишь при обобществлении собственности", в подтверждение чего она ссылается на отрывок из его

¹ Золотухина Н. М. Политические воззрения...; Она же. Критика Вильямом Годвином эксплуататорской государственности и его представления об идеальном общественном строе // Тр. ВЮЗИ. М., 1966. Т. 5; Она же. Социально-политические взгляды социалистов-утопистов Англии во второй половине XVIII в. // Там же. М., 1971. Т. 22. Ч. 2.

² Золотухина Н. М. Политические воззрения... С. 1.

³ Золотухина Н. М. Критика... С. 612.

⁴ Золотухина Н. М. Политические воззрения... С. 11.

⁵ Godwin W. Political Justice. P. 876.

произведения "Исследователь": «Доход от работы и от природы удесятится, если земля и недра не будут частной собственностью, выжимающей все соки из народа. (*Enquirer*. L., 1797. P. 212)»¹. Увы, в указанном месте нам не удалось найти ничего, хотя бы отдаленно похожего на данную фразу.

Справедливо отмечая, что Годвин, говоря об идеальном обществе, часто использует термин "система имущественного равенства", Н.М.Золотухина утверждает, что это понятие у него по сути означает "общность имущества", и вновь ссылается на текст источника: «В третьем издании "Политической справедливости" во избежание различных кривотолков Годвин уточняет смысл термина "equality": "Равенство, — пишет он, — или что точнее, общность имущества"»².

Однако обратимся к оригиналу. В первом издании трактата эта фраза полностью звучала так: "Один писатель³, много размышлявший над вопросами управления, рекомендует равную или, что в большей степени соответствует его мысли, общую собственность (equal or, which was rather his idea, common property) как наилучшее средство от незаконного присвоения и бедности..."⁴ Во второе (1796), а затем и в третье издание (1798) данное высказывание действительно вошло в измененном виде: "...рекомендует равенство или, что в большей степени соответствует его мысли, общность имущества, сохраняемую при помощи государственного надзора" (equality, or, which was rather his idea, a community of goods to be maintained by the vigilance of the state)⁵. Как видим, и в первом, и во втором случае слова Годвина имеют совершенно иной смысл, чем тот, который им придала Н.М.Золотухина. Единственный раз автор "Политической справедливости" употребляет

¹ Золотухина Н. М. Политические воззрения... С. 11.

² Там же. С. 12.

³ Wallace R. Various Prospects of Mankind, Nature and Providence. L., 1761. (Примеч. Годвина).

⁴ Godwin W. Political Justice. P. 360.

⁵ Godwin W. Enquiry Concerning Political Justice and Its Influence on General Morals and Happiness. L., 1798. Vol. 2. P. 515.

ет в своем сочинении понятие "общая собственность" лишь для характеристики воззрений другого мыслителя — Роберта Уоллеса, отмечая при этом, что оно соответствует взглядам именно Уоллеса, а никак не убеждениям самого Годвина. Изменения, внесенные в текст второго и третьего изданий, призваны были подчеркнуть это. Указание на государственный надзор в идеальном обществе Уоллеса должно было сделать еще более очевидным отличие его плана от идей Годвина, ярого противника государственных институтов.

Столь же произвольное толкование Н.М.Золотухина дала историографии проблемы. Характеризуя упоминавшуюся выше вступительную статью В.П.Волгина, она утверждала, что автор признавал годвиновскую доктрину коммунистической¹, хотя на самом деле Волгин писал прямо противоположное: "...Годвин не может быть назван коммунистом"².

Также серию статей³ о Годвине и соответствующее диссертационное исследование⁴ представила Л.Г.Костюченко. Поскольку она объявила воззрения Годвина на собственность новым словом в истории утопического коммунизма⁵, было бы естественно ожидать от нее подробного анализа именно этой стороны его учения. Но она ограничивается ссылкой лишь на два отрывка из "Политической справедливости". Вот первый из них: "Как бы ни было велико и распространено зло, создаваемое монархиями и их дворами, плутовством священников и несправедливос-

¹ Золотухина Н. М. Социально-политические взгляды... С. 95.

² Волгин В. П. Социальные идеи В. Годвина. С. 43.

³ Костюченко Л. Г. . В. И. Ленин о западноевропейском утопическом социализме // Некоторые вопросы ленинского идейного наследия. М., 1969 (о Годвине см. С. 330, 341); Она же. Вильям Годвин — предшественник научного коммунизма// Проблемы философии и социологии. М., 1969. Вып. 1; Она же.. Годвин и Оуэн // Некоторые вопросы развития мирового революционного процесса. М., 1971.

⁴ Костюченко Л. Г. Вильям Годвин как представитель утопического социализма и коммунизма Англии: Автореф. дисс. ...канд. филос. наук. М., 1970;

⁵ Там же. С. 9.

тью уголовных законов, все это глупости и пустяки по сравнению со злом, вызываемым существующей системой собственности»¹. Годвин действительно порицал современные ему отношения собственности (но, как будет ниже показано, не частную собственность вообще). Однако едва ли приведенная цитата дает основание утверждать, что он предлагал «вместо частнособственнического общества установить такой общественный строй, в котором существовала бы коллективная собственность»².

В другом месте автор ссылается на третье издание «Политической справедливости» (Т. 1. Кн. 2. Гл. 1. С. 130): «Годвин резко критикует частную собственность, которая «добывается обманом и насилием»»³. И в первой главе, и во второй, к которой относится 130-я страница, подобная критика отсутствует. Высказывание, отдаленно напоминающее цитату, приведенную Л.Г.Костюченко, находится на 14-15-й страницах третьего (Т. 1. Кн. 1. Гл. 3) и 33-й странице первого (Кн. 1. Гл. 5) изданий и звучит следующим образом: «Два величайших злоупотребления, связанные с внутренней политикой народов и господствующие теперь в мире, заключаются, как мы считаем, в неправильном переходе собственности (*irregular transfer of property*), как первоначально — посредством насилия, так и вторично — путем обмана»⁴. Нетрудно убедиться, что и здесь речь не идет о критике частной собственности, а лишь порицается способ ее приобретения — обманом и насилием. На какие-либо еще высказывания Годвина по данному вопросу Л.Г.Костюченко не ссылается, но тем не менее делает вывод: «Его идеалом была общественная собственность, которая должна лечь в основу нового строя»⁵. Однако поскольку такой вывод не опирается на данные источника, все рассуждения о «коммунизме» Годвина повисают в воздухе, поскольку нельзя считать «коммунистом» мыслителя, не выдвигающего требование обоб-

¹ Там же. С. 12. См. также: *Godwin W. Political Justice*. P. 799.

² *Костюченко Л.Г.* Вильям Годвин как представитель... С. 12.

³ *Костюченко Л.Г.* Вильям Годвин - предшественник... С. 115.

⁴ *Godwin W. Political Justice*. P. 33.

⁵ *Костюченко Л. Г.* Вильям Годвин - предшественник... С. 115.

ществления собственности.

Так же не подтверждается текстом источника мнение О. А. Кажанова, автора одной из последних работ на эту тему, о том, что Годвин принадлежал к числу сторонников национализации земли и стремился к уничтожению частной собственности¹. Видимо, исследователь просто отдал дань широко распространенному не только в зарубежной, но и в отечественной научной литературе представлению о коммунистическом содержании социального идеала английского философа².

Как видим, отношение Годвина к проблеме собственности пока не получило надлежащего освещения в историографии, хотя данный аспект является одним из ключевых для правильного понимания представлений философа о совершенном строе, который должен был стать конечным результатом предлагавшихся им преобразований.

Имущественное неравенство Годвин относил к числу наихудших пороков современного ему общества³. Причины несправедливого, по его мнению, распределения собственности он, следуя рационалистической традиции Просвещения, искал в сфере интеллектуальной деятельности людей. Как и Руссо, Годвин считал возникновение неравенства результатом волевого акта некоего индивида,

¹ Кажанов О. А. Взгляды английских социалистов-утопистов второй половины XVIII - начала XIX века на пути решения социально-политических проблем: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. М., 1988. С. 6-7.

² См.: Кареев Н. И. Вильям Годвин и его "Политическая справедливость". С. 338-339; Алексеев М. П. Указ. соч. С. 122; Прозорова Н. С. Борьба К. Маркса и Ф. Энгельса против анархизма. М., 1961. С. 6; Костюченко Л. Г., Самсонова Т. Н. К вопросу о теоретическом обосновании социалистического идеала в английском утопическом социализме // Вестн. МГУ. Сер. 12, Теор. науч. ком. 1978. № 5; Самсонова Т. Н. Об основных методологических принципах анализа классиками марксизма-ленинизма истории развития утопического социализма: (На примере утопического социализма в Англии) // Актуальные проблемы истории социалистических учений. М., 1980; Бонташ П. К., Прозорова Н. С. Томас Мор. М., 1983. С. 54.

³ Godwin W. Political Justice. P. 33-39.

“воспользовавшегося слабостью своих соседей для обеспечения за собой некоторых исключительных привилегий”¹. К богатству, полагал философ, людей побуждает стремиться тщеславие: “Жажда почета и уважения представляет основной и постоянно действующий мотив для частного накопления”². Годвин практически отрицал материальные причины имущественного расслоения общества. Ничто, по его словам, кроме желания выделиться, не может побудить человека искать обогащения: “К богатству не стремятся ради него самого и редко добиваются его ради чувственных удовольствий им доставляемых. Его домогаются по той же причине, по которой обычно способные люди стремятся получить знания, умение и опыт, т. е. из любви к почету и из страха перед пренебрежением”³. Социальное неравенство, по убеждению Годвина, возникло и существует только потому, что люди заблуждаются, принимая ложные моральные ценности за истинные.

В чем же автор “Политической справедливости” видел негативное воздействие неравенства на людей? Последовательно придерживаясь рационалистической концепции общественного развития, согласно которой социальный прогресс может быть достигнут только в результате просвещения и нравственного совершенствования, Годвин в первую очередь интересовался влиянием неравенства на мораль. Существующее состояние общества, заявлял он, пагубно действует на нравственность как богатых, так и бедных: “Нравы, господствующие во многих странах, словно специально рассчитаны на то, чтобы внушить убеждение, будто честность, порядочность, разумность и усердие — ничто, а богатство — все”; бедняки стыдятся нищеты, “ее стремятся избежать с рвением, не позволяющим совести быть слишком разборчивой”⁴. Ощущение своей неполноценности вызывает у неимущих такие пороки, как раболепие, подобострастие, низкопоклонство, создает у них чувство зависимости, учит лести и обману, побуждает

1 Ibid. P. 808.

2 Ibid. P. 837. См. также: P. 824.

3 Ibid. P. 39. См. также: P. 792-793.

4 Ibid. P. 38.

к преступлениям”¹.

Большой моральный ущерб богатство причиняет и тем, кто им владеет. Купаясь в роскоши, они утрачивают способность здраво рассуждать и видеть вещи в подлинном свете, им недоступна добродетель. Эгоизм, лживость, тщеславие, чванство, корыстолюбие, черствость — пороки имущих². “Богатство достигается посредством обмана ближнего и растрачивается в надругательстве над ним”, — писал Годвин³, считая, что имущественное неравенство развращает все без исключения слои общества. “Дух угнетения, дух рабства и дух обмана — вот они-то и являются непосредственным порождением существующей системы собственности, — утверждал философ. — Они одинаково враждебны умственному и нравственному совершенствованию”⁴.

Надо признать, что и материальная сторона отношений между богатыми и бедными не осталась незамеченной автором “Политической справедливости”. Бедняки, отмечал он, страдают от голода и нужды, ходят полунагими, обитают в убогих жилищах, подвержены болезням⁵. Но обо всем этом Годвин упоминал лишь мельком, сосредоточивая внимание на моральных издержках имущественного неравенства, коим придавал несравненно большее значение: “Человек способен стойко встречать значительные лишения, когда он разделяет их с остальным обществом и когда его не оскорбляет зрелище беззаботности и достатка других, никоим образом не заслуживающих таких преимуществ в большей степени, чем он сам. Но тяжкие страдания людей еще более возрастают, когда они вынуждены наблюдать чужие преимущества”⁶.

Кальвинистское воспитание и образование наложило на взгляды Годвина глубокий отпечаток. Хотя к моменту создания “Политической справедливости” он стал атеис-

1 Ibid. P. 471-472, 800, 808, 810.

2 Ibid. P. 385-386, 428, 793, 802, 805-806, 811, 827.

3 Ibid. P. 802.

4 Ibid. P. 810.

5 Ibid. P. 34, 794, 806-807, 824-825.

6 Ibid. P. 36.

том, все же его по-прежнему отличало присущее пуританам презрение к чувственным наслаждениям и стремление к "мирскому аскетизму". Для "разумного" удовлетворения физических потребностей Годвин считал необходимым самое минимальное количество материальных благ: крышу над головой, скромную одежду и умеренную пищу¹. Его идеал — жизнь в условиях "самой строгой простоты"², "сведение своих потребностей к минимуму и предельное упрощение способа их удовлетворения"³. Все, что выходит за рамки этого минимума, будь то нарядное платье или красивый дом, — бесполезное излишество, порожденное тщеславием⁴. Подлинного счастья, по Годвину, человек может достичь не в материальной, а только в духовной сфере. Обеспечение людей средствами существования лишь необходимая посылка для их "истинного благополучия", которое заключается в "развитии интеллектуальных способностей, познании истины и применении своих добрых качеств"⁵. Убежденность Годвина в примате духовных ценностей над материальными проявилась и в том, что главный пороком имущественного неравенства он признавал негативное влияние на нравственность.

В чем же мыслитель видел альтернативу "существующему состоянию собственности"? Везде, где речь шла об идеальном состоянии общества, к которому надо стремиться, он говорил об "имущественном равенстве" (state of equal property, system of equal property)⁶, достигаемом путем "уравнивания собственности" (equalisation of property)⁷. Отнюдь не отождествляя, как уже отмечалось, "имущественное равенство" с "общей собственностью", Годвин, однако, не противопоставлял уравнивательские учения теориям сторонников общественной собственности. В ряду своих единомышленников он называл таких весьма дале-

1 Ibid. P. 790, 792, 824.

2 Ibid. P. 823.

3 Ibid. P. 844.

4 Ibid. P. 824, 837.

5 Ibid. P. 833.

6 Ibid. P. 821, 825, 832, 834, 836, 840, 842, 851.

7 Ibid. P. 820, 831, 888.

ких друг от друга мыслителей, как Платон, Мор, Свифт, Мабли, Уоллес, Огилви, которых объединяло, по его мнению, отрицательное отношение к накоплению собственности и желание установить “равенство”¹. Вероятно, он не придавал большого значения различиям в их взглядах, ибо в доктринах этих авторов он видел лишь разные пути достижения одной цели — “полного равенства”.

Один из важнейших принципов, на коих должно было покоиться совершенное, по мысли Годвина, общество, — всеобщий и обязательный труд. Каждый человек должен был бы участвовать в производстве материальных благ, которое Годвин связывал прежде всего с сельским хозяйством. “Несправедливо, — полагал он, — если один трудится так, что губит свое здоровье или жизнь, а другой нежится в роскоши... Справедливость требует, чтобы каждый человек, за исключением случая, когда иное его использование приносит больше блага обществу, внес свой вклад в возделывание общего урожая, из которого каждый потребляет свою долю”².

Каким же образом предполагалось организовать труд, распределение и потребление в идеальном обществе Годвина? Приведенная выше цитата и особенно термин “общий урожай” (*common harvest*) могут навести на мысль о коллективном труде и общественном распределении. Однако подобное предположение противоречит всему содержанию годвиновской доктрины. Очевидно, под “общим урожаем” автор “Политической справедливости” понимал совокупный продукт земледелия, а никак не результат коллективной трудовой деятельности, поскольку, будучи убежденным сторонником индивидуализма, Годвин решительно выступал против всех форм сотрудничества (*cooperation*). Оно, по словам философа, наносит ущерб независимости индивида, заставляя его соотносить свои поступки с деятельностью других людей³. Годвин полагал, что развитие техники позволит со временем выполнять в одиночку даже те виды работ, которые одному человеку

1 *ibid.* P. 804-805.

2 *ibid.* P. 791.

3 *ibid.* P. 842-844.

пока не под силу¹.

Столь же решительно автор “Политической справедливости” протестовал против коллективной формы потребления — общей трапезы, существовавшей в Древней Спарте и восхвалявшейся позднее многими утопистами, в частности, Т. Мором: “Зачем нам устраивать общие трапезы? Разве я обязан испытывать голод одновременно с вами? Должен ли я являться в определенный час... в определенную залу, предназначенную для выполнения обязанности есть (office of eating), вместо того чтобы питаться, как предписывает разум, в таком месте и в такое время, которое удобнее всего для моих занятий?”²

Как видим, Годвин вполне определенно отвергает коллективное производство и потребление. Несколько сложнее выглядит его трактовка вопросов, связанных с распределением. С одной стороны, он категорически против создания каких-либо институтов, занятых распределением, вроде общественных складов³. С другой — он выдвигает принцип распределения “по нужде”: “Кому должен по справедливости принадлежать какой-либо предмет, скажем каравай хлеба? — Тому, кто больше всех нуждается в нем, или кому обладание им будет наиболее полезно”⁴. Как мы помним, согласно Годвину, материальные потребности людей малы и неизменны, поэтому данный принцип практически сводится к предоставлению каждому минимальных средств существования. Но реализация этой идеи даже в таком ограниченном виде при индивидуальном производстве и отсутствии какого-либо общественного механизма распределения была бы просто невозможна в реальном обществе.

Предложенный Годвином выход полностью соответствует ярко выраженному рационалистическому характеру его доктрины. Идеальное общество “Политической справедливости” состояло бы из людей, достигших совершенства в интеллектуальном и нравственном развитии. Каж-

¹ Ibid. P. 845.

² Ibid. P. 842.

³ Ibid. P. 842-843.

⁴ Ibid. P. 789-790.

дый производитель, удовлетворив собственные насущные потребности, добровольно передавал бы излишки продукции тем, кто в ней нуждается: "То, что я имею, истинно мое, если необходимо мне для потребления; удерживать же то, что мне не нужно, хотя это и плод моего труда, несправедливо. Но принуждения при таком состоянии общества не будет; я не расстанусь ни с чем без полного своего согласия"¹. Иначе говоря, распределение, так же, как производство и потребление, при идеальном строе Годвина должно было носить чисто индивидуальный характер.

Таким образом, задуманное английским философом совершенное общество не являлось бы субъектом отношений, возникающих в процессе производства, распределения и потребления и характеризующих способ присвоения материальных благ, т.е., другими словами, отношений собственности.

От экономического аспекта проблемы мы перейдем теперь к правовому и рассмотрим, как Годвин представлял себе механизм регулирования при идеальном строе отношений, связанных с владением имуществом, пользованием и распоряжением им. Как уже отмечалось, автор "Политической справедливости" был решительным противником институтов государства и права, а также любой другой формы регламентации действий индивида извне. В своих поступках человек, полагал Годвин, должен руководствоваться только личными суждениями; общество может оказывать на него лишь косвенное воздействие через общественное мнение. Этот принцип в полной мере распространялся Годвином и на отношения собственности, причем не только в совершенном обществе, но и во время "переходного периода". Он отвергал идею "аграрного закона" именно потому, что подобный путь уравнительного перераспределения имущества предполагал принуждение по отношению к собственникам²: "Тот, кто приказывает пожару погаснуть или буре утихнуть, проявляет не больше невежества в понимании природы, чем тот, кто с помощью составленного у себя в кабинете свода подро-

¹ Ibid. P. 857.

² Ibid. P. 585-588.

ных или даже самых общих предписаний хотел бы вернуть порочных и погрязших в роскоши людей к умеренности и добродетели¹.

В.П.Волгин высказывал предположение, что в "переходный период" передел собственности должен был, по мысли Годвина, осуществляться "выборными судьями" (juries)². Автор "Политической справедливости" действительно описал возможное решение местным выборным советом (именно такой смысл он вкладывал в термин *juries*³) дела о праве владения. Но речь у него шла лишь о тяжбе пяти одинаково законных наследников, претендующих на спорное имущество⁴, т. е. о случае весьма частном и не дающем оснований для столь широкого обобщения, тем более что Годвин, как показано выше, отвергал принудительный передел собственности.

Круг предметов во владении любого индивида при идеальном строе "Политической справедливости" определялся бы не какими-либо внешними предписаниями, а личными потребностями, естественно, "разумными" (а следовательно, в материальном отношении весьма ограниченными), ибо непереносимое условие достижения наилучшего состояния общества — интеллектуальное и нравственное совершенство его членов. Каждый человек, согласно Годвину, располагал бы, помимо жилища и вещей личного пользования, всем необходимым для производства, поскольку трудовая деятельность носила бы индивидуальный характер. Основным средством производства в ту пору была земля, и Годвин, считавший, что все члены идеального общества определенную часть своего времени будут посвящать сельскому труду, подчеркивал необходимость обеспечить доступ к земле для всех желающих⁵. Размеры участка, вероятно, определялись бы физической способностью хозяина обработать его лично⁶.

1 Ibid. P. 588.

2 Волгин В.П. Социальные идеи В. Годвина. С. 44.

3 См.: Locke D. Op. cit. P. 58.

4 Godwin W. Political Justice. P. 779-780.

5 Ibid. P. 861.

6 "Каждый человек способен возделывать не больше определен-

Крупные земельные собственники, которым не по силам самим возделывать свои владения и которые препятствуют в этом другим, резко осуждались философом¹.

Земли при таком распределении должно было хватить на всех, ибо, по словам Годвина, "три четверти поверхности земного шара, кои могут быть населены, остаются необработанными"². О полной независимости владельца участка от каких-либо общественных институтов (а оно в идеальном состоянии, согласно "Политической справедливости", представляло бы собой конгломерат небольших общин) свидетельствует то обстоятельство, что лишь сам собственник определял бы к территории какой из общин должна быть отнесена принадлежащая ему земля³.

Годвин упоминал также об орудиях (apparatus) для других видов трудовой деятельности, подчеркивая, что они могут принадлежать только отдельно взятым индивидам, а отнюдь не совокупности их⁴.

Мы уже отмечали, что все произведенное человеком сверх необходимого для удовлетворения личных потребностей Годвин причислял к излишкам, которые в соответствии с требованием справедливости должны были распределяться среди нуждающихся. Но такое требование не являлось бы юридической обязанностью и не подкреплялось бы мерами общественного принуждения, представляя собой скорее моральный долг. "Так как естественное состояние общества несовместимо с законами, ограничениями, то недопустимо даже то ограничение, которое запрещает людям накапливать собственность", — считал философ⁵.

И все же для своего совершенного общества он предусматривал факторы, ограничивающие возможность скопления излишков в руках отдельных людей. Это, во-пер-

ного количества земли" — Ibid. P. 512.

¹ Ibid. P. 812-813, 816.

² Ibid. P. 861.

³ Ibid. P. 566.

⁴ Ibid. P. 857.

⁵ Ibid. P. 856.

вых, отсутствие обмена вообще и торговли в частности¹. Материальные потребности человека невелики, утверждал Годвин, и неразумный индивид, решивший сохранить у себя излишек продукции, не сможет ее ни потребить, ни обменять. Во-вторых, — высокий уровень общественного сознания. Люди будут презирать роскошь, и обладающий ею не вызовет ни у кого восхищения², а ведь только тщеславие, согласно Годвину, и побуждает стремиться к ней. Но подобные факторы лишь косвенно воздействовали бы на отношения, связанные с распоряжением имуществом.

Другая особенность идеального общества “Политической справедливости” — отсутствие права наследования. Сам философ не раз подвергал критике этот институт: “Наследственное богатство в сущности награда, выплачиваемая за безделье...”³ При совершенном строе, считал он, исчезнут условия, породившие это порочное явление. Каждый сможет обеспечить себе средства существования своим трудом, не нуждаясь в имуществе родителей. Да и родственные отношения значительно изменятся после отмены брака: “Нельзя окончательно сказать, будет ли при таком состоянии общества известно, кто отец того или иного ребенка”⁴. А уж когда всемогущий человеческий разум окончательно подчинит себе материю и люди, обретя бессмертие, вообще перестанут размножаться⁵, тогда вопрос о наследовании отпадет сам собой. Исчезнет соответственно и необходимость обращения к обществу как к арбитру для разрешения споров, часто возникающих при передаче имущества по наследству. Все вопросы, связанные с собственностью, будут решаться самими владельцами без вмешательства каких-либо общественных органов.

Итак, социальный идеал Годвина предполагал переход средств производства и предметов потребления в пожизненную собственность мелких производителей, которые обладали бы де-факто правом независимого владения,

1 Ibid. P. 836, 838, 858.

2 Ibid. P. 837-838.

3 Ibid. P. 804-805. См. также: P. 789, 794.

4 Ibid. P. 852.

5 Ibid. P.

пользования и распоряжения ими. Таким образом, устранение пороков современного ему социального строя автор "Политической справедливости" связывал не с обобществлением частной собственности, а с уравниванием ее¹, что не позволяет определить его теорию в качестве коммунистической.

Но значит ли это, что учение Годвина вообще не может быть отнесено к социалистической традиции общественной мысли? Исходя из выдвинутого В.П.Волгиным критерия собственности, это действительно так. Однако предложенная им классификация, несмотря на ее достаточно широкую распространенность, все же далеко не бесспорна. Ведь, если же принять в качестве универсального "критерия социалистичности" принцип общественной собственности, как это сделал Волгин, то в принадлежности к данному течению мысли придется отказать даже самому Сен-Симону², по отношению к теории которого впервые и был употреблен термин "социализм".

Не удивительно, что в специальной литературе уже не раз высказывалось мнение о необходимости заменить классификацию В.П.Волгина иной, в большей степени отвечающей бы историческим реалиям³, ведь многие идеологи социализма в действительности отнюдь не считали требование обобществления собственности непременным атрибутом этого направления общественной мысли. Например, теоретики наиболее влиятельного со второй половины XIX в. социалистического течения - марксизма — ни в коей мере не отождествляли широкое понятие социализм с более частным — коммунизм. Как известно, К.Маркс и Ф.Энгельс признавали социалистическими док-

¹ "Хотя идея собственности, измененная подобным путем, сохранится, зависть и эгоизм, порожденные ею, исчезнут" (Ibid. P. 857).

² "Представление о Сен-Симоне-социалисте должно быть нами отвергнуто со всей решительностью". — Волгин В. П. История социалистических идей. Ч. 2. М., 1931. С. 21.

³ См., например: Кучеренко Г. С. Исследования по истории общественной мысли Франции и Англии. XVI — первая половина XIX в. М., 1981. С. 14-26.

трины А.Сен-Симона, Ш.Фурье, П.Ж.Прудона и ряда других мыслителей¹, ни один из которых не принадлежал к числу "коммунистов", т. е. сторонников общественной собственности.

Аналогичным образом история социалистических идей освещалась и в марксистской литературе России начала XX в. Г.В.Плеханов, говоря о раннесоциалистических учениях, особо подчеркивал необходимость различать понятия социализм и коммунизм. Первое, по его словам, обозначало "всякое стремление переделать общественный строй с целью поднять благосостояние низшего класса и обеспечить социальный мир. Ввиду этой крайней неопределенности его значения ему нередко противопоставляли коммунизм как стремление, направленное к гораздо более определенной цели установления общественного равенства посредством обращения средств производства, а иногда и предметов потребления в общественную собственность"². Соответственно, к числу социалистов Г.В.Плеханов относил Сен-Симона, Фурье, Консидерана, Леру, Блана, Прудона, отмечая при этом, что они отнюдь не являлись сторонниками коммунизма

В.И.Ленин так же характеризовал Л.Блана как "выдающегося социалиста" середины XIX в., а прудонизм — как "самое серьезное и самое распространенное тогдашнее социалистическое учение"³. Н. И. Бухарин, анализируя различные течения социалистической мысли, тоже называл среди них и те, что не поддерживали идею обобществления средств производства. Зато строй, где нет частной собственности, но имеет место эксплуатация одного класса другим (пусть даже "товарищески" и "сообща"), Бухарин социалистическим не признавал⁴.

¹ См., например: Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1955. Т. 4. С. 448-457.

² Плеханов Г. В. Французский утопический социализм XIX века // Избранные философские произведения. Т. 3. С. 521.

³ Ленин В. И. Переписка Маркса с Энгельсом // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М., 1961. Т. 24. С. 267.

⁴ Подробнее см.: Чудинов А. В. Н. И. Бухарин об утопическом

Таким образом, главным признаком, позволявшим идеологам марксизма включать выше названные учения XIX в. в рамки единого социалистического направления, была прежде всего их антикапиталистическая направленность, выражавшаяся в общем для авторов всех этих доктрин стремлении преодолеть социальные пороки реально существующего буржуазного общества путем установления принципиально нового, теоретически обоснованного социального строя¹. Не удивительно поэтому, что Ф.Энгельс и К.Каутский, даже не упоминая об отношении Годвина к проблеме собственности, прямо относили его учение к числу ранних социалистических систем². И действительно, автор "Политической справедливости" искренне верил, что преобразование общественных отношений в соответствии с предложенной им умозрительной схемой избавит людей от пороков реально существовавшего в Англии капиталистического строя, в частности от нищеты. На эту же сторону его теории позднее обратил внимание и В.И.Вернадский, считая, что именно она позволяет ставить Годвина в один ряд с Сен-Симоном, поскольку оба "ясно и определенно выдвинули как задачу точного знания — прикладной науки — создание народного богатства в такой мере, при которой при правильном его распределении не было бы в мире нищеты — недоедания — и вызываемых этим человеческих страданий"³.

Однако в поной мере соглашаясь с этим, нельзя не отметить, что сами по себе материальные проблемы все же имели для Годвина второстепенное значение. Решение

социализме // История социалистических учений. М., 1989.

¹ Автор одной из новейших монографий по данной теме предлагает, например, как наиболее точно отвечающее взглядам теоретиков марксизма такое определение социалистической доктрины: "Социализм как учение — это учение о необходимости преодоления отрицательных последствий победы капиталистического способа производства". — Штекли А. Э. Утопии и социализм. М., 1993. С. 260.

² См., например: Энгельс Ф., Каутский К. Юридический социализм // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 21. С. 506.

³ Вернадский В.И. Труды по всеобщей истории науки. М., 1988. С. 250.

их он связывал с достижением главной цели своей программы — с полным освобождением человека от всякой внешней зависимости, в т.ч. — от необходимости подчиняться суровым законам рынка, как, впрочем, и всем остальным законам общества и природы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сколько бы ни говорилось о том, что "история не знает сослагательного наклонения", исследователь, углубляясь в изучаемый материал и распутывая тончайшую паутину случайностей, которые, цепляясь одна за другую, в конце концов все же складываются во вполне законченный рисунок, собственно и составляющий ткань истории, неизбежно оказывается перед искушением поразмышлять на тему "а что было бы, если..." Поддадимся на миг этому искушению и мы, попробовав представить себе, как могли бы сложиться судьбы героев этой книги, не вмешайся в их жизнь Французская революция.

Эдмунд Бёрк, вероятно, окончил бы дни свои, оставаясь главным идейным вдохновителем и старейшим лидером парламентской оппозиции. Его смерть оплакивалась бы, а заслуги превозносились бы журналистами всех вигских изданий, в том числе и не в последнюю очередь Джеймсом Макинтошем и Уильямом Годвином. Но, как мы знаем, все произошло совершенно иначе: во Франции началась революция, и дискуссия о ней развела бывших соратников по враждебным лагерям.

Было ли это связано с пересмотром кем-либо из них своих прежних взглядов? Нет, как показывают результаты настоящего исследования, позиция в дебатах каждого определялась той же самой мировоззренческой основой, что и его предшествующие выступления в поддержку вигской программы реформ. Особенно хорошо это видно на примере Бёрка, имевшего за плечами, в отличие от его гораздо более молодых оппонентов, опыт нескольких десятилетий активной политической деятельности. В своей борьбе за государственные преобразования в Англии, компромисс с Американскими колониями, импичмент Гастингса, равноправие ирландцев и т. д., он точно так же руководствовался идеей установленного свыше "естественного закона", управляющего природой и обществом, как и в последующей критике Французской революции. Имевшие христианскую основу общефилософские представления Бёрка о неразрывной взаимосвязи всех сфер

общественного бытия, отражающей единство Вселенной в целом, о неизбежности социальных противоречий, как части мировой гармонии, об исторической преемственности, как неперемennom условии прогресса цивилизации, обусловили ключевые особенности его трактовки Французской революции. К их числу мы можем отнести глубокий и всеобъемлющий историзм, диалектичность, стремление к целостному и всестороннему рассмотрению общественных явлений. Именно поэтому Бёрк первым из участников дебатов поднял вопрос о социально-экономических предпосылках революционных потрясений, направив дискуссию в те сферы изучения общественного бытия, куда большинство других ее участников так и не решилось за ним последовать, ограничившись обсуждением идеологических и политических аспектов происшедшего. Также одним из первых Бёрк обратил внимание на обострение противоречий между владельцами различных форм собственности в предреволюционной Франции, считая это чрезвычайно важной предпосылкой вызревания революционного кризиса.

Благодаря этим особенностям его интерпретация французских событий отличалась среди других современных ей трактовок особой оригинальностью, а в некотором смысле даже уникальностью, что во многом определило ее влияние на последующее развитие историографии Французской революции. Важность вклада Бёрка в освещение данных аспектов вынуждены были признать даже некоторые видные представители “классической” историографии (например, Ж.Жорес), обычно крайне критически относившиеся к идейному наследию консервативных мыслителей. Об актуальности интерпретации Бёрком этих сторон истории Французской революции свидетельствует и то, что его концептуальный подход к трактовке проблем социально-экономической необходимости революционных преобразований и роли в них различных социальных групп, весьма близок к подходам, предлагаемым сегодня историографией “ревизионистского” направления, определяющей в последнее время основные пути изучения данной темы.

Историки общественной мысли уже достаточно подроб-

но исследовали вопрос о влиянии на ее консервативную традицию трактовки Бёрком проблемы соотношения в процессе развития общества исторической преемственности и целенаправленной деятельности людей по преобразованию социальной действительности¹. Представление о Бёрке как об основоположнике идеологии консерватизма нового и новейшего времени стало в специальной литературе настолько общим местом, что я счел возможным в своей работе специально на нем не останавливаться. Гораздо менее разработан вопрос о том, какую познавательную ценность имело применение этих идей Бёрком в исторической интерпретации революционных событий во Франции XVIII в. Как показывают результаты данного исследования, консервативная историография XIX-XX вв. широко использовала выдвинутую Бёрком идею о том, что одним из определяющих для хода Французской революции моментов (особенно на якобинском этапе) было стремление к реализации на практике оторванной от жизни, абстрактной схемы совершенного строя (утопии). Правда, занимавшая до последней трети XX столетия ведущие позиции в изучении Французской революции либерально-социалистическая ("классическая") историография практически полностью отрицает какое-либо научное значение трудов указанных авторов и, в частности, разработанной ими концепции утопии².

Однако исследования самих же историков-марксистов 30-60-х годов нашего века убедительно продемонстрировали невозможность научного объяснения ряда проблем революционной истории, в частности - Террора, в рамках одного лишь социального подхода, все еще почти безраз-

¹ См., например: *Галкин А. А., Рахшмир П. Ю.* Консерватизм в прошлом и настоящем. М., 1987; *White R. J.* The Conservative Tradition. L., 1950; *Graubard S.* Burke, Disraeli, Churchill: The Politics of Perseverance. Cambridge (Mass.), 1961; *The Conservatives. A History From Their Origins to 1965.* L., 1977; *Freeman M.* Edmund Burke and the Critique of Political Radicalism. Oxford, 1980.

² См.: *Чудинов А. В.* О новом отношении к консервативной историографии: через критику к синтезу // Актуальные проблемы изучения Великой французской революции.

дельно доминирующего в "классической" историографии¹. Таким образом, необходимость поиска новых решений делает, на мой взгляд, особенно актуальной для историографии Французской революции задачу преодоления прежних идеологических разногласий между направлениями и синтеза их подлинно научных достижений, включая те, что были получены консервативными авторами в рамках подхода, намеченного еще Эдмундом Бёрком. Не удивительно, что современные историки - "ревизионисты", пытаясь пересмотреть идеологические стереотипы "классической" историографии, ищут научное решение проблемы Тррора именно в направлении, указанном этим мыслителем.

Джеймс Макинтош был одним из немногих оппонентов автора "Размышлений о революции во Франции", который отважился отправиться вслед за ним в почти не затрагивавшиеся другими участниками дискуссии сферы изучения общественного бытия. Обратившись, по примеру Бёрка, к социально-экономическим аспектам французской истории, Макинтош попытался проанализировать их с позиций утилитаристской и (в меньшей степени) естественноправовой философии, дабы разбить доводы соперника своим "оружием", но на его "территории". Привлечение большого фактического материала, что дает основание считать "Иск галлов" одним из первых собственно исторических исследований о Французской революции, позволило Макинтошу более детально, нежели это удалось его оппоненту, осветить отдельные стороны предреволюционной истории, в частности, процесс формирования "среднего класса" и проблему нарастания противоречий между обладателями различных видов собственности. Несомненный интерес представляет и предпринятая Макинтошем попытка (одна из первых в историографии) социального анализа революционного лагеря. Однако в целом избранная автором "Иска галлов" методология привела его

¹ Подробнее см.: Чудинов А.В. Назревшие проблемы изучения Великой французской революции; Он же. На облаке утопии: жизнь и мечты Жоржа Кутона // Кутон Ж. Избранные произведения. 1793-1794. М., 1994. С. 39-54.

в конечном счете к выводам, полностью опровергнутым дальнейшим ходом событий. Преувеличивая, в соответствии с традицией просветительской философии, роль рационального в жизни общества, Макинтош считал, что "средний класс" вполне сможет убедить "народ" не выходить за рамки разумно умеренной "политической революции".

Развитие революционного процесса в совершенно ином, непредвиденном направлении убедило Макинтоша в несовершенстве избранного им утилитаристского подхода к объяснению происшедшего и побудило к поиску новой методологии. В результате к концу 90-х годов XVIII в. Макинтош, во многом под влиянием Бёрка, пришел к признанию христианских ценностей (понимаемых в духе традиции "естественного закона") в качестве единственно возможной мировоззренческой основы для понимания окружающей действительности. В то же время итоги данного исследования свидетельствуют, что его переход на мировоззренческие позиции Бёрка, ни в коей мере не был сопряжен с полным отказом от прежних политических взглядов, в частности - от приверженности идее умеренно-демократических реформ, как это нередко утверждается в исторических работах общего содержания. Став единомышленником Бёрка в том, что касалось общеполитических убеждений, Макинтош не достиг с ним согласия в вопросах конкретной политики.

Новый методологический подход определил предложенную Макинтошем в работах 1815 г. оригинальную историческую интерпретацию французских революционных событий конца XVIII в. В свою очередь она позволила ему сформулировать ряд теоретических принципов, которые Макинтош затем использовал в своих, имевших широкий международный резонанс, парламентских выступлениях с идеологическим обоснованием либеральных преобразований 1815-1832 годов в Англии и других странах Европы. Характерно, что данные принципы - историзм, уважение к традиции и социальным реалиям, реформа как средство сохранения исторической преемственности и т. д. — не только не противоречили социально-политической философии Бёрка, а скорее прямо из нее вытекали, с чем, в

частности, свидетельствуют и постоянные ссылки в речах и статьях Макинтоша за этот период на работы его бывшего соперника по дискуссии.

Если дебаты 90-х годов XVIII в. о Французской революции побудили автора "Иска галлов" углубиться в изучение истории для понимания происходящего, то Уильяма Годвина они, напротив, убедили в необходимости отвлечься от конкретных реалий общественной жизни и подняться к заоблачным высотам философской абстракции. Последовательный приверженец просветительского рационализма, Годвин, рассматривая события по другую сторону Ла-Манша в свете интерпретации их своими единомышленниками (в частности, Макинтошем) как наглядный результат победы Разума над предрассудками, пришел к выводу, что Французская революция поставила в порядок дня установление на земле совершенного, истинно разумного строя, свободного от всех социальных пороков. Именно разработке и обоснованию чисто рационалистическим путем принципов такого общественного устройства и был посвящен фундаментальный трактат Годвина "Исследование о политической справедливости".

Взяв за основу концепцию "политической революции" Макинтоша, являвшуюся результатом осмысления французского опыта, Годвин "очистил" ее от исторической конкретики и придал вид абстрактной, а потому универсальной схемы первого этапа перехода от реально существующего порочного общества к идеальному порядку "политической справедливости". Причем, если в начальном пункте своих рассуждений Годвин, хотя и столь опосредованным образом, но все же еще исходил из исторических реалий, то теория дальнейшего движения к социальному идеалу создавалась им уже при помощи "чистого мышления". Именно таким образом им были сформулированы положения о неизбежном отмирании государства и права, добровольном перераспределении собственности ее просвещенными владельцами, об обществе управляемом исключительно средствами убеждения, о грядущем бессмертии абсолютно разумных индивидов.

Стройность и последовательность рассуждений, содержащихся в этом подлинном шедевре философской мыс-

ли, была такова, что на какое-то время буквально заморозила значительную часть образованной публики, воспитанной в рационалистическом духе века Просвещения. Однако столкнувшись с исторической реальностью изящная абстракция рассыпалась, как картонный домик, не выдержав проверки кровавым опытом Французской революции, которой она собственно и была обязана своим возникновением.

Как политический мыслитель Годвин сошел со сцены общественной жизни, но вдохновлявшая его идея теоретической разработки и практического осуществления схемы идеального строя, свободного от противоречий социальной реальности, надолго пережила учение о "политической справедливости". Именно поэтому имя Годвина спустя многие десятилетия после его смерти появилось в работах представителей социалистической традиции общественной мысли рядом с определениями "социалист", "отец анархизма", "автор коммунистической системы". И если правомерность двух последних формулировок, как показывают результаты настоящего исследования, вызывает серьезные сомнения, то первая представляется вполне оправданной.

Спор английских мыслителей о Французской революции, вскрыв глубочайшие противоречия в мировоззрениях прежних политических союзников по лагерю вигов, фактически вылился в острый конфликт двух парадигм - христианской и просветительской. Первая, как мы видели, составляла основу предложенной Э. Бёрком исторической интерпретации французских событий, которая в свою очередь во многом определила систему ключевых ценностей консервативной традиции европейской общественной (в частности, исторической) мысли XIX-XX вв. Вторая нашла отражение в трактовках революции оппонентами Бёрка, в т. ч. - Макинтошем и Годвином. Однако, когда ход дискуссии наглядно продемонстрировал невозможность удовлетворительного понимания сути происшедшего и, соответственно, прогнозирования дальнейшего развития событий в рамках чисто рационалистического подхода, присущего просветительской философии, Макинтош обратился к поиску новой методологической базы на-

учного объяснения социальной жизни. Предпринятый им синтез мировоззренческих принципов философской традиции естественного закона и тех политических идеалов, которые он прежде отстаивал с утилитаристских позиций, позволил ему разработать новое обоснование необходимости умеренно-демократических реформ и тем самым внести существенный вклад в развитие европейского либерализма.

И все же едва ли уместно сводить результаты указанной дискуссии к "победе" одной из участвовавших в ней сторон, как это порою делается в историографии. В разных сферах общественной мысли каждый из предложенных участниками спора подходов оказался по-своему плодотворен. Если методология Бёрка действительно позволила ему добиться определенных успехов в области исторического познания, то в сфере изучения механизма общественных отношений именно наиболее последовательное применение рационалистических критериев привело к появлению одной из самых оригинальных в истории раннего социализма доктрин — социально-критического учения Годвина.

Таким образом, главным итогом рассмотренной нами дискуссии мы можем считать формирование в результате конфликта христианской и просветительской парадигм, пронизывающего весь XVIII в. и достигшего кульминации в спорах о Французской революции, основополагающих ценностей новых идеологий, которым принадлежало будущее, — консервативной, либеральной, социалистической.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора.....	3
Введение.....	5
Глава I. Эдмунд Бёрк (1729-1797).....	25
1. Жизнь и мировоззрение Э.Бёрка.....	27
2. Споры о революции: Бёрк и его оппоненты.....	60
3. Идеи Бёрка в историографии Французской революции.....	101
Глава II. Джеймс Макинтош (1765-1832).....	144
1. "Иск галлов".....	150
2. Макинтош и Бёрк.....	170
3. Макинтош и либеральные движения в Европе первой трети XIX в.....	201
Глава III. Уильям Годвин (1756-1836).....	232
1. Годвин и революция.....	240
2. Годвин и анархизм.....	252
3. Годвин и социализм.....	271
Заключение.....	293